

ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

(к X Всероссийскому съезду судей)

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
МЕЖВЕДОМСТВЕННОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

ЧАСТЬ II

**Нижний Новгород
2022**

НИЖЕГОРОДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД

**УПРАВЛЕНИЕ СУДЕБНОГО ДЕПАРТАМЕНТА
В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ПРИВОЛЖСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»**

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ «РОССИЙСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ СУДЕЙ»
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
(к X Всероссийскому съезду судей)**

*Сборник материалов
Всероссийской межведомственной научно-практической
конференции*

Часть II

Нижний Новгород
2022

УДК 343(063)+347.9(063)
ББК 67.410я431
П68

Редакционная коллегия:

Поправко В. И. – председатель Нижегородского областного суда
Журавлёва Ю. В. – директор Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук
Ярцев Р. В. – судья Нижегородского областного суда, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Рецензенты:

В. Н. Корнев,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, заведующий кафедрой конституционного права им. Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия

Е. В. Бурдина,
доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия

П68 Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей) : сборник материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, посвященный X Всероссийскому съезду судей. В двух частях. Часть II / под ред. В.И. Поправко, Ю.В. Журавлёвой, Р.В. Ярцева. Н. Новгород : Изд-во «Автор», 2022. 332 с.

ISBN 978-5-905953-42-2

Сборник материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей)» посвящён X Всероссийскому съезду судей. В представленных статьях отражены актуальные вопросы, посвящённые судебной реформе России в историческом и современном аспектах.

Публикуемые материалы представляют интерес для научного сообщества, правоприменителей, преподавателей, аспирантов, магистрантов, адъюнктов, студентов.

ISBN 978-5-905953-42-2

**УДК 343(063)+347.9(063)
ББК 67.410я431**

© Нижегородский областной суд, 2022
© ПФ ФГБОУВО «РГУП», 2022
© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОСУДИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Биюшкина Н.И., Сосенков Ф.С.</i> Воздействие федеративной формы государственного устройства СССР на советскую судебную систему	7
<i>Востриков П.П., Караитин Д.С.</i> Обеспечение права на доступ к правосудию и эффективность судебного процесса: общетеоретические аспекты	14
<i>Горшенков А.Г.</i> Суд... «Вне закона»	21
<i>Елисеева В.С., Лаврентьев А.Р., Фролов С.В.</i> Предложения в связи с подготовкой к X Всероссийскому съезду судей	27
<i>Заякин Е.В.</i> К истории изучения виндикации в отечественной науке	37
<i>Колоколов Н.А.</i> Правосудие в современном мире: доктрина, практика, техника	43
<i>Ламтева А.В.</i> Процессуальный мост между судебной системой Древних Афин и современной состязательной моделью организации судебного разбирательства	56
<i>Малютина О.А.</i> Процессуальные аспекты взаимодействия ФАС России и МВД России в сфере противодействия картельному сговору	67
<i>Сапожников С.М.</i> Историко-правовой опыт Нижегородского земства в реализации судебной и пенитенциарной реформы в 60–70 годах XIX века	72
<i>Свешникова И.Ю.</i> Становление научной организации труда судьи: историко-правовой анализ	79
<i>Сим А.В.</i> Образ судьи и общественное мнение	86
<i>Ярошенко О.Н.</i> Методологические основы понятия правосудие и значение данного института в современном мире	89

РАЗДЕЛ II.

КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВОСУДИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Иванова Л.Н.</i> Логика эволюции правосудия: от буквы к цифре, от цифры к человеку	98
<i>Каразанова О.О.</i> Цифровизация судебной системы	105

<i>Кудряшова Е.С.</i> Цифровизация досудебного уголовного судопроизводства: «за» и «против»	109
<i>Лаврентьев А.Р., Леваневская Е.А., Сохоян А.Р.</i> Цифровизация в деятельности судов в современной России	113
<i>Новопавловская Е.Е.</i> Некоторые проблемы цифровизации российского правосудия	122
<i>Юн Л.В.</i> Современное состояние цифрового правосудия и влияние на него конституционного правопонимания судей Конституционного Суда Российской Федерации	131

РАЗДЕЛ III.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

<i>Каримова И.И.</i> Предварительное судебное заседание	137
<i>Татаренко Л.А.</i> Использование биообъектов и биоматериалов человека в условиях научно-технологического прогресса: гражданско-правовой аспект	142
<i>Тищенко С.В.</i> Ранее учтенные объекты недвижимости: признание ранее возникших прав, прав, возникающих в силу закона	147
<i>Шалагинов П.Д.</i> Особенности правоприменения по делам об административных правонарушениях, связанных с использованием запрещенной символики	152

РАЗДЕЛ IV.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РФ

<i>Абросимов И.И.</i> Процессуальные проблемы назначения и производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы	161
<i>Власова С.В., Власов Д.А.</i> Цифровая трансформация технологий доказывания по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики	170
<i>Волчкова А.А.</i> Антифейковые новеллы уголовного закона	174
<i>Грачев С.А.</i> Пределы действия судебного решения, ограничивающего конституционные права граждан	180
<i>Казнина И.А.</i> Судейское усмотрение при принятии решений по жалобам участников уголовного судопроизводства	188

<i>Кравец Ю.П.</i> Роль прокуратуры в уголовно-правовом противодействии коррупции и легализации (отмывании) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем	193
<i>Мелешикина О.В.</i> Уголовно-правовые последствия повторного совершения противоправного деяния	206
<i>Михеев Д.С.</i> Актуальные проблемы рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей	214
<i>Петрянин А.В.</i> Уголовное законодательство и новая стратегия национальной безопасности: точки соприкосновения, направления реализации	221
<i>Рогова А.А.</i> Судебный порядок обжалования процессуальных решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела: проблемы теории и практики	224
<i>Стукалова Т.В., Аменицкая Н.А.</i> Актуальные проблемы совершенствования правового и разъяснительного регулирования процессов криминализации и доказывания высшего положения в преступной иерархии	231
<i>Фоминых С.М.</i> Судебный контроль за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий	236
<i>Чупрова А.Ю.</i> Условия обоснованности риска как обстоятельства, исключающего признаки преступления в сфере медицины	242

РАЗДЕЛ V.

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

<i>Власичева В.В.</i> Образ коррупции в дискурсивном пространстве русского языка	250
<i>Мальшева Е.Ю.</i> Современные теоретико-правовые аспекты телеологии и потенциальные возможности ее применения при исследовании права	255

РАЗДЕЛ VI.

ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

<i>Глазырина Ю.А.</i> Некоторые аспекты определения единых критериев оценки (рейтинга) работы пресс-служб в судебной системе	261
<i>Яшина А.А.</i> Некоторые аспекты судебных коммуникаций со СМИ в условиях концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг.	267

РАЗДЕЛ VII.
ШКОЛА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Антипова Т.А.</i> Конституционные поправки 2020 г. и их влияние на правовое регулирование конфликта интересов на государственной гражданской службе	275
<i>Бабаев А.С.</i> Вопросы совершенствования отдельных примирительных процедур в гражданском и арбитражном процессах	280
<i>Бедарева Е.А.</i> Правовой статус помощника судьи арбитражного судопроизводства в РФ	284
<i>Ситник А.В.</i> Особенности применения денежного взыскания в уголовном судопроизводстве	290
<i>Смирнова Т.А.</i> Судебная медиация в современной России: «своих не бросаем» как принцип российского государства	298
<i>Урняева А.С.</i> Проблемы реформирования коллегии присяжных заседателей в районных судах	304
<i>Федюнин А.С.</i> Сложности правоприменения и доказывания по административным делам об оспаривании действий (бездействия) органов местного самоуправления	312
<i>Шубин Н.В.</i> Злоупотребление корпоративными правами как деструктивное явление современной корпоративной действительности	317
<i>Ярцева А.Р.</i> Приемлемость кассационной жалобы как критерий доступа к правосудию	323

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОСУДИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Биюшкина Н. И.,

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

Сосенков Ф. С.,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

ВОЗДЕЙСТВИЕ ФЕДЕРАТИВНОЙ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА СССР НА СОВЕТСКУЮ СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ¹

Аннотация. В статье изложены различные аспекты воздействия федеративной формы государственного устройства Советского Союза на советскую судебную систему, на основе анализа конституционных норм СССР и РСФСР прослеживается взаимодействие судов союзного и республиканского уровней, место судов в системе органов власти.

Ключевые слова: федерализм; судебная система; СССР; РСФСР; союзная республика; автономная республика.

В советской юридической науке и политико-правовой практике не признавался принцип разделения властей, в связи с чем организация судебной деятельности представляла собой неотъемлемый элемент общей системы государственного управления. Особенность её устройства была во многом связана с федеративной формой устройства Советского Союза. Принцип федерализма диктовал необходимость создания двух-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43043.

уровневой судебной системы – федеративной и союзной. Вместе с тем требовалось выстроить систему различных уровней судостроительства на началах иерархии и подчинения. В основных законах СССР и союзных республик данный принцип получил своё отражение.

Образованию СССР предшествовали другие формы советского государства, в том числе Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Вопросам организации судебной системы был посвящен всего один пункт статьи 49 Конституции РСФСР 1918 г.: «Ведению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов подлежат все вопросы общегосударственного значения, как-то: ... о) Общегосударственное законодательство, судостроительство и судопроизводство, гражданское, уголовное законодательство и пр.» [3]. Такая краткость отчасти объясняется тем, что советское государство находилось в стадии становления, и в этой связи подробно фиксировать в Основном законе промежуточные политико-правовые институты не имело смысла. Вместе с тем уже в первой советской конституции совершенно четко фиксируется принцип централизации в организации судебной власти, когда субъектам советской федерации предлагается установленная центром модель судостроительства.

Четкая система судостроительства была установлена с принятием Положения о судостроительстве РСФСР 1922 г., в котором были предусмотрены следующие судебные учреждения: народный суд, губернский суд, Верховный Суд РСФСР [19]. С принятием данного документа, по мнению профессора Р.С. Абдулина, «впервые в советском государстве получила законодательное закрепление иерархически-субординационная структура управления и подчиненности нижестоящих судов вышестоящим в вопросах не только судебного надзора, но и судебного управления» [1, с. 22–23].

Конституция СССР 1924 г. в целом сохранила преемственность тенденции централизации власти, провозглашая в пункте «п» статьи 1, что «ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его верховных органов, подлежат ... установление основ судостроительства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза» [9].

Вместе с тем, устанавливая основы судостроительства, общесоюзная власть оставляла за союзными республиками определенную, хотя и весьма ограниченную инициативу в указанной сфере. Так, статья 69

Конституции СССР провозглашала, что «право амнистии, а равно право помилования и реабилитации в отношении граждан, осужденных судебными и административными органами союзных республик, сохраняется за ЦИК'ами этих республик» [10].

Участвовали представители союзных республик, а именно представители пленарных заседаний их верховных судов, и в работе пленарных заседаний Верховного Суда СССР. Учет национального фактора, положенного в основу советского федерализма, выражался также в праве пользования родным языком в суде: «За гражданами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики признается право свободного пользования родным языком... в суде» [4].

В целом период до середины 1920-х годов характеризуется в научной литературе сочетанием федерализма с унитарностью [1, с. 136].

Вместе с тем централизация системы правосудия была неоспорима, что наглядно доказывает содержание статьи 43 Конституции СССР 1924 г., относящей к компетенции Верховного Суда СССР дачу Верховным Судам союзных республик руководящих разъяснений по вопросам общесоюзного законодательства; рассмотрение и опротестование перед ЦИК'ом Союза ССР по представлению прокурора Верховного Суда Союза ССР постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик, по соображениям противоречия таковых общесоюзному законодательству, или поскольку ими затрагиваются интересы других республик; дачу заключений по требованию ЦИК'а Союза ССР о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции; разрешение судебных споров между союзными республиками. Анализ содержания полномочий Верховного Суда СССР позволяет говорить, что эти полномочия были в значительной мере направлены на обеспечение законности в федеративных отношениях [2].

Централизацию усиливало также то, что судебная система как в соответствии с Конституцией 1924 г., так и в более поздних советских Основных законах рассматривалась как часть системы государственного управления, выстроенная иерархически и починенная центральным органам власти [18]. Именно такой производный от исполнительной власти характер правосудия подчеркивается в статье 43 Конституции СССР: «В целях утверждения революционной законности на территории Союза ССР, при ЦИК'е Союза ССР учреждается Верховный Суд» [11].

Тенденция централизации и перераспределения полномочий от республик к союзным органам власти усилилась в 30-е годы, что нашло отражение в Конституции СССР 1936 г. [17]. Если в 1924 году в союзном ведении находилось установление основ судостроительства и судопроизводства, то в 1936 году – в целом законодательство о судостроительстве и судопроизводстве (ст. 14) [12]. Также в статье 104 конституционно устанавливается надзорная функция Верховного Суда СССР «за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик» [13].

Определенная самостоятельность союзной республики в сфере осуществления правосудия под влиянием федеративного устройства сохранялась в возможности Верховного Совета Союзной республики осуществлять амнистию и помилование граждан, осужденных судебными органами Союзной республики (ст. 60) [14]. Кроме того, статья 110 стояла на страже суверенных прав союзных республик по использованию в сфере правосудия государственного языка республики: «Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке» [15].

Нельзя также пройти мимо такого факта, как формирование судов всех уровней, кроме народного, который избирался непосредственно народом, советами. Верховные суды союзных республик формировались Верховными советами союзных республик, что также является следствием принципа федерализма в государственном управлении Советским Союзом. Особенностью судебной системы СССР было, таким образом, то, что суды не только вершили правосудие, но выполняли представительную функцию.

Конституции союзных республик, в том числе Конституция РСФСР 1937 г., практически дословно воспроизводили положения союзной конституции о правосудии, закрепляя такие положения, имеющие отношение к федеративному устройству, как право амнистии и помилования граждан, осужденных судебными органами РСФСР (ст. 19, 33 Конституции РСФСР 1937 г.) [5], надзорная функция Верховного Суда РСФСР за судебной деятельностью всех судебных органов РСФСР, автономных республик и областей (ст. 109 Конституции РСФСР 1937 г.) [6], право использовать язык автономной республики,

автономной области, национального округа при осуществлении правосудия (ст. 114 Конституции РСФСР 1937 г.) [7].

Конституция СССР 1977 г. в целом сохранила позиции централизации власти, в том числе в области отправления правосудия. Верховный Суд СССР сохранил функцию надзора за судебной деятельностью судов СССР, а также судов союзных республик (ст. 153) [16]. Статья 113 закрепила за Верховным Судом право законодательной инициативы, что также может свидетельствовать о централизации и концентрации власти на всесоюзном уровне. Характерно, что право законодательной инициативы по вопросам ведения присутствует и у Верховного Суда Российской Федерации, в чем усматривается некоторая преемственность советской и современной российской системы властных институтов.

Определенное влияние федеративного принципа государственного устройства СССР на организацию судебных органов можно усмотреть в сохранении представительства в Верховном Суде СССР председателей Верховных судов союзных республик: «В состав Верховного Суда СССР входят по должности председатели Верховных Судов союзных республик» (ст. 153) [16]. Судопроизводство также, учитывая национальный принцип советского федерализма, велось на языке союзной республики (ст. 159) [16]. Высшие органы государственной власти союзных республик по-прежнему осуществляли амнистию и помилование граждан, осужденных судами республик [8].

В качестве вывода следует отметить, что, несмотря на конституционно закрепленный принцип федерализма в организации власти, предусматривающий достаточно широкую степень самостоятельности субъектов – союзных республик, судебной системы он коснулся незначительно. В Советском Союзе была выстроена стройная иерархическая система судебных инстанций при верховенстве союзных органов в судебной сфере. Сфера осуществления правосудия оказалась едва ли не самой централизованной государственной гражданской сферой Советского Союза.

Список источников

1. *Абдулин Р.С.* Формирование и развитие судебного управления в России с 1917 до середины 1990 годов: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 281 с.

2. *Брежнев О.В.* Судебный конституционный надзор в СССР в 1920-х – начале 1930-х гг.: исторические уроки и тенденции // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2016. № 12. С. 14–15.

3. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/3e2e251c74db8e0b182fad67b502e640/> (дата обращения: 26.03.2022).

4. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/chapter/1b55d7aed16d41d8f6f6bd1ff00b7bb6/ (дата обращения: 26.03.2022).

5. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/chapter/95ef042b11da42ac166eeede998f688/ (дата обращения: 26.03.2022).

6. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/chapter/5a0dc674dd2aa9c6aеac0cff33e5d06ee/ (дата обращения: 26.03.2022).

7. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/chapter/79e1105747e4b4d7487471312237be1c/ (дата обращения: 26.03.2022).

8. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения: 26.03.2022).

9. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) (с изменениями и дополнениями) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-sfsr/1924/red_1924/185480/chapter/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/ (дата обращения: 26.03.2022).

10. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) (с изменениями и дополнениями) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/185480/chapter/e3b4936b9aad06dabb2a6618c97197da/ (дата обращения: 26.03.2022).

11. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) (с изменениями и дополнениями) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-

Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/185480/chapter/972fd564a6e3598bb31ccdc27b33ca68/ (дата обращения: 26.03.2022).

12. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/888134b28b1397ffae87a0ab1e117954/ (дата обращения: 26.03.2022).

13. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/f0919a1a5b9327ff53d0b0cd9f3489ec/ (дата обращения: 26.03.2022).

14. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/21a69d564a3ae054d908867940facd2e/ (дата обращения: 26.03.2022).

15. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/61be80f84cf4d95f84aeddb3178a7797/ (дата обращения: 26.03.2022).

16. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации: НПП «Гарант-Сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 26.03.2022).

17. *Михеев Д.Ю.* Конституция СССР 1936 года как фактор изменений в работе судебных органов Сибири // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2020. № 4. С. 151–154.

18. *Осавелюк А.М.* Проблема определения правового статуса высших органов государственной власти в СССР и России // *Lex russica* (Русский закон). 2016. № 3 (112). С. 123.

19. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.» // *Собрание узаконений РСФСР*. 1922. № 69. Ст. 902.

Востриков П. П.,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Караштин Д. С.,

*помощник судьи Арбитражного суда Нижегородской области,
г. Нижний Новгород*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических и практических проблем обеспечения права граждан на доступ к правосудию и повышения эффективности судебного процесса на современном этапе развития общества и проведения судебной реформы в Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная власть; судебный процесс; правосудие.

Закрепленный Конституцией Российской Федерацией государственно-правовой механизм гарантий прав и свобод человека и гражданина выделяет судебную защиту как первостепенную меру обеспечения и восстановления нарушенных прав и свобод. Развитие правовых отношений на современном этапе развития общества невозможно без совершенствования судебной системы и обеспечения реализации права граждан на судебную защиту. Конституция Российской Федерации подчеркивает, что гарантии прав и свобод представляют собой выражение ответственности государства перед своими гражданами.

Впервые судебно-доктринальный анализ права на доступ к правосудию был осуществлен в Постановлении ЕСПЧ от 21.02.1975 г. по делу «Голдер против Соединенного Королевства», в котором суд указал, что под правом на доступ к правосудию понимается возможность инициировать судебное производство. Доступ к правосудию и обеспечение эффективности судебного процесса является одной из первостепеннейших задач целевой программы по развитию судебной власти. Доступ к правосудию – это обязательное благо со стороны государства для своих граждан и правовая гарантия свободного справедливого судопроизводства.

Эффективность доступного правосудия зависит от предоставления гарантий, обеспечивающих отсутствие ограничений и препятствий в реализации права на судебную защиту. По мнению Т.В. Орловой, сущност-

ные характеристики правосудия должны основываться на законах, так как правосудие – это, прежде всего, правовое понятие [6, с. 187]. В то же время право на доступ к правосудию следует рассматривать через институт гарантий прав человека.

Судебная защита является частью гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина, а доступ к правосудию включает широкий круг основных прав, направленных на обеспечение защиты прав и свобод. Под доступом к правосудию следует понимать право пользования судебной защитой без явных и латентных препятствий, не закрепленных в законодательстве. Создаваемые в государстве правовые и организационные условия формируют фундамент для обеспечения обращения граждан за судебной защитой. Во многом от сложившихся условий зависит уровень доверия и отношение населения к судебной системе.

По результатам исследования Европейской Комиссии, по состоянию на 2020 год российские суды продемонстрировали лучшие показатели в осуществлении оперативного правосудия в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве среди стран Европы [10]. В исследовании приняло участие 47 государств, в которых проверялись показатели скорости рассмотрения дел, технологичности процесса, экономности и прогрессивности. Средний срок рассмотрения гражданских дел и экономических споров составляет 50 дней, что превосходит показатели Германии (220 дней), Франции (420 дней), Италии (527 дней). В административном судопроизводстве показатель скорости у России – 13 дней, в то время как среднеевропейский уровень составляет 323 дня. Германия рассматривает административные дела в среднем за 435 дней, Франция – за 285 дней, а Италия – за 889 дней. Следовательно, в России создан образцово отлаженный механизм работы судебной системы и количество поступающих в суды дел соответствует количеству дел, рассматриваемых ежегодно, что в процентном соотношении препятствует созданию судебной волокиты. Доклад Европейской Комиссии фактически утверждает российскую судебную систему в роли флагмана и ориентира судопроизводства для всех европейских стран.

Следующим показателем является эффективность применения современных технологий. По данным Европейской комиссии, уровень применения цифровых технологий судами России при взаимодействии с участниками уголовного судопроизводства более чем в два раза выше среднеевропейского (8,6 баллов против 4,1 балла). В части электронного взаимодействия с участниками судопроизводства России присвоена

оценка 9,09 балла (среднеевропейский показатель – 5,04 балла), в части использования цифровых технологий в распределении дел и организации работы судов – также 9,09 балла (среднеевропейский показатель – 7,11 балла). В части применения современных технологий при подготовке судебных актов показатель России – 8,24 балла (среднеевропейский показатель – 6,15 баллов).

Технологические инновации делают правосудие более доступным и экономным. Внедрение новых технологий ускоряет судопроизводство, сокращает нагрузку на аппарат суда, снижает стоимость процедур и повышает уровень открытости судебной системы. Карточка арбитражных дел, система «Мой арбитр», а также Государственная автоматизированная система «Правосудие» являются большим достижением российской судебной системы, получая от критиков высокие оценки при сравнении с зарубежными аналогами.

При этом технологический прогресс не стоит на месте, подтверждением чего являются появившиеся в арбитражном судопроизводстве онлайн-ознакомления с материалами дела и возможные в некоторых судах онлайн-процессы. В 2021 году начата работа по созданию сервиса «Правосудие онлайн» [11] на портале Государственных услуг Российской Федерации, который облегчит формирование электронного обращения в суд, в том числе на основе стандартизированных форм. Подготовка сервиса «Правосудие онлайн», по словам вице-премьера Правительства России Д.Н. Чернышенко, будет закончена до конца 2024 года.

Европейской комиссией было отмечено, что в Российской Федерации на одного человека приходится 20,6 евро, выделенных на финансирование судов (среднеевропейский показатель – 40,79 евро). Например, в Польше – 40,8 евро, во Франции – 49,9 евро, а в Италии – 53,2 евро. Сумма выплаченных пошлин на одного человека составляет 3,4 евро (среднеевропейский показатель – 7,67 евро). При обращении в суд с иском в сумме 3000 евро в России нужно заплатить приблизительно 75 евро, в Германии – 325 евро, а в Швейцарии – 646 евро (среднеевропейский показатель – 154 евро). Комиссией подчеркивается, что экономичность процесса в России является как достижением вследствие небольших затрат бюджета и рядовых граждан, так и крупным недостатком, вызванным низким уровнем заработной платы. Годовой доход судей в России практически несопоставим с доходами их коллег из западноевропейских государств. Например, при среднегодовом доходе в 7 411 евро во Фран-

ции вознаграждение судьи составит 35 763 евро, в Германии – 53 688 евро, а в Швейцарии – 71 641 евро.

По данным Европейской Комиссии, процедура формирования судебного корпуса в России соответствует общеевропейским стандартам, процесс многолетней ускоренной реформы судебной системы не оказал негативного влияния на соблюдение правовых норм и гарантий.

Показатели эффективности российской судебной системы в 2020 году были определены Европейской Комиссией и позволяют констатировать, что изменения, произошедшие в последние годы, существенно улучшили уровень гарантированности судебной защиты. Гарантированность повышается за счет постепенного перехода к полной автоматизации и цифровизации процесса. За счет облегчения совершения технических действий как у участников судопроизводства, так и у судов повышается количество потраченного времени на интеллектуальные действия, что, в свою очередь, обеспечивает повышение качества правосудия.

Анализ правовых позиций ЕСПЧ позволяет сделать вывод, что в понятие «доступа к правосудию» включено несколько элементов: 1) право на инициирование процесса [5]; 2) право на рассмотрение и разрешение дела с соблюдением требований справедливого судебного разбирательства [8]; 3) право на своевременное исполнение судебного решения [9]; 4) право на производство в вышестоящих судах [4].

При этом следует понимать, что понятия «доступность правосудия» и «доступ к правосудию» не являются тождественными. Термин «доступность правосудия» раскрывает исключительно качественные характеристики. «Доступ к правосудию» закреплен как практикой ЕСПЧ, так и российской судебной практикой. Российские ученые (С.В. Баранов, В.Ю. Анохина, Т.Г. Бородинова) отмечают, что правовая категория «доступ к правосудию» утвердилась в российской юридической литературе за счет практики ЕСПЧ и при анализе данной категории следует учитывать международный аспект [1, с. 65].

Обеспечение права на доступ к правосудию закрепляется различными гарантиями: процессуальными, организационно-техническими, материальными. Подобные гарантии являются универсальными и применимы для всех видов судопроизводства. Однако отличительной чертой уголовного (а также административно-деликтного) судопроизводства является длительное досудебное производство и участие в нем уполномоченных органов, определяющих дальнейшее движение дела в суд. Исключением могут выступать лишь дела частного обвинения, по которым волеизъяв-

ления потерпевшего лица достаточно для возбуждения мировым судьей производства по делу (статья 318 УПК РФ).

В этой связи доступ к правосудию на начальном этапе уголовного судопроизводства обеспечивается государственными органами, осуществляющими досудебное производство, поэтому необходимо уделить внимание законности, эффективности и обоснованности действий уполномоченных лиц. После вступления Российской Федерации в Совет Европы и принятия обязательств, предусмотренных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, практика ЕСПЧ оказала огромное влияние на формирование позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Было уделено внимание возможности обжалования решений, принимаемых в ходе дознания и предварительного следствия, что дополнительно обеспечило гарантированность доступа к правосудию и повысило его эффективность. Концепция необходимости обеспечения практического и эффективного осуществления права на доступ к правосудию в противопоставление лишь теоретической и иллюзорной возможности реализации права была высказана Европейским Судом по правам человека в деле «Белле против Франции».

Эффективность права доступа зависит от реального уровня ясной и конкретной возможности по оспариванию действий или бездействий, создающих препятствие в реализации права человека [2]. На основании подобной практики Верховный Суд РФ обеспечивает защиту на внутригосударственном уровне, в том числе от необоснованных решений судов нижестоящих инстанций, например, как при реализации судебной защиты по кассационному определению Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда России от 26.02.2020г. № 78-КА19-26 об оспаривании бездействия государственного органа по исполнению наказаний. Верховный Суд России в свою очередь сделал ссылку на Конституционный Суд РФ, который закрепил позицию, изложенную в пункте 2.2 определения от 13 июня 2006 г. № 274-О, что имущественное положение лица не должно быть препятствием для реализации права на судебную защиту. Кроме того, в рассматриваемом выше деле Верховный Суд РФ указал на позицию Европейского Суда по правам человека, что переписка между судом и заявителем не может быть подвергнута цензуре, вскрытию, а также не допускается изъятие каких-либо документов, подготавливаемых для направления в суд. Вместе с тем служба исполнения наказания, а также суды первой, апелляционной и кассацион-

ной инстанций в рассматриваемом выше деле грубо нарушили право заявителя на судебную защиту.

Таким образом, европейская судебная практика и закрепленные в ней принципы и положения находят свое отражение в практике суда высшей инстанции России. Справедливый вопрос по приведенному в качестве примера делу к судам основного и среднего звеньев. В данном случае лишь Верховный Суд РФ стал последней инстанцией на внутригосударственном уровне, защитившим право человека на доступ к правосудию.

Учитывая деятельность Совета Судей России по цифровизации судебного процесса и внедрению новых технологий, методология исследования применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве окончательно не сформирована [3, с. 721–758]. В системе уголовного судопроизводства остается приоритетной роль судьи и соблюдение принципов верховенства права, презумпции невиновности и иных общих начал судопроизводства. Цифровые технологии также должны быть под определенным контролем и обеспечивать доступ к правосудию, а не создавать препятствия к нему.

Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в уголовном процессе указывает на сопряженность с реальными рисками ввиду ограниченности и предвзятости аргументации программного обеспечения на рынке IT-услуг. Для минимизации негативных последствий в 2018 году Европейской комиссией по вопросам эффективности правосудия принята Этическая хартия использования искусственного интеллекта в судебных системах, которая закрепила приоритетные принципы судопроизводства при использовании искусственного интеллекта. Общую положительную оценку применения цифровых технологий за рубежом дезавуирует бесконтрольность применения органами полиции данных технологий. В некоторых случаях это приводит к серьезным нарушениям прав и свобод человека и гражданина, а также затрудняет доступ к правосудию [7, с. 21–25].

Учитывая зарубежный опыт, в России активно ведется работа по цифровизации судопроизводства. Согласно заключению Европейской комиссии, показатели развития оставляют положительное впечатление от работы механизма судебной системы. Эффективность и скорость рассмотрения дел позволяет говорить о существенном развитии российской судебной системы. Уголовно-процессуальная специфика позволяет считать указанное направление одним из приоритетных. Доступ к правосудию остается одним из главных направлений для настоящего времени,

при этом человеческий фактор является ключевым вопросом в повышении не только эффективности правосудия, но и обеспечения доступа к правосудию.

С искусственным интеллектом, с электронным правосудием, с автоматизированной системой правосудия работает человек – уполномоченное лицо. Кадровый вопрос в судебной системе, который зафиксирован на заседании Совета Судей России 25.05.2021 г., верно определил задачи по решению существовавшей ранее и не устраненной, а стремительно развивающейся проблемы по формированию грамотного и профессионального контингента лиц, замещающих государственные должности, должности государственной службы и иных лиц, содействующих осуществлению правосудия.

Список источников

1. *Алисов А.Н.* Теоретико-правовые аспекты конституционного права на доступ к правосудию // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2020. № 2. С. 65.

2. Белле против Франции (Bellet v. France): Постановление ЕСПЧ от 4 декабря 1995 г. (жалоба № 23805/94) (§ 36) [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57952> (дата обращения: 21.03.2022).

3. *Вилкова Т.Ю., Масленникова Л.Н.* Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 4 (46). С. 721–758.

4. Делькур против Бельгии (Delcourt v. Belgium): постановление ЕСПЧ от 17 января 1970 г. (жалоба № 2689/65). § 25 [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100645> (дата обращения: 21.03.2022).

5. Карой Надь против Венгрии (Károly Nagy v. Hungary): постановление ЕСПЧ от 14 сентября 2017 г. (жалоба № 56665/09). § 34 [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-189069> (дата обращения: 21.03.2022).

6. *Орлова Т.В.* О некоторых социально-правовых аспектах понятия правосудия // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 7. С. 187.

7. *Сушина Т.Е., Собенин А.А.* Перспективы и риски использования искусственно-го интеллекта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2020. № 6. С. 21–25.

8. Фэлие против Румынии (Fălie v. Romania): постановление ЕСПЧ от 19 мая 2015 г. по делу (жалоба № 23257/04). § 22 и 24 [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-154595> (дата обращения: 21.03.2022).

9. Хорнсби против Греции (Hornsby v. Greece): постановление ЕСПЧ от 19 марта 1997 г. (жалоба № 18357/91) [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58020> (дата обращения: 21.03.2022).

10. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20201103/306468156.html (дата обращения: 21.03.2022).

11. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11684219> (дата обращения: 21.03.2022).

Горшенков А. Г.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород

СУД... «ВНЕ ЗАКОНА»

Аннотация. Излагаются идеи профилактической функции суда как главного субъекта уголовного судопроизводства, его «просматривающийся» через призму законодательства неоднозначный статус субъекта профилактики правонарушений и обеспечения безопасности, а также функционера уголовно-процессуальной политики в сфере борьбы с преступностью.

Ключевые слова: субъект профилактики; меры профилактики; наказание; частное определение; судебный контроль; судебная власть; безопасность; анкетирование; уголовная политика.

Имеется в виду Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Настоящим Федеральным законом (п. 2 ст. 1) установлены *правовая и организационная основы* системы профилактики правонарушений, *общие правила* ее функционирования, *основные принципы, направления, виды* профилактики правонарушений и *формы* профилактического воздействия, *полномочия, права и обязанности субъектов* профилактики правонарушений и *лиц, участвующих* в профилактике правонарушений.

Как видно из данного положения, в Законе определены главные *акторы* (юридические и физические лица, общественные группы) системы профилактики правонарушений. К ним отнесены, во-первых, субъекты профилактики правонарушений; во-вторых, лица, участвующие в профилактике правонарушений.

К первой категории отнесены (ст. 5) федеральные органы исполнительной власти (федеральные министерства и подведомственные им агентства, службы, надзоры), особо выделенные органы прокуратуры и следственные органы; (законодательные и исполнительные) органы государственной власти субъектов РФ и местного управления.

К лицам, участвующим в профилактике правонарушений, отнесены (п. 4 ст. 2) граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений в рамках реализации своих прав в сфере профилактики правона-

рушений в соответствии с настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами.

Органы судебной власти, как видим, не только не включены в число субъектов профилактики, но и вообще избавлены от «присутствия» в означенной системе. Хотя, например, представительная и исполнительная ветви власти подчинены судебному контролю, осуществляемому в рамках конституционной законности и права. И этот контроль, безусловно, осуществляется в том числе и в сфере функционирования указанных органов власти в качестве субъектов профилактики правонарушений. И не только контроль, но и веление: в части 3 статьи 16 настоящего рассматриваемого закона основанием для применения специальных мер профилактики правонарушений является решение суда или решение одного из субъектов профилактики правонарушений.

В связи с этим вспоминается, как еще много лет тому назад о том, какое место и какая роль суда «просматриваются» в системе предупреждения преступлений, писали представитель судебной власти А.Н. Величко и ученый-правовед С.Н. Шатилович, представитель профессорско-преподавательского состава вуза. Авторы обратили внимание, в частности, на имевшуюся в то время (и опять же имеющуюся сегодня) точку зрения на феномен суда как стоящего вне системы, точнее над системой борьбы с преступностью, ибо участие в этом, по мнению противников «профилактической солидарности», «принижает суд до уровня других правоохранительных органов – дознания, следствия, прокуратуры и т. д.» [1].

Думается, по этой причине в ст. 17 рассматриваемого закона «Формы профилактического воздействия» включена такая форма, как внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения (п. 5 ч. 1 ст. 17, ст. 22), но осталась за пределами закона аналогичная форма профилактического воздействия, предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом РФ, как полномочие суда в ч. 4 ст. 29: «Если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие приня-

тия необходимых мер. Суд вправе вынести частное определение или постановление и в других случаях, если признает это необходимым».

Это только одно из множества полномочий суда, непосредственно направленных на профилактику правонарушений. Наиболее «превентивно представительной» представляется глава 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», которая содержит 13 статей. Не ставя задачей описания их криминологического (профилактического) значения, обратимся к известному ученому, правоведа, глубоко проработавшему данную проблему, профессору Д.З. Зиядовой. В противоположность отрицающему очевидную профилактическую функцию суда ученый пишет: «Суд является субъектом, функционально специализированным для борьбы с преступлениями и иными правонарушениями, проведения профилактической работы с населением, в том числе и несовершеннолетнего населения... Применяя меры уголовного наказания по отношению к несовершеннолетнему, суд не только восстанавливает справедливость [но] и предупреждает повторные преступления... Следует отметить роль суда в борьбе с преступлениями против нормального развития подростков, в защите и охране прав несовершеннолетних» [2].

Положение, в которое политики ставят судебные органы государственной власти, можно назвать парадоксальным: *с одной стороны*, суды законодательно не включены в систему профилактики правонарушений Российской Федерации, а точнее сказать, как бы «отстранены» от участия в профилактике правонарушений Федеральным законом; но *с другой стороны*, также законодательно наделены полномочиями по осуществлению профилактики правонарушений. Профилактическая функция судов очевидна. Она довольно зримо «высвечивается» уголовным (материальным, процессуальным и исполнительным) законодательством, которое, следует подчеркнуть, принято на основе Конституции РФ.

Например, председатель Липецкого областного суда И.И. Марков проводит довольно глубокий анализ уголовного законодательства, раскрывая в его положениях сущность той самой функции суда, которую авторы определяют как профилактическую. В частности, И.И. Марков, обращая внимание, пожалуй, на наиболее эффективную форму профилактического воздействия на правонарушителей и население, какой представляется судебное разбирательство, пишет: «Профилактическая роль суда наглядно проявляется в судебном разбирательстве уголовных дел, воспитательное воздействие которого усиливается публичностью и гласностью правосудия, особым ритуалом судебного разбирательства, его

торжественностью, которая не присуща другим процедурам уголовного процесса» [4].

Предварительные данные осуществленного с нашим участием анкетирования специалистов (из числа судей) по рассматриваемой проблеме¹ подтверждает не только приведенные суждения высокопрофессионального процессуалиста, но и осознание судьями своей ответственной роли в системе профилактики правонарушений (преступлений).

Прежде всего заметим, что мы не задавали вопрос о том, является ли суд субъектом профилактики преступлений, поскольку для нас это очевидно. К тому же мы знакомы с результатами опроса судей, который провел соискатель ученой степени (2010 г.) Д.А. Некоркин. По данным его исследования, на вопрос, является ли суд субъектом предупреждения преступлений, *ответили утвердительно: все судьи Верховного Суда РФ, 78% судей в Кемеровской области, 60% судей Московского областного суда, 59% судей в Новосибирской области* [5, с. 56–59].

В нашем анкетировании на вопрос о том, какой видится роль судьи как носителя судебной власти в российской системе профилактики правонарушений (преступлений), были получены такие ответы: 1) их роль в этом весьма значительная (43%); 2) значительная в большей степени (26%). Незначительной эту роль находят 22% реципиентов. Остальные (их немного, 9%) затруднились с ответом.

Следует обратить внимание и на то, что судьями была дана относительно высокая оценка профилактического эффекта рассмотрения уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности. Например, относительно эффективности частной профилактики (превенции) 70% реципиентов признали такой «урок» для виновного убедительным («как правило» – 44% и «в большинстве случаев» – 26%). Правда, высказанная меньшим числом реципиентов предположительная оценка эффективности общепрофилактического воздействия открытых судебных заседаний по рассмотрению уголовных дел по коррупционным преступлениям оказалась ниже; их удельный вес показан в пределах 44%.

В связи с этим возникает как практический, так и научный интерес к выяснению выявленного обстоятельства. Удовлетворение практического интереса возможно, например, путем судебно-аналитической оценки судебной практики вынесенных частных определений или постановле-

---

¹ Анкетирование реализовано в городах Владимире, Казани, Нижнем Новгороде, Сыктывкаре. Ко времени написания статьи обработана часть (тридцать) анкет.

ний; удовлетворение научного интереса достижимо, например, криминологическим прикладным исследованием.

Названная проблема носит, как видим, комплексный (научно-практический) и, следует подчеркнуть, региональный характер и требует участия в ее разрешении соответствующих представителей. Тем более что Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 12.11.2018) «О статусе судей в Российской Федерации» (п. 5 ч. 3 ст. 3) позволяет судьям заниматься педагогической, научной и иной творческой деятельностью.

Относительно практики также следует признать позитивное отношение представителей судебных органов государственной власти к данной форме профилактического воздействия. Это можно видеть, например, по их выступлениям на различных научных, научно-практических форумах, публикациям в научных изданиях. Особый интерес представляет обобщение опыта работы судов в части предупредительного воздействия на факторы, продуцирующие преступное поведение [6].

Например, обращаясь к Обзору судебной практики назначения судьями Нижегородской области уголовного наказания несовершеннолетним, следует подчеркнуть внушительный объем изученного материала (уголовные дела двадцати районных (городских) судов и значимость выводов, в которых аккумулированы основные рекомендации всему судейскому сообществу Нижегородской области.

Прежде всего, сделан вывод о том, что суд является субъектом специального предупреждения преступлений и осуществляет эту деятельность наряду с отправлением правосудия как основной своей деятельностью.

В связи с этим судьям следует пересмотреть свои традиционные представления о предупредительной функции как несвойственной их деятельности, ибо такие представления не только ошибочны, но и вступают в противоречие с российским законодательством, а также активно включаться в деятельность по предупреждению преступлений.

Больше того, в отечественной превентивной системе просматривается положение суда как влиятельного функционера антикриминальной (уголовной) политики, в особенности одного из ее направлений – уголовно-процессуальной политики. Кстати, здесь же следует отметить, что суды как органы государственной власти вырабатывают и реализуют «собственную, судебную политику. Основная ее цель – оптимизация традиционного поддержания в обществе мира и порядка путем урегулирования социальных конфликтов» [7, с. 44–46].

Одним из принципов ее как раз и является традиционный приоритет профилактики перед устрашением наказания, который провозглашали еще античные мыслители, а позже – основоположники классического направления учения о преступлении. Например, основоположник уголовной политики Франц Лист определял: «Наряду с наказанием мы имеем средство более совершенное для борьбы с преступлением, именно – предупреждение его. Это тяготение к последнему, к мерам предупредительным и является самым характерным симптомом современных тенденций» [3, с. 80].

Таким образом, приведенные (лишь некоторые) характеристики профилактической деятельности суда позволяют понять чрезвычайно содержательный статус этого уникального субъекта специальной профилактики правонарушений и, несомненно, увидеть дальнейшие широкие перспективы научного изучения этой важной и неоднозначной проблемы.

Список источников

1. *Величко А.Н., Шатилович С.Н.* Профилактическая деятельность суда и ее место в системе предупреждения преступлений. // *Российский судья*. 2006, № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://center-bereg.ru/m3736.html> (дата обращения: 17.07.2018).
2. *Зиядова Д.З.* Роль суда в профилактике преступлений среди несовершеннолетних [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/865> (дата обращения: 28.11.2018).
3. *Лист Ф.* Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. 103 с.
4. *Марков И.И.* Возможности судов в профилактике правонарушений [Электронный ресурс]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/15987-vozmozhnosti-sudov-profilaktike-pravonarushenij> (дата обращения: 27.11.2018).
5. *Некоркин Д.А.* Правовая регламентация частных определений (постановлений) суда по уголовным делам в странах СНГ // *Законность*. 2011. № 3. С. 56–59.
6. Обзор судебной практики по уголовным делам Президиума Нижегородского областного суда за четвертый квартал 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=359632#04117102758164235> (дата обращения: 01.12.2018).
7. *Семикин Д.С., Литвинова К.А.* Судебное право и судебная политика // *Российская юстиция*. 2012. № 9. С. 44–46.

Елисеева В. С.,

*преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Лаврентьев А. Р.,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Фролов С. В.,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СВЯЗИ С ПОДГОТОВКОЙ К X ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ СУДЕЙ

Аннотация. В преддверии X Всероссийского съезда судей авторы статьи сформулировали и обосновали несколько конкретных предложений, направленных на совершенствование требований к кандидатам на должности судей, организации общественного контроля за деятельностью судов, административного судопроизводства, а также предложили инновационную концепцию Исполнительного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: кандидаты на должности судей; общественный контроль; административное судопроизводство; концепция проекта Кодекса исполнительного производства.

В начале зимы 2022 года запланирован к проведению юбилейный, X Всероссийский съезд судей [27]. В преддверии юбилея была организована работа по сбору предложений, направленных на развитие судебной системы и правосудия. В Верховный Суд Российской Федерации поступило более 1 тыс. предложений, в том числе 631 – о совершенствовании процессуального законодательства, 178 – о гарантиях статуса судей, 195 – об обеспечении судов [5]. Разумеется, Российский государственный университет правосудия не мог остаться в стороне, поскольку научно-экспертное обеспечение деятельности органов судебной власти [34] отнесено к уставным целям вуза. В соответствии с поручением президента и ректора РГУП от 4 февраля 2022 года № 2-12/138 авторами статьи были подготовлены и обоснованы следующие предложения от кафедры государственно-правовых дисциплин.

Первое предложение. Авторитет судебной власти во многом предопределяется кадровым составом судей и работников судебной си-

стемы. Неслучайно, что изначально высокие требования к кандидатам на должности судей постоянно находятся в поле внимания квалификационных коллегий судей [28], ученых и нечасто, но нормативно корректируются. Так, в частности, одно из «классических» требований к кандидату на должность судьи, установленное ст. 119 Конституции Российской Федерации [13], первоначально буквально воспроизведенное в Законе о статусе судей в Российской Федерации [9], – «имеющий высшее юридическое образование» (подпункт 1 пункта 1 ст. 4). В условиях перехода системы высшего профессионального, в том числе юридического образования на «сложноуровневое» (бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации, объединенные в три уровня высшего образования) построение [43] оно было изменено, теперь это требование звучит иначе:

«имеющий высшее юридическое образование по специальности "Юриспруденция" или высшее образование по направлению подготовки "Юриспруденция" квалификации (степени) "магистр" при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки "Юриспруденция"» [45].

В то же время укрупненная группа специальностей «Юриспруденция» (40.05.00) [19], которая дает право на присвоение квалификации «Юрист», включает, кроме собственно «Юриспруденции» (40.05.03), уточняющие (дочерние): Правовое обеспечение национальной безопасности (40.05.01) [25], Правоохранительная деятельность (40.05.02) [24], Судебная и прокурорская деятельность (40.05.04) [23]. Учебные планы всех этих специальностей схожи «до степени смешения», причем, как правило, только за счет «ведомственной» составляющей, но по базовым юридическим дисциплинам расхождения в объеме и содержании минимальны. Потому, уверены, следует обеспечить право «допуска» в профессию судьи всем лицам, имеющим высшее юридическое образование [2; 4; 10; 20; 52], тем более это лишь одно из множества требований.

Изложенное позволило сформулировать следующее предложение: внести изменения в подпункт 1 пункта 1 ст. 4 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», изложив его в следующей редакции:

«1) имеющий высшее юридическое образование по специальности "Юриспруденция" или по специальности, входящей в укрупненную группу специальностей "Юриспруденция", при наличии квалификации "юрист" или высшее образование по направлению подготовки "Юрис-

пруденция" квалификации (степени) "магистр" при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки "Юриспруденция"»).

Второе предложение. Одним из элементов сформированного в современной России механизма противодействия коррупции [18; 33; 41] выступает общественный контроль – его правовые основы были заложены соответствующим федеральным законом [44] (далее – Закон об основах общественного контроля), но, в отличие от других элементов названного механизма, внедрение общественного контроля осуществляется не без трудностей [7; 8; 14]. Изначально предмет общественного контроля был ограничен исключительно деятельностью субъектов публичного управления (ст. 1 Закона об основах общественного контроля). При этом предмет общественного контроля ряда сфер предполагает специальное регулирование (часть 2 ст. 2 Закона об основах общественного контроля), а часть отношений «изъята» из-под действия общих норм (часть 3 ст. 2 Закона об основах общественного контроля), и эта часть постоянно расширяется [47; 48; 49]. К сожалению, законодательство об организации судебной системы и отправлении отдельных видов судопроизводства не согласуется с Законом об основах общественного контроля.

Мы предлагаем устранить названный пробел, дополнив главу 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [51] новой *статьей 34¹. Общественный контроль за деятельностью судов* (часть 2 ст. 2 Закона об основах общественного контроля). Представляется, что в названной статье должны быть предусмотрены:

- новые полномочия Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации устанавливать порядок осуществления общественного контроля соответственно за отправлением конституционного и иных видов правосудия, причем такой порядок должен быть предусмотрен соответствующими процессуальными законами;
- особенности осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных судов Общественной палатой Российской Федерации [38] и за деятельностью мировых судей – общественными палатами субъектов Российской Федерации [46];
- право судов, входящих в судебную систему Российской Федерации, создавать общественные советы, осуществляющие контроль за их деятельностью в соответствии с положениями об этих советах.

При этом принципы организации и деятельности органов судейского сообщества [37] как форма самоорганизации судей судов всех видов и уровней, на наш взгляд, не требуют внедрения дополнительных элемен-

тов общественного контроля либо уже включают таковые (например, в составе квалификационных коллегий судей – представители общественности¹; в экзаменационных комиссиях по приему квалификационного экзамена на должность судьи также предусмотрено участие институтов гражданского общества – преподавателей юридических дисциплин и научных работников вузов, имеющих ученую степень [22; 26], и представителей Ассоциации юристов России [53]).

Третье предложение. В рамках реформы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях нужно обеспечить выполнение части 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации, которой установлено, что «Судебная власть осуществляется посредством... административного... судопроизводства» – один вид административного судопроизводства, а их фактически четыре [15] (см. *таблицу 1*).

Таблица 1.

**Административное судопроизводство в России:
современное правовое регулирование**

Дела об административных правонарушениях		Административные дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений	
Кодекс РФ об административных правонарушениях [12] (далее – КоАП РФ)	Раздел III Арбитражного процессуального кодекса РФ [1] (далее – АПК РФ)		Кодекс административного судопроизводства РФ [11] (далее – КАС РФ)
	Глава 25	Главы 22–24, 26	

Реформу законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях следует разделить [16] на пять направлений:

1) новый «материальный» КоАП РФ. При этом нужно обеспечить полноценную кодификацию, исключив установление административной ответственности иными актами, кроме КоАП РФ. Считаем, что в новый КоАП РФ должны быть включены: раздел IV части первой Налогового кодекса Российской Федерации [17], раздел IV Бюджетного кодекса Российской Федерации [3], все нормы о такой мере судебного принуждения, как судебные штрафы из всех процессуальных кодексов (глава 11 АПК

¹ Например, в Нижегородской области процедура урегулирована Законом Нижегородской области от 28 июня 2002 г. № 31-З (ред. от 19.12.2016) «О порядке назначения представителей общественности в квалификационную коллегия судей Нижегородской области» // Нижегородские новости. 2002. 10 июля.

РФ, глава 8 Гражданского процессуального кодекса РФ [6] (далее – ГПК РФ), ст. 117–118 Уголовно-процессуального кодекса РФ [32] (далее – УПК РФ), ст. 122–123 КАС РФ)¹, некоторые нормы федеральных законов «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [36], «О лицензировании отдельных видов деятельности» [42]; акты Банка России, предусматривающие отзыв² или аннулирование³ лицензий; лишение ученых степеней [22] и ученых званий [21];

2) «процессуальный» (внесудебный) Федеральный закон «О процедурах производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации»;

3) проект Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации», которым предлагается дополнить раздел IV КАС РФ новой *главой 31*². *Производство по делам об административных правонарушениях, устанавливающей как процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях в судах по первой инстанции, так и судебный порядок пересмотра дел об административных правонарушениях (настаиваем, должна быть «поглощена» и глава 25 АПК РФ)*;

4) проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации в связи с реформированием законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях» – потребуется согласовать нововведения с действующим законодательством Российской Федерации;

5) концепцию Кодекса исполнительного производства Российской Федерации, в которой мы предлагаем унифицировать процедуры исполнения решений, принятых судами и иными органами (см. *таблицу 2*).

¹ Представляется, что само по себе наличие судебных штрафов в процессуальных кодексах при наличии общей нормы – ст. 17.3 КоАП РФ не совсем логично, а их различие по размерам (до 2.500 – ст. 117 УПК РФ; 5 тыс., 30 тыс. и 100 тыс. – ст. 105 ГПК РФ и ст. 119 АПК РФ; 5 тыс., 10 тыс., 30 тыс., 50 тыс. и 100 тыс. – ст. 122 КАС РФ), порядку наложения и вовсе недопустимо.

² Например, указание Банка России от 17 сентября 2009 г. № 2293-У (ред. от 05.10.2020) «О порядке отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций при установлении существенной недостоверности отчетных данных» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 27.10.2009 N 15134) // Вестник Банка России. 2009. № 63.

³ Например, Положение Банка России от 27 октября 2020 г. № 737-П «О порядке приостановления и возобновления действия лицензии на осуществление профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, а также о порядке принятия Банком России решения об аннулировании указанной лицензии» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.12.2020 № 61227) // Вестник Банка России. 2020. № 100.

Таблица 2.

О концепции Кодекса исполнительного производства РФ

№ п/п	Вид судопроизводства	Правовое регулирование исполнительного производства (состояние в начале 2022 года)	
		основной акт	вспомогательный
1.	конституционное	Ст. 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [50]	
2.	гражданское	Раздел VII ГПК РФ	Федеральный закон «Об исполнительном производстве» [40]
		Раздел VII АПК РФ	
3.	административное	Глава 32 КоАП РФ	
		Раздел VIII (глава 38) КАС РФ	
		Ст.ст. 32–36 Федерального закона «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» [39]	
4.	уголовное	Раздел XIV УПК РФ	Уголовно-исполнительный кодекс РФ [31]
		Глава 24 ¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации	
		Ст. 79, гл. 17 Семейного кодекса Российской Федерации [29]	
		Ст. 389, ст. 396 Трудового кодекса Российской Федерации [30]	
		Ст. 31 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [35]	

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. *Бурдина Е.В.* Конституционно-правовое содержание требования об образовании кандидатов в судьи // Российский судья. 2021. № 2. С. 41–46.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
4. *Виляк О.И.* О конституционализации юридического образования // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 8. С. 3–16.
5. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации на семинаре-совещании председателей советов судей судов и советов судей субъектов Российской Федерации 29 марта 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/30937/ (дата обращения: 10.04. 2022).
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 10.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
7. *Гриб В.В.* Проблемы и тенденции развития правовых основ об общественном контроле: пять лет спустя // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 2–6.
8. *Елисеева В.С., Красильникова Н.А., Лаврентьев А.Р.* О практике осуществления общественного контроля в Нижегородской области: шаг вперед, два назад // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: научный ежегодник факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» / отв. ред. И.В. Михеева, М.Е. Лошкарева. Вып. 5. Н. Новгород: НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2018. С. 44–56.
9. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 05.04.2021) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 29 июля.
10. *Канцеляров А.В.* Закон о статусе судей требует корректировок // Администратор суда. 2017. № 3. С. 38–40.
11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 13.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 10.04.2022).
14. *Лаврентьев А.Р.* Закон Нижегородской области «Об общественном контроле в Нижегородской области»: история разработки и принятия, опыт реализации // Проблемы реализации общественного контроля на уровне местного самоуправления: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Йошкар-Ола, 26-27 сентября 2016 г.) / Юридический ф-т Мар. гос. ун-та; отв. ред. проф. Т.Н. Михеева. Йошкар-Ола : ООО «ВЕРТОЛА», 2016. С. 148–154.
15. *Лаврентьев А.Р.* Один из вопросов в современном отечественном судопроизводстве: административное судопроизводство или административные судопроизводства? // Материалы Весенней Междунар. науч.-практ. сессии института права: Между-

нар. круглого стола «Умные технологии правового обеспечения конкурентоспособной предпринимательской среды»; Междунар. науч.-практ. конф. «Судопроизводство в Российской Федерации и за рубежом: вопросы истории и проблемы современности» (г. Волгоград, апрель – май 2021 г.) / редкол. А.О. Иншакова (отв. ред.), А.Н. Садков [и др.]. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2021. С. 137–141.

16. *Лаврентьев А.Р., Фролов С.В.* О некоторых аспектах дискуссии по вопросам реформы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях // Актуальные проблемы и перспективы административного права и административно-процессуального права: сб. статей. М. : РГУП, 2020. С. 163–174.

17. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

18. Национальная стратегия противодействия коррупции. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 (ред. от 13.03.2012) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1875.

19. ОК 009-2016. «Общероссийский классификатор специальностей по образованию» (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 8 декабря 2016 г. № 2007-ст). М. : Стандартинформ, 2016.

20. *Плотников Д.А., Плотникова Г.Н.* Новый подход к понятию юридического образования: постановка проблемы // Российская юстиция. 2017. № 6. С. 60–63.

21. Положение о присвоении ученых званий, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 1139 (ред. от 08.12.2021) «О порядке присвоения ученых званий», Раздел VII // Собрание законодательства РФ. 2013. № 50. Ст. 6605.

22. Положение о присуждении ученых степеней, утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 11.09.2021) «О порядке присуждения ученых степеней», Раздел VI // Собрание законодательства РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5074.

23. Приказ Минобрнауки России от 18 августа 2020 г. № 1058 (ред. от 26.11.2020) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.09.2020 № 59715).

24. Приказ Минобрнауки России от 28 августа 2020 г. № 1131 (ред. от 26.11.2020) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.09.2020 № 59828).

25. Приказ Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. № 1138 (ред. от 26.11.2020) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.09.2020 № 59825).

26. Приказ Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 (ред. от 27.09.2021) «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки

Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.04.2021 № 62998).

27. Распоряжение Президента Российской Федерации от 16 февраля 2022 г. № 30-рп «О проведении юбилейного, X Всероссийского съезда судей и торжественного заседания, посвященного 100-летию Верховного Суда Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602873723> (дата обращения: 10.04.2022).

28. Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. (об утверждении ответов на вопросы) [Электронный ресурс]. URL: <http://vkks.ru/publication/73567/> (дата обращения: 10.04.2022).

29. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

30. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

31. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

32. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

33. Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 34. С. 6170.

34. Устав ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (новая редакция). Утвержден Председателем Верховного Суда Российской Федерации 16 ноября 2020 г. № 56-п. Пункт 4.4.5. [Электронный ресурс]. URL: [https://rgup.ru/sveden/files/USTAV_RGUP_\(2020\)](https://rgup.ru/sveden/files/USTAV_RGUP_(2020)) (дата обращения: 10.04.2022).

35. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

36. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.

37. Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», ст. 5 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

38. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

39. Федеральный закон от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 49 (ч. 1). Ст. 5089.

40. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

41. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

42. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

43. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об образовании в Российской Федерации», часть 5 ст. 10 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

44. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4213.

45. Федеральный закон от 6 апреля 2015 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 5 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" (пункт 1 ст. 1) и Федеральный закон "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 14. Ст. 2009.

46. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ (ред. от 15.10.2020) «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3852.

47. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зеленых поясов», ст. 3 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4286 («общественные отношения, возникающие при осуществлении общественными инспекторами по охране окружающей среды общественного контроля по охране окружающей среды (общественного экологического контроля)»).

48. Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 455-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», пункт 1 ст. 10 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 39 («общественные отношения, связанные с организацией и проведением общественных обсуждений и публичных слушаний в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности»).

49. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 26 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8424 («общественными инспекторами в области обращения с животными общественного контроля в области обращения с животными»).

50. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

51. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

52. Харитонов С.С. Об оправданности требований к образовательному цензу для кандидата на должность военного судьи // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 2. С. 33–37.

53. URL: <https://alrf.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

Заякин Е. В.,

старший преподаватель

кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП,

г. Нижний Новгород

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВИНДИКАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Аннотация. Данная статья представляет собой анализ истории исследования применения виндикации для защиты имущественных прав отдельных лиц. В приведённом материале приводятся мнения отечественных специалистов по поводу сущности, особенностей и проблем использования виндикационных исков, а также предлагаются пути разрешения данных проблем.

Ключевые слова: абсолютная виндикация; право собственности; добросовестный приобретатель; имущество; виндикационный иск; вещь.

Являясь одним из важнейших способов защиты вещных прав, виндикация, в качестве объекта изучения, ещё в XIX столетии привлекла к себе внимание отечественных специалистов в области юридических наук. Этот факт представляется нам неслучайным. В указанное время происходит становление российской цивилистики. Основоположник отечественной науки гражданского права Д.И. Мейер классифицировал виды недобросовестного владения чужой вещью, выделяя самовольное и подложное владения [1, с. 305, 332–333]. Г.Ф. Шершеневич относил вещные права к разряду абсолютных прав. Нарушение собственнических прав, по мнению правоведа, позволяет применить соответствующий иск к любому лицу, независимо от того, кто взял спорную вещь у собственника [2, с. 234–237]. К.П. Победоносцев делает акцент на удержании вещи вопреки воле и намерению её хозяина, что является основанием для предъявления иска [3, с. 581–588]. С.А. Муромцев оценивал виндикацию как средство защиты и права собственности, и права владения. Рассуждая об основании имущественных споров, он считал, что они порождались не только фактическими обстоятельствами, но и мировоззрением римских юристов, исключавшим владельческие права одного лица в отношении вещи, которой уже владеет другое лицо [1, с. 171–172, 372–373]. Большой вклад в изучение института виндикации внёс И.А. Покровский. Цивилист рассматривает проблему применения виндикации в рамках исторического сравнения. Римская абсолютная виндикация, предоставлявшая собственнику право истребования вещи от любого владельца, противопоставляется германскому варианту ограничения виндикации в пользу доб-

росовестного приобретателя, защищённого от исковых притязаний собственника вещи. Именно благодаря такой защите германский вариант, как считал И.А. Покровский, оказался востребованным и был закреплён в торговом, а потом и в общегражданском праве [2, с. 197–198].

В советский период институт виндикации стал актуальным после принятия Гражданского Кодекса РСФСР в 1922 году. Этот документ зафиксировал приоритетное положение национализированной (государственной) собственности, изъятой из свободного оборота, и предоставил собственнику право на виндикацию. Пределы полномочий собственника конкретизировались статьями 59 и 60, согласно которым вещи виндицировались как от недобросовестного владельца, так и от добросовестного приобретателя. В отношении последнего применялся принцип ограничения виндикации, если вещь не была потеряна собственником или украдена у него. В то же время государственная собственность подлежала виндикации во всех случаях незаконного отчуждения. Подобные положения породили стремление внести ясность в понимание положений кодекса. Г. Амфитеатров сформулировал две существенных черты по отношению к виндикации: её абсолютный характер применительно к государственной собственности и добросовестность приобретателя [3, с. 38–47]. Основанием добросовестности, по мнению правоведа, является правомерность приобретения. Эта правомерность, как считал Амфитеатров, должна соответствовать конкретным требованиям: реальность владения, стремление приобретателя стать собственником, приобретение вещи на основании сделки. Примером фундаментального подхода к вопросу о применении виндикации являются работы Б.Б. Черепашина. Он дал детальную характеристику сущности и обстоятельствам применения виндикационных исков. Во-первых, оговаривалось особое право органов государства на истребование имущества, принадлежащего государственным предприятиям и учреждениям. Во-вторых, были чётко обозначены статусы истца и ответчика: не владеющий собственник и незаконно владеющий несобственник. В-третьих, виндикация может использоваться только для возврата вещи собственнику. В-четвёртых, утверждается мысль о возможности широкого применения виндикации (по отношению к любому имуществу). В-пятых, выделяется исключительное положение добросовестного приобретателя, получающего не только защиту от притязаний истца, но и право собственности на спорное имущество. Статус добросовестного приобретателя определяется соответствующей презумпцией. Доказательство обратного осуществляется собственником ве-

щи [1, с. 34–69]. Точка зрения Б.Б. Черепихина на проблему применения виндикации оказывала влияние на мировоззренческие установки специалистов послевоенного периода. Известный правовед А.В. Бенедиктов полагал, что виндикационный иск есть основное средство защиты имущественных прав государственной организации. Перечень таких организаций, по мнению специалиста, мог носить довольно широкий характер. В частности, упоминались магазины, перевозчики, подрядчики, колхозно-кооперативные организации и т. д. Исключительное право государства и его хозяйствующих субъектов на виндикацию учёный объяснял наличием у этих субъектов не личного, а государственного имущества, переданного в пользование и управление [2, с. 79, 96–149].

На рубеже 1950–1960 годов происходит усиление интереса к проблеме защиты личной собственности граждан. Р.О. Халфина объясняла необходимость защиты личной собственности граждан положениями 10 статьи Конституции 1936 года. Согласно этой статье понятие «личная собственность» распространялась на трудовые доходы, сбережения, жилые дома и подсобное домашнее хозяйство, предметы личного обихода и наследственное имущество. Таким образом, для Р.О. Халфиной защита личной собственности граждан представляла собой отдельный вид правоотношений, делегированных основным законом государства [1, с. 74–94]. В.Ф. Маслов сконцентрировал своё внимание на раскрытии теоретических аспектов виндикации: сущность, цель применения и отличие виндикационного иска от других исков, связанных с имущественными спорами [2, с. 174–210].

В 1964 году был принят новый гражданский кодекс РСФСР. По сравнению с кодексом 1922 года институт виндикации не подвергся существенному влиянию новаций. Статья 152 кодекса 1964 года обязывала добросовестного приобретателя приобретать имущество у неправомочного лица на возмездной основе. В противном случае собственник получал право абсолютной виндикации по отношению к добросовестному приобретателю.

О.С. Иоффе и Ю.К. Толстой подвергли серьёзному анализу положения гражданского кодекса РСФСР 1964 года, не обойдя стороной вопрос о виндикации. По мнению правоведов, новый кодекс предоставляет возможность для применения виндикации к добросовестному приобретателю в случаях неоднократной продажи вещи разным покупателям, между которыми возникает спор о праве собственности на вещь [3, с. 3–21]. Данная статья носила прикладной характер. Подобная особенность стала

непременной чертой многих последующих публикаций по интересующей нас теме. Яркий пример подобного подхода – работы А.А. Ерошенко. В частности, он рекомендовал предоставлять выбор между возвращением оспариваемой вещи собственнику и выплатой в размере оценки стоимости вещи [4, с. 61–70].

С переходом к рыночным отношениям сфера применения виндикации значительно расширилась. Эта тенденция отразилась и на характере научных работ, посвящённых применению виндикации. Всё в большей степени работы начинают опираться на результаты судебной практики. Проблемы применения виндикации отражены в статьях Д.И. Дедова. Основную причину имущественных споров в сфере бизнеса он усматривает в незаконных действиях субъектов по отношению к имуществу. Трудность виндицирования заключается в относительно позднем обнаружении собственником пропажи своего имущества, сменившего к моменту этого обнаружения не одного приобретателя. Выход из подобных положений Д.И. Дедов усматривает в доказательстве недобросовестности приобретения на основании следующих фактов: знание приобретателя об отсутствии права распоряжения спорным имуществом у продавца, продажа имущества по заниженной цене, осведомлённость приобретателя об отсутствии правоустанавливающих документов у продавца [1, с. 4–9]. А.Д. Рудовкас считал, что доказательство права собственности на вещь для истца является трудновыполнимой задачей. Основная трудность заключается в доктринальных особенностях современного гражданского права. Правовед считает, что с доктринальной точки зрения право собственности всегда будет считаться относительным, так как это право признаётся через систему доказательств, приводимых сторонами (истцом и ответчиком). Поэтому право, доказанное в одном суде, может быть оспорено в другом. «Несовершенной» доктрине доказательств участников процесса он противопоставляет советский принцип «абсолютной истины», предполагающий активную роль суда в процессе доказывания права собственности [2, с. 6–29]. Важнейшей проблемой применения виндикации является решение вопроса об объекте истребования (что конкретно виндицирует собственник – *прим. авт.*). Е.А. Суханов утверждает, что объект виндикации сформулирован в законодательстве неправильно. Вместо термина «вещь» присутствует термин «имущество». Подобная подмена понятий, по мнению правоведа, вызвала определённую путаницу среди специалистов, полагающих, что объектом вещных прав может быть любое имущество. Возражая против подобных трактовок,

учёный определяет в качестве объекта вещных прав индивидуально определённые вещи, а имущество – как совокупность вещей [3, с. 16–31].

О.Г. Ломидзе и Э.Ю. Ломидзе заострили своё внимание на проблеме легитимности права собственности и права приобретения в отношении недвижимости. Важнейшим доказательством права собственности они считают соответствующую официальную регистрацию этого права. В результате страдает не только законный собственник, но и добросовестный приобретатель, получивший недвижимость от незаконного, хотя и зарегистрированного приобретателя. Решение проблемы защиты права собственности правоведа видят в оспаривании собственником соблюдения правил регистрации права конкурирующего собственника. Добросовестному приобретателю предлагается либо зарегистрировать своё право при отчуждении (приобретении) вещи и стать собственником на основании пункта 2 статьи 223 ГК РФ, либо оформить право собственности по истечении срока приобретательной давности [1, с. 18–42]. Известный судья С.В. Моргунов обратился к проблемам рассмотрения виндикационных исков в арбитражных судах. Он обнаружил отсутствие единых формулировок исковых требований о виндикации вещей. Причину этого явления С.В. Моргунов усматривает в позиции регистрирующих органов, отказывающихся вносить изменения в регистрационный реестр в связи с уже закреплённым правом ответчиков на недвижимое имущество. Решение существующей проблемы, по мнению судьи, заключается во внесении в законодательство соответствующего положения об обязательном прекращении прав ответчика на недвижимость на основании постановления суда [2, с. 9–29]. Судебная практика рассмотрения дел о виндикации недвижимости далеко не всегда вызывает положительные отзывы в обществе правоведов. Г.С. Осипов и М.Е. Толстухин подвергли критике сложившуюся тенденцию доказывания истцом своего права собственности на виндицируемую вещь. Ссылаясь на существующую правовую доктрину, они признают за истцами обязанность доказывать факты противоправности лишения владения и недобросовестность ответчика [3, с. 40–69]. На практике, как считают исследователи, истцы вынуждены обосновывать право собственности на оспоримое имущество. Многие специалисты в области вещного права полагают, что право собственности на недвижимость доказывается при помощи регистрационной записи. Движимое имущество не имеет таких правоустановочных гарантий. Именно такой точки зрения придерживается Д.О. Тузов. Единственным реальным способом закрепления права собственности на движимую вещь для доб-

росовестного приобретателя он считает давность владения. Причина такого положения владельца коренится, по мнению Д.О. Тузова, в содержании статьи 302 ГК РФ, не гарантирующей право собственности приобретателю движимой вещи при соблюдении им всех требований добросовестности [1, с. 4–17].

Д.Н. Морозов обозначил проблему защиты прав залогодержателей и добросовестных приобретателей предметов залога. Проблема возникает в связи со стремлением залогодателей избавиться от заложенного имущества путём отчуждения его в пользу третьего лица. По мнению Д.Н. Морозова, ситуация усугубляется тем, что закон признаёт право передачи заложенного имущества третьим лицам. Мнение судов о прекращении залогового права в связи с переходом вещи добросовестному приобретателю Д.Н. Морозов считает не имеющим опоры в российском законодательстве [2, с. 52–57].

Список источников

1. *Амфитеатров Г.* Вопросы виндикации в советском праве // Советское государство и право. М., 1941, № 2. С. 38–47.
2. *Бенедиктов А.В.* Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М.-Л., 1954. 267 с.
3. *Дедов Д.И.* Некоторые проблемы виндикации и пути их решения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. СПб., 2006. № 11. С. 4–9.
4. *Ерошенко А.А.* Истребование личным собственником своего имущества из чужого незаконного владения // Правоведение. М., 1965. № 2. С. 61–70.
5. *Иоффе О.С., Толстой Ю.К.* Новый гражданский кодекс РСФСР // Правоведение. 1964. № 3. С. 3–21.
6. *Ломидзе О.Г., Ломидзе Э.Ю.* Защита права собственника недвижимости и стабилизация положения её приобретателя: влияние государственной регистрации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. СПб., 2007. № 1. С. 18–42.
7. *Маслов В.Ф.* Осуществление и защита права личной собственности в СССР. М. : Госюриздат, 1961. 210 с.
8. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М. : Статут, 2000. 350 с.
9. *Моргунов С.В.* Актуальные вопросы оспаривания зарегистрированного права на недвижимость // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. СПб., 2008. № 5. С. 9–29.
10. *Морозов Д.Н.* Проблемы защиты гражданских прав залогодержателя и добросовестного приобретателя предмета залога // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. СПб., 2007. № 12. С. 52–57.
11. *Муромцев С.А.* Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. 600 с.
12. *Осипов Г.С., Толстухин М.Е.* Системы защиты прав на недвижимость // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008. № 11. С. 40–69.

13. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. М. : Статут, 2003. Ч. 3. 650 с.
14. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2013. 350 с.
15. *Рудоквас А.Д.* О презумпции правомерности владения при виндикации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 2. С. 6–29.
16. *Суханов Е.А.* Вещные права и права на нематериальные объекты // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 7. С. 16–31.
17. *Тузов Д.О.* Продажа чужой вещи и проблема защиты добросовестного приобретателя // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 1. С. 4–17.
18. *Халфина Р.О.* Право личной собственности советских граждан. М. : Госюриздат, 1961. 95 с.
19. *Черепяхин Б.Б.* Виндикационные иски в советском праве // Учёные записки Свердловского юридического института. Свердловск : ОГИЗ, 1945. Т. 1. С. 34–69.
20. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М. : Статут, 2005. Т. 1. 461 с.

Колоколов Н. А.,

*судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке),
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности
Московского педагогического государственного университета,
г. Москва*

ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ДОКТРИНА, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование базовых социально-правовых категорий, составляющих основу организации правосудия в России в условиях новой правовой реальности. В их числе: идеология, мораль, право, власть, государство, судебная система, правосудие, судебная деятельность.

Автор отмечает, что перечисленные категории, равно как и многие другие производные от них понятия, до настоящего времени не получили четкого научного обоснования. Отсутствие общепризнанной доктрины судебной деятельности негативно сказывается на организации правосудия, признания его результатом большинством населения.

Ключевые слова: мир; Восток; Запад; современный мир; идеология; религия; мораль; власть; право; правовая реальность; новая правовая реальность; государство; судебная власть; аппарат судебной власти; судебная система; правосудие; судебная деятельность; судопроизводство; процесс; судебная доктрина; судебная практика; юридическая техника современной судебной практики.

Категории «власть», «право», «государство», «суд», «правосудие», «судебная деятельность» и «судопроизводство» (процесс) – каждая из которых уже сама по себе уже самостоятельное целое, образуют совокупность (систему) перманентно изменяющихся (трансформирующихся) феноменов, которые уже в силу этого обстоятельства требуют постоянного и системного их переосмысления в контексте с конкретными историческими реалиями, социальными, политическими и экономическими условиями.

Неслучайно многие острые проблемы организации правосудия в современном мире уже нашли свое отражение, в первую очередь, в коллективной монографии «Правосудие в современном мире», подготовленной судьями Верховного Суда РФ и специалистами Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ (далее – ИЗиСП). Данный труд, увидевший свет под редакцией Председателя Верховного Суда профессора В.М. Лебедева и директора ИЗиСП академика Т.Я. Хабриевой, на текущий момент времени выдержал два издания [19].

Во-вторых, в продолжение темы правосудия в ИЗиСП под редакцией Т.Я. Хабриевой и профессора В.В. Лазарева вышла другая коллективная монография (один из официальных рецензентов – автор этих строк) – «Судебная практика в современной правовой системе России», авторы которой в принципе анализируют те же проблемы: суд, его практика в условиях современности [26].

В-третьих, исследователи из ИЗиСП пошли дальше: они сочли нужным заострить свое особое внимание на свойственных дню нынешнему актуальных вопросах, касающихся пробелов в праве позитивном, юридической доктрине и практике осуществления правосудия в России, дали предметный анализ практике Пленума Верховного Суда РФ по выработке правовых позиций [20].

Сказанное означает, что в рамках анализа правосудия в современном мире отечественная наука основное внимание уделяет доктрине (концепции), судебной практике, юридической технике, являющейся формой самовыражения текущей политики судебной власти в России.

Общеизвестно, что существование общества и генерируемого им государства без конфликтов невозможно, поскольку конфликт – движущая сила их развития, следовательно, эффективность государства (социально-политической и правовой организации общества) в значительной мере зависит от выбора средств и методов урегулирования этих конфликтов. Одним из востребованных методов разрешения конфликтов на осно-

ве норм реального права, по крайней мере до последнего времени, являлся суд и осуществляемое им правосудие. Данные категории начиная с середины 80-х годов прошлого столетия, с одной стороны, никогда не выпадали из области самого пристального внимания социума, с другой – по различным причинам в российской юридической науке до сих пор так и не стали предметом по-настоящему всестороннего и глубокого научного анализа [11].

Общеизвестно также и то, что сущность таких категорий, как «право», «государство» и «суд» далеко не познана не только в российской, но и в мировой юридической науке. Не случайно Рональд Дворкин (Ronald Dworkin) свое фундаментальное исследование «Империя права» (Law's Empire), изданное в прошлом веке (XX), начинает главой «Что есть право?» и завершает свое повествование «Эпилогом: что есть право?» [5, с. 17, 546]. Все с тем же вопросом «What is law?» (Что есть право?) уже в XXI веке обращается к юридической общественности «модный» ныне автор – профессор Washington University in St. Louis – School of Law (школы права Вашингтонского университета в Сент-Луисе) Brian Z. Tamanaha (Брайон Таманаха) [32].

Здесь уместным будет напомнить, что право естественное легко может быть подменено диктатом государства, стоящими за ним элитами. Неслучайно К. Маркс и Ф. Энгельс в своем программном документе – «Манифесте коммунистической партии» (1848) отмечали, что «ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса» [16].

По этому поводу судьи Конституционного Суда РФ К.В. Арановский и С.Д. Князев уже в наши дни, не подвергая сомнению эффективность суда в разрешении социальных конфликтов на основе норм права, сочли нужным продемонстрировать тревогу по поводу того, не помешает ли «законодательный напор»¹ свободной эволюции права, в основе которой они видят судебную деятельность [1, с. 237–240].

Не будем также забывать и об актуальных в наши дни рассуждениях судьи Верховного суда США Бенджамина Кардозо, который еще сто лет назад вынужден был признаться, что норм права для организации судебной деятельности недостаточно (ибо правовое поле argiōi пробельно [о проблеме см. подробнее: 14]), поэтому в поисках справедливости

---

¹ От себя добавим – сильно политизированного законодателя.

(justice) суды (судьи) вынуждены варить «странную смесь», элементами которой являются право и мораль [10, с. 10–11].

Поэтому ничего нет удивительного в том, что многие современные исследователи констатируют: «деятельность суда и по содержанию, и по форме не должна быть строго формализована», следовательно, напрашивается обратное: «суд может эффективно функционировать только при условии, что обладает достаточно широкой свободой усмотрения» [см., например: 23, с. 3–5]. Как в этой связи не вспомнить мысли другого известного правоведа – Герберта Харта, который прямо возлагал на суды обязанность поддержания морали при помощи права [29].

В своих рассуждениях мы исходим из того, что суд – не только общепризнанный и эффективный способ разрешения социальных конфликтов, но еще и судебная система – элемент государственного аппарата со всеми вытекающими из этого последствиями. При этом нельзя забывать, что государство (как, впрочем, и право) – историческая реальность, уникальные и в то же время вполне закономерно возникающие общественные отношения [2, с. 140–141], социальная природа которых заключается в потенциальной способности человека разумного (*homo sapiens*) посредством только одному ему ведомых средств речи, знаков и символов мобилизовать свои ресурсы ради достижения целей, как предопределенных на уровне простейших инстинктов, так и поставленных людьми осознанно, разрешать проблемы и напряжение в сфере управления [21, с. 123], а равно наличию у общества права принимать решения и добиваться их обязательного исполнения [22, с. 525].

Исторический характер государства (как общества в целом, так и исповедуемой им разновидности права) предопределяет непрерывную модернизацию государственных институтов как в рамках рутинной, будничной, вялотекущей эволюции, так и стремительных, кардинальных революционных преобразований. Не случайно мыслители современности толкуют государственность как некую мало предсказуемую «переменную» [6, с. 105], они совершенно обоснованно предлагают подходить к государству всего лишь как к следствию (эффекту) глубоких процессов по пространственной организации общества, его упорядочиванию [6, с. 108–109], речь идет об отношениях, которые создают видимость мира, его форму.

Здесь совсем не лишним будет напомнить, что далеко не все процессы, происходящие в социуме, мы в состоянии наблюдать (разглядеть) в режиме online, история учит, что с большинством из них человечество

знакомится только *post factum*. Об очень многом, даже об очевидном, бывает, что и говорить не принято.

Например, только в наши дни, 29 июня 2022 года Председатель Конституционного Суда РФ профессор В.Д. Зорькин, выступая на Петербургском международном юридическом форуме (далее – ПМЮФ) на официальном уровне осмелился назвать некоторые вещи своими именами. Например: «В Беловежье при роспуске СССР Борис Ельцин оставил за Украиной и Крымом, и легендарный Севастополь («алмаз русской военной доблести»!), и несколько областей, фактически русских и по населению, и по истории. То есть, до 12 миллионов русских людей остались без каких-либо юридических гарантий их национально-культурной идентичности и, как затем оказалось, были нацистским режимом лишены права на родной язык» [9].

Если точнее, то мониторингу в *online*-режиме, как правило, доступна всего лишь внешняя составляющая государства, так называемое «поверхностное государство» (*shallow state*) – его официальная (парадная) правовая система + обычная иерархия – совокупность органов власти (президент, парламент, правительство, суды), то есть расставленная соответствующим образом многочисленная армия чиновников. В силу данного обстоятельства исследователи социально-правовой материи выделяют государство официальное, мы-то знаем, что зачастую это скорее – декларация, чем искомая учеными реальность, так как еще у М.М. Сперанского (1772–1839) читаем, что «хартии не всегда суть истина» [24, с. 28].

В то же время, Михаил Михайлович констатировал, что «нет государства, в коем бы не было своих Основных Законов (*Constitutio*), сей Уставы могут действовать и без письменных документов, ибо их положения могут быть начертаны в нравах и обычаях» [24, с. 28].

Сказанное опять возвращает нас к категории «право», о которой профессор В.В. Лазарев пишет, что «вне связи с государством оно не уловимо» [13, с. 345–352]. Думается, что Валерий Васильевич в очередной раз прав, поскольку в основе и права, и государства лежит такая социальная категория, как «власть».

Власть – это присущее социальной природе человека необходимое условие функционирования всякой социальной общности [3, с. 434], а равно средство всеобщей связи (коммуникации [15, с. 11]) между людьми в их целедостижении, «символический посредник» [15, с. 10], обеспечивающий выполнение взаимных обязательств. Фактически позитивно определенная власть – институционализация ожидания того, что в из-

вестных пределах требованиям общества будет уделено серьезное внимание [18, с. 644]. Можно также утверждать, что власть – это признанная определенной общностью людей парадигма поведения в конкретном месте и в конкретный исторический момент. В числе качеств власти неизменно присутствуют такие ее характеристики, как многоаспектность, сложность и системность.

В науке власть – это еще и проблема, а «также топологическая и полевая характеристика социальной системы, которая в свою очередь задается базисными социальными сценариями» [21, с. 123]. Сущностные качества власти характерны для любой местности, любой эпохи, любой человеческой общности.

Если речь идет о публичной, а тем более государственной власти, то субъект и объект – зачастую многомиллионные общности. Ими генерируются властеуказания, ими же они и исполняются. Недаром Цицерон (106–43 до н.э.) на вопрос: «А у кого же она, власть?» уверенно отвечал: «Potestas in populo» – «Власть у народа»!

Да, источник власти следует искать в народе, но это – не более, чем только вектор научного поиска, как отмечалось выше, искусством тотального мониторинга социальных процессов человечество пока еще не овладело, так как нет у него необходимого соответствующего инструментария, следовательно, власть – феномен, о составляющих элементах которого, имеющих между ними связями ученые все еще только гадают.

В этой связи не случайно наука вводит понятие «скрытое, глубинное государство» (dark state), о котором еще говорят «спрятано у всех на виду». Фактически речь идет о конгломерате как общепризнанных государственных институтов, так и о системах параллельных властных сетей, в число которых включают пребывающие вне реального контроля фасадных органов власти различные структуры, успешно конкурирующие с ними при принятии решений. Не случайно принято говорить: «Америке (США) выгодно то, что выгодно General Motors». В данном случае названная корпорация – не более чем повод всерьез задуматься по поводу сказанного «капиталистом» (одним из королей республики) из произведения М. Горького, который не сразу ответил на вопрос «а не мешает ли ему Правительство?» – потом, догадавшись, капиталист констатировал, что «нет, те ребята из Вашингтона – жить ему не мешают» [4].

К числу «параллельных государству ветвей власти» в современном мире относят: спецслужбы, армию, организованную преступность и, как ни странно, судебную систему [6, с. 414–415], легализующую концепции

этих «параллельных ветвей власти». Иными словами, реальная власть в стране может принадлежать совсем (и даже далеко) не тем институтам, за которыми она теоретически закреплена по закону.

Важно и существенно то, что политик, получивший право на управление, получает и право на модернизацию всей системы власти, ее ремонт, а то и замену. В данном случае политику требуются научные знания о закономерностях власти, в том числе и о власти судебной [6, с. 7], Мир изменяется – меняется и конструкция власти [6, с. 7].

До недавнего времени венцом государственного и правового развития признавалось социальное государство Отто Бисмарка (1815–1898) – порождение эпохи модерна (результат успешных аграрной и промышленной революций предыдущих веков), государство и «барин», и «нянька» одновременно, аппарат которого только и озабочен (по крайней мере, на словах) тем, как сделать жизнь его подданных (или по-современному – граждан) лучше.

В то же время, анализ текущей реальной действительности позволяет сделать следующие некоторые неутешительные выводы. У публичной власти, во-первых, явно отсутствует (в первую очередь – финансовый) интерес защищать права каждого подданного [см. об этом: 25, с. 8]. Во-вторых, государство, не обладает (в том числе и в силу объективных причин) необходимой совокупностью технологий для того, чтобы защитить каждого своего подданного (гражданина). Неслучайно в науке заговорили об упадке государства как о не оправдавшей себя форме организации общества [см., например: 12].

Применительно к избранной теме мы вынуждены констатировать, что государство вынуждено порой либо искусственно сокращать подсудность конфликтов, подлежащих рассмотрению в созданных им судах, либо имитирует судебную деятельность по их рассмотрению. Государственный аппарат, элементом которого является суд, для общества институт чрезвычайно затратный. По мере усложнения управления растут и расходы на аппарат, в частности, на правосудие. Генеральный директор Судебного департамента при Верховном Суде РФ, выступая 3 декабря 2019 года на Совете судей Российской Федерации, заявил, что за последние 20 лет бюджет российской судебной системы вырос в 29 раз, в 2020 году он составит 219 млрд руб., а в 2022 году финансирование судов должно вырасти до 230 млрд руб.

Впрочем, в наши дни – это немного. Согласно бюллетеню, издаваемому Европейской комиссией по эффективности правосудия, российская

судебная система (в абсолютных цифрах на душу населения) в 2016 году финансировалась на уровне Румынии [30], данный показатель не очень-то и улучшился к 2018 году [31].

Вопрос о достаточности финансирования судебной системы в нашем Отечестве оставим на усмотрение просвещенного читателя, мы же только отметим, что общая система правоохраны, в состав которой автор осознанно включает и судебную систему¹, – не более чем одна из государственных подсистем, причем в их ряду далеко не самая важная, поскольку у государства не одна цель, а иерархия целей. Следовательно, эффективность работы судебной системы (фактически подсистемы) напрямую зависит от схемы сложения активностей всего ряда подсистем в рамках, как минимум, государства, а то и общества в целом. В этой связи вопрос: может ли быть эффективным функционирование судебной системы (социальной подсистемы), если в конкретный исторический период не эффективна государственная политика в целом?

При таких обстоятельствах в эпоху «второго модерна» исключительно важное практическое значение имеют пояснения ученых относительно рекомендаций по формированию систем разрешения социальных конфликтов в условиях современности. Актуальность данной проблемы обостряется ввиду того, что все существующие в мире предназначенные для этого системы, свойственные их функционированию технологии – все еще порождение эпохи индустриальной (века позапрошлого). Им просто нет места в современном постиндустриальном в обществе. На смену «офису судебному» стремительно идет «офис» тоже судебный, но уже виртуальный. Смена систем мысли неизбежно ведет к смене всех прочих стратегических схем и систем, в ряду которых системы разрешения социальных конфликтов.

В то же время, суд – далеко не единственная форма разрешения социальных конфликтов. Лицо, считающее, что его право нарушено, конечно, вправе обратиться к обществу в лице конкретного суда за помощью, возложив, таким образом, во-первых, ответственность за принятие решения на чиновников (судей), во-вторых, переложив в значительной степени расходы на обслуживание разрешения спора, опять-таки, на общество в лице государства.

---

¹ Автор придерживается позиции тех авторов, которые рассматривают суд в качестве одного из правоохранительных органов. Подробнее см. об этом: Головкин Л.В. Предмет и основные понятия дисциплины: «Судоустройство» и «Правоохранительные органы» [27, с. 8–27].

Отсутствие у государства реальной возможности защитить всех и каждого, особенно в условиях, когда «подданные», как когда-то жители «Забывтой деревни» (Н.А. Некрасов, 1855 год) безропотно ожидают, когда придет барин и их рассудит, неизбежна процессуальная революция, которая уже идет. За океаном (США) таковая, например, именуется – the «Big Bang» («Большой взрыв»). Многие из перечисленных выше обстоятельств явились движущими силами этой процессуальной революции.

Для ее осуществления характерны: изменение правил игры («a game changer») – в первую очередь, сдвиг парадигмы («a paradigm shift») – отход от модного когда-то принципа состязательности сторон в направлении к их сотрудничеству. Результат этих новых «a game changer» в США именуется – большой взрыв процессуальной реформы («the «Big Bang» of procedural reform»).

Инициатор данных революционных преобразований – нет, не парламент, а Верховный суд США (2016), алгоритм этой реформы прописан в «pilot project emphasizing simplified mandatory disclosure regimes» (пилотном проекте о режиме обязательного раскрытия информации). Как видим, традиционная состязательность (порой непримиримое противостояние, а то и война) заменяется на сотрудничество. Вводится режим раннего управления делами («early case management»), осуществлена регламентация сроков раскрытия доказательств («discovery planning»), стандартизован объем доказательств («narrowing discovery») на этапе пледирования («rules on pleadings») [см. об этом: 8, с. 142–144].

В этой связи на память приходят слова Акио Мориты (1921–1999), создателя корпорации «Sony», который в 60–80 годы XX века, столкнувшись с деятельностью американских юристов, критически и совсем не без иронии отмечал: во-первых, у нас (японцев) судиться по пустякам неприлично, в то время как американские суды перегружены делами несерьезными, во-вторых, юристов в США так много, что они буквально навязывают свои услуги клиентам, в силу данного обстоятельства мы (японцы) стараемся юристов не плодить [см. подробнее: 17, с. 158–161].

Как видим, с тех пор прошло всего полвека, как и сами американцы усомнились в необходимости полноценного спора в суде по каждому пустяку. Следует отметить, что Верховный суд США в данном начинании не одинок. С аналогичной инициативой выступил Пленум Верховного Суда РФ.

Еще в конце 2014 года Председатель Верховного суда РФ В.М. Лебедев, выступая на Совете судей, поведал об изменениях, которые будут

предложены в российском судопроизводстве. Во-первых, речь шла об его упрощении; во-вторых, декларировалось расширение сферы применения обязательного порядка досудебного урегулирования; в-третьих, было предложено сокращение сроков обжалования. Цель: унификация процессуального права, снижение нагрузки на судей. Это то, что эксперты называют «оптимизацией работы судебных органов».

При этом нельзя забывать, что на смену интеллекту человека, а равно коллективному интеллекту (например, коллегия присяжных заседателей) неотвратно идет интеллект искусственный (ИИ; англ. artificial intelligence, AI) – свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека. ИИ связан со сходной задачей использования компьютеров для понимания человеческого интеллекта, но не обязательно ограничивается биологически правдоподобными методами.

«Очень скоро, а точнее через какие-нибудь 10–20 лет, миллиарды людей станут не нужными для экономики, ибо технологическая революция решительно вытеснит с рынка труда миллионы работников, в первую очередь, умственного труда (среди которых юристы), как ранее за счет машин уже были сокращены работники труда физического» [28, с. 39]. «Чем яснее мы понимаем механизмы биохимических процессов, лежащие в основе человеческих эмоций, желаний и поступков, тем успешнее компьютеры анализируют поведение человека и предсказывают его решения, заменяя водителей, банкиров прокуроров, адвокатов и судей» [28, с. 41]. Повествование мы завершаем цитированием футуролога Юваля Ной Харари, которые им сформулированы на основе анализа результатов информационной революции, захватившей все население земного шара на рубеже второго и третьего тысячелетий.

Информационные технологии продвинулись необычайно далеко, появились понятия «умный дом», «умный автомобиль» – системы, управляемые электроникой, иными словами, искусственным интеллектом (далее – ИИ). Уже в наши дни «умные электронные судьи» без личного участия сотрудников автоинспекции также успешно и очень оперативно выявляют нарушения норм права, допускаемые, например, водителями, уверенно штрафуют правонарушителей (ч. 2 ст. 12.9 КоАП РФ, ч. 1 ст. 12.16 КоАП РФ). При таких обстоятельствах мы не видим никаких существенных препятствий заявить, что ИИ тоже уже пришел в правосудие. Скажем больше, роль его в отправлении данного вида государственной деятельности будет только возрастать, ибо даже в текущий момент

времени ничто не мешает делегировать машине те функции, которые сейчас с великим трудом пытаются разрешить создатели ЭВМ – люди.

Что благодаря ИИ выигрывает общество? – Убирается такая неизбежная составляющая человеческой деятельности, как произвол. Машине человеческие слабости не ведомы! Это ее потолок!

Что теряем? – Человека! Совесть! Правосознание!

Есть ли у человечества выбор? – Думается, что его нет, ибо технический прогресс не остановить!

Таким образом, судьба наша – жить в эпоху «второго модерна», в условиях «цифровой (компьютерной) революции», слабеющего классического социального государства, активизации как альтернативных суду форм разрешения социальных конфликтов, так и судейского активизма.

Что следует ожидать от правосудия (судебной политики) в условиях новой правовой реальности (после начала 24 февраля 2022 года Специальной военной операции), возникновение которой обусловлено очередным обострением в противостоянии коллективного «Запада» на этот раз современной России. Вступая на ПМЮФ, В.Д. Зорькин отметил следующее.

Во-первых, Россия, несколько веков была не только увлечена, но и восхищена Западом, который в ее глазах был носителем творческого начала. Это началось с эпохи Петра Первого, в разные периоды российской истории то вспыхивало, то затухало, но особенно сильно подобные настроения разгорелись в 90-е годы прошлого века, когда страна, вырвавшись из-под диктата КПСС, стремилась к праву и демократии, которые для нее олицетворял Запад. Многие тогда мечтали жить без бед и войн в едином правовом пространстве «от Лиссабона до Владивостока». В своем безоглядном порыве и безграничной доверчивости ко всему западному, казавшемуся таким заманчивым, и к Западу, казавшемуся таким открытым, таким бескорыстно заинтересованным, Россия допустила целый ряд исторических по своему масштабу ошибок [9].

Во-вторых, «универсалистские, охватывающие весь мир общие понятия являются в международном праве типичными орудиями интервенционизма». В-третьих, «ради победы над Россией Запад готов отказаться даже от своих важнейших правовых завоеваний, таких, например, как принцип *Pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) и неприкосновенность частной собственности». В-четвертых, в условиях современности «речь, напротив, должна идти о формировании такого универсального понятия права, которое диалектически соединяло бы в себе запад-

ный индивидуализм с восточным солидаризмом». В-пятых, «мир права уже не будет прежним. Каким он будет – зависит, в том числе, и от наших с вами усилий». Наконец, в-шестых, «было бы большой ошибкой свернуть с того пути гуманизации законодательной политики, по которому мы в целом шли последние десятилетия» [9].

В текущий момент времени мы вынуждены констатировать: формирование судебной доктрины, а следовательно, и судебной практики с оглядкой на некие, казалось бы, незывлемые «мировые стандарты» – не что иное, как временное заблуждение. Будущее российского правосудия за народом России, нашим судебским корпусом. Таковое видится в активизации судебных инстанций по выработке новых правовых позиций. Неслучайно 9 февраля 2022 года Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, выступая на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, констатировал: в 2021 году Верховным Судом РФ продолжена работа по обеспечению единообразия в судебной практике. Принято 12 постановлений Пленума Верховного Суда РФ, Президиум Верховного Суда РФ утвердил 11 обзоров судебной практики, которые содержат более 300 правовых позиций.

Список источников

1. *Арановский К.В., Князев С.Д.* Правление права и правовое государство в соотношении знаков и различий. М. : Проспект, 2020. 352 с.
2. *Атаманчук Г.В.* Власть // Энциклопедия государственного управления в России: в 4 т. / под общ. ред. В.К. Егорова. М. : Изд-во РАГС. Т. 1: А–Е. 2004. 343 с.
3. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М. : ИД «Право и государство», 2005. 554 с.
4. *Горький М.* Один из королей республики. // Собр. соч.: в 30 т. Т. 7.
5. *Дворкин Р.* Империя права. М. : Гнозис, 2020. 592 с.
6. *Джессон Б.* Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. М. : Дело : РАНХиГС, 2019. 504 с.
7. Евангелие от Матфея, 20 зач. 7, 1–8.
8. *Ермакова Е.П.* Реформа гражданского судопроизводства, арбитража и медиации в зарубежных странах 2014–2018 гг. (Австралия, Англия, Германия, Канада, США, Франция). М. : Инфотропик Медиа, 2018. 177 с.
9. *Зорькин В.Д.* Право России: Альтернативы и риски в условиях глобальной кризисности [Электронный ресурс]. URL: ksrif.ru (дата обращения: 11.07.2022).
10. *Кардозо Б.* Природа судебской деятельности. М. : Статут, 2017. 110 с.
11. *Колоколов Н.А.* Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М. : Юрист, 2010. 400 с.

12. *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2019. – 544 с.
13. *Лазарев В.В.* Поиск науки о праве и государстве (научно-публицистическое эссе) // *Lex russica* (Русский закон). 2013. № 4. С. 345–352.
14. *Лазарев В.В.* Пробелы в праве и пути их устранения. М. : ИНФРА-М, 2019. 183 с.
15. *Луман Никлас.* Власть. М. : Праксис, 2001. 256 с.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии (Manifest der Kommunistischen Partei) [Электронный ресурс]. URL: // www.marxists.org (дата обращения: 11.07.2022).
17. *Морита А.* Сделано в Японии. М. : Альянс Бизнес Букс, 2006. 289 с.
18. *Парсонс Т.* О социальных системах. М. : Акад. проект, 2002. 880 с.
19. *Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой.* М. : Норма, 2012. 704 с.; 2018. 784 с.
20. *Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: материалы VI Междунар. науч. конф. теоретиков права (г. Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / отв. ред. Н.Н. Черногор.* М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. 464 с.
21. *Розин В.М.* Типы и дискурсы научного мышления. М. : Эдиториал УРСС, 2004. 248 с.
22. *Смелзер Н.* Социология. М. : Феникс, 1992. 688 с.
23. *Соляноко П.Б.* Суд как субъект права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М., 2021. 35 с.
24. *Сперанский М.М.* О законах. Избранные работы и письма. М. : Юрайт, 2019. 205 с.
25. *Стрельцова Е.Г.* Приватизация правосудия. М. : Проспект, 2018. 240 с.
26. *Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева.* М. : Норма, 2017. 432 с.
27. *Судоустройство и правоохранительные органы: учебник / под ред. О.В. Головки.* М. : Городец, 2020. 816 с.
28. *Харари Ю.Н.* 21 урок для XXI века. М. : Синдбад, 2019. 416 с.
29. *Харт Г.Л.А.* Право, свобода и мораль (Law, Liberty and Morality). М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. 136 с.
30. *Systemes judiciaires europeens – Efficacite et qualite de la justice. Edition 2018 (donnees 2016). Etudes de la CEPEJ № 26 (Европейские судебные системы. Эффективность и качество правосудия. Исследование CEPEJ №26. Издание 2018 года (данные 2016 года).* Страсбург: Изд-во Совета Европы, 2018. 302 с.
31. *Systemes judiciaires europeens. Rapport d'evaluation de la CEPEJ. Cycle d'evaluation 2020. Tableaux, graphiques et analyses (Partie I) Европейские судебные системы. Отчет о результатах оценки ЕКЭП. Цикл оценки за 2020 (данные за 2018 г.). Таблицы, графики (Часть I).* Страсбург: Изд-во Совета Европы, 2020. Ч. I. 138 с.
32. *Tamanaha Brian Z.* // Washington University in St. Louis Legal Studies Research Paper No. 15-01-01. Number of pages: 65 Posted: 09 Jan 2015 Last Revised: 16 Oct 2016.

Ламтева А. В.,

кандидат юридических наук,

*преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России,
г. Нижний Новгород*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МОСТ МЕЖДУ СУДЕБНОЙ СИСТЕМОЙ ДРЕВНИХ АФИН И СОВРЕМЕННОЙ СОСТЯЗАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛЬЮ ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Автор, апеллируя к историческим аргументам, высказывает несколько гипотез, позволяющих, на его взгляд, усовершенствовать имеющуюся технологию отправления правосудия. Автор приводит схемы составов суда, соотнося их участием народного элемента в судебном разбирательстве и постановлении итогового решения по уголовному делу. Приводит свое видение оптимизации судопроизводства, связывая его с устойчивостью судебного решения; высказывает ряд ключевых позиций, которые в своей сумме смогут образовать новую состязательно-техноцентрическую модель современного уголовного процесса.

Ключевые слова: правосудие; судоустройство; судопроизводство; оптимизация.

Процессуальные мосты, прослеживающиеся в юриспруденции несколько тысячелетий назад, позволяют разглядеть ряд интересных идей, которые мы могли бы если и не применить, то хотя бы обсудить и пометчать в рамках исследуемой темы о действительно состязательном судебном разбирательстве с раскрывшимся всеми гранями доктринальным принципом «участия народного элемента в уголовном судопроизводстве и обеспечения социального контроля за ним» [10, с. 61], на который в своих работах неоднократно указывал доктор юридических наук, профессор В.Т. Томин.

Выскажем несколько гипотез, подкрепленных, в том числе историческими аргументами, которые позволят усовершенствовать имеющуюся технологию отправления правосудия.

Гипотеза № 1: Изменение формы судебного состава при отправлении правосудия придаст большую устойчивость и объективность итоговому решению по делу – оправдательному или обвинительному приговору.

Аргумент № 1 (физический). Если изменить форму предмета, изменится его жесткость. Чем выше жесткость предмета, тем большую *нагрузку* он может выдержать. Саму жесткость можно определить как способность предмета не прогибаться под нагрузкой. Данное положение

из физики можно по аналогии применить к сфере уголовного судопроизводства. Если определенным образом изменить форму судебного состава при разрешении уголовных дел, то по каждому делу повысится степень незыблемости судебного решения, а также *de facto* итоговое решение будет более объективным и на шаг ближе к истине. В физике бы речь шла о таких категориях, как «прочность» (то есть способность сопротивляться разрушению под действием внешних нагрузок) и «устойчивость» (то есть способность конструкции сохранять форму упругого равновесия под действием внешних нагрузок) [9, с. 5].

Аргумент № 2 (диалектический). Истории мировой цивилизации известны различные формы судебных составов при разрешении уголовных дел.

1. Уголовное дело разрешают только судьи-профессионалы (единолично или коллегиально): Россия (все составы, за исключением тех, что рассматриваются коллегией присяжных заседателей), Нидерланды и др.

2. Полностью непрофессиональный состав суда (английские магистраты, действующие коллегиально). На сегодняшний день в английском уголовном процессе существуют профессиональные и непрофессиональные мировые судьи. Судьи по профессии с юридическим образованием получают за свою работу денежное вознаграждение (стипендиарные судьи) и могут единолично разрешать уголовное дело по существу. Непрофессиональные юристы «рассматривают дела только в коллегиальном составе (не менее трех человек, максимально – коллегией из шести судей)» [12, с. 74]. Они осуществляют функции по отправлению правосудия 2-3 дня в месяц, в остальное время работая по своей основной профессии. На сегодняшний день «лорд-канцлер требует, чтобы каждый магистрат ежегодно принимал на себя судебские обязанности в течение как минимум 26 рабочих дней (желательно – 35) продолжительностью по четыре часа...» [7].

В числе основных требований, предъявляемых к магистратам, следует отметить такие, как возраст от 27 до 65 лет, безупречная репутация, наличие гражданства, проживание «в пределах 15-мильной зоны от границ той территории, которую они будут обслуживать как мировые судьи» [7], и др.

3. Наличие в судебной коллегии профессиональных и непрофессиональных судей (пример: суд шеффенов в Германии, суд Республики Беларусь, народные заседатели в СССР). Приведем наиболее интересные факты относительно работы народных заседателей при совместном отправлении правосудия с профессиональным судьей.

«Народные заседатели – это непостоянные граждане, осуществляющие судебные функции по очереди не более 2 недель в году» [11, с. 158] или до окончания судебного разбирательства, если оно длилось большее количество времени – и так на протяжении двух с половиной лет (согласно ст. 152 Конституции СССР 1977 года [5]), а затем в течение пяти лет (в соответствии с ч. 5 ст. 10 Закона «О статусе судей в СССР» № 328-І от 4 августа 1989 года). В соответствии с ранее действовавшим законом «О статусе судей в СССР [2] «Народные заседатели при осуществлении правосудия пользуются всеми правами судьи» (ч. 3 ст. 1). И если **народным судьей** мог быть гражданин СССР, достигший возраста 25 лет, имеющий высшее юридическое образование, стаж по юридической специальности не менее двух лет, сдавший квалификационный экзамен (ч. 1 ст. 8) и избранный «гражданами района (города) на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании» [11, с. 155], то к **народному заседателю** перечень требований был менее взыскательным: это должен был быть гражданин СССР, достигший 25 лет (ч. 4 ст. 8), а также избранный «на собраниях граждан по месту их работы или жительства открытым голосованием» [11, с. 155].

Таким образом, правосудие в районном (городском) народном суде осуществлял один народный судья (профессиональный юрист) и два народных заседателя. У председательствующего народного судьи была обязанность организовать и руководить судебным разбирательством, в то время как народные заседатели также должны были готовиться к рассмотрению каждого гражданского и уголовного дела, изучать необходимый правовой материал. Итоговое решение по делу определялось большинством голосов. Голос народного заседателя по процессуальному весу был равен голосу народного судьи, который свое профессиональное мнение высказывал последним. В соответствии со ст. 154 Конституции СССР 1977 года «Рассмотрение гражданских и уголовных дел во всех судах осуществляется коллегиально». То есть все судебные разбирательства, в том числе в Верховном Суде СССР (ст. 153 Конституции СССР 1977 года), производились с участием народных заседателей. Таким образом, вершение правосудия в России в XX веке имеет образное сходство с судебным разбирательством Древних Афин в части коллегиального принятия итоговых судебных решений при участии народного элемента – в большей или меньшей степени. Речь идет не просто об участии граждан в качестве присяжных заседателей, как это имеет место быть сегодня и выступает наиболее яркой формой привлечения общества к правовым

вопросам в зале суда. Народный заседатель – такой же судья, реализующий ту же функцию разрешения дела по существу, однако не являющийся профессиональным юристом, при этом открыто избранный населением – то есть человек честный, порядочный, умный, надежный настолько, что граждане готовы вверить свою правовую судьбу в его руки. Известный российский юрист А.Ф. Кони в своих трудах отмечал, что «суд есть школа для народа, из которой, помимо уважения к закону, должны выноситься уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству» [4, с. 31]. В организации участия в судебном разбирательстве народных судей и народных заседателей прослеживается глубокая педагогико-правовая идея отправления правосудия и назначения по-настоящему милостивого наказания.

Полагаем, что чем больше судей принимает итоговое судебное решение, тем большей степенью приближения к истине и справедливости оно обладает, а соответственно, тем выше его коэффициент устойчивости к процессуальному обжалованию в вышестоящих инстанциях. Добавим, что при принятии в Древних Афинах решения в количестве 501 судьи, оно не подлежало обжалованию в целом.

4. Профессиональный судья совместно с коллегией присяжных заседателей (в России судья районного суда, гарнизонного военного суда и коллегия из шести присяжных заседателей – п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ; судья суда субъекта и коллегия из восьми присяжных заседателей – п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ).

5. Профессиональные и непрофессиональные судьи составляют две самостоятельные коллегии при разрешении уголовного дела, но итоговое решение принимают совместно с помощью тайного голосования и при равенстве голосов (пример: суд ассизов во Франции).

6. Другие модели (пример: в Дании разрешение уголовных дел по тяжким преступлениям рассматривается в составе двух коллегий из трех судей-профессионалов и двенадцати непрофессионалов. Вопрос о виновности или невиновности в каждой коллегии принимается отдельно. При этом голос одного судьи-профессионала равен четырем голосам непрофессионалов) [6, с. 841].

Автором было приведено шесть ключевых схем составов суда – достаточно интересных, рабочих и, что для нас интересно в рамках данной статьи, ряд из них очень тесно связан с участием народного элемента в судебном разбирательстве и постановлении итогового решения по уголовному делу.

Аргумент № 3 (исторический). Гелиэя была высшим судебным органом Древних Афин. «В ее составе функционировали 10 коллегий, в каждой из которых было по 500 судей и 100 запасных. В целях предотвращения возможных злоупотреблений коллегиям было неизвестно, когда их призовут к исполнению обязанностей. Это решалось жеребьевкой в день суда» [3, с. 149].

«Большинство судебных отделений состоит из 501 члена. Когда требуется поставить особенно серьезное дело на обсуждение тысячного состава, в гелиэю собирается двойной состав суда. Дела исключительной важности передаются на рассмотрение 1500 судей, то есть тройного суда» [1, с. 169]. Судьями в Древних Афинах могли быть граждане, достигшие 30 лет, не являющиеся государственными должниками и не лишённые гражданской чести. После прений сторон каждому судье вручалось по два камешка (просверленный – за истца, цельный – за ответчика) [1, с. 170]. В зале суда также находилось две амфоры: в расчет принималось содержание бронзовой амфоры, в деревянную же опускался неиспользованный оставшийся камень. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что данная технология определения итогового решения по уголовному делу была на виду у всех участников судебного разбирательства: были видны все этапы получения материала для голосования, сам процесс опускания в амфору только по одному камню, однако сам судья мог взять его в руку таким образом, чтобы со стороны не было видно, чью позицию по делу он поддерживает. Затем служители брали амфору с решающим значением и высыпали все ее содержимое на счетную доску – также открыто и публично. При равенстве голосов выигрывал подсудимый.

Авторское видение. Целесообразно по тяжким и особо тяжким составам преступлений для вынесения приговора привлекать общество. Итоговое решение по этим наиболее опасным категориям преступлений должно приниматься народом. Мы предлагаем отказаться от института суда присяжных. Считаем возможным в каждом городе-миллионнике создать 10 коллегий по 50 человек, являющихся непрофессиональными судьями от народа. Туда методом случайной выборки может попасть любое лицо, в том числе профессиональный юрист (за исключением профессионального судьи). Главные требования: отсутствие судимости, возраст 25 лет и старше, наличие любого высшего образования, не беременные женщины; не те, что находятся в декрете; не мужчины, призванные в армию; не находящиеся под следствием или в отношении которых имеет-

ся заведенное уголовное дело. Роль профессионального судьи предлагаем свести к организации подготовки к судебному разбирательству, к сохранению всех прав и обязанностей в рамках подготовительной части, судебного следствия, прений сторон, последнего слова подсудимого, а вот далее следует добавить новый этап – электронное голосование 50 представителей от общества по вопросу «виновен или не виновен?», а также вопрос о выборе наказания с соответствующими альтернативами исходя из санкции применяемой по конкретному уголовному делу статьи. Профессиональный судья при этом не голосует, однако грамотно формулирует итоговый приговор с учетом волеизъявления народа и его оглашает.

Если говорить о приглашаемых сегодня в суд присяжных заседателях, то они случайным образом отбираются из общественного моря и туда же возвращаются после исполнения своей функции. Строгие правила о тайне совещания присяжных одной из причин имеют и соображения их собственной безопасности после постановленного приговора.

В век цифровизации и информационных технологий считаем возможным обеспечить голосование предлагаемых нами непрофессиональных судей из народа в зале суда посредством компьютеров с помощью программы «Votum», к примеру. Результат сразу высветится на общей панели и будет виден подсудимому. На основе визуализированного выведенного результата профессиональный судья должен удалиться в свой рабочий кабинет для составления и последующего оглашения приговора по делу с уже известным результатом и более подробной детализацией отдельных правовых вопросов. Если кредо суда присяжных – тайность и коллегиальность в стремлении добиться единодушного правового решения, то в случае с предлагаемыми нами непрофессиональными народными судьями должен отсутствовать элемент совещательности. Благодаря участию широкого круга граждан в количестве 50 человек представляется важным не столько сформировать общее схожее мнение, сколько узнать личный взгляд каждого участника судебного разбирательства, не замутненный позицией соседа. Таким образом, мы предлагаем упразднить сам формат рассмотрения дел с участием присяжных заседателей и переключиться на новую эквивалентную, но более демократичную процедуру организации судебного разбирательства по тяжким и особо тяжким составам преступлений.

Что касается суда шеффенов в Германии, то здесь хочется привести цитату знаменитого российского юриста А.Ф. Кони о том, что в Германии «...не решились совсем упразднить суд присяжных и лишь в тесном

соседстве с ним, по сторонам коронного судьи посадили выборных на долгий срок заседателей...» [4, с. 31].

Если посмотреть на другой формат разрешения дел по существу, а именно на рассмотрение уголовных дел коллегией из трех профессиональных судей, то можно и здесь найти пару драгоценных перспективных идей, которые после процессуальной огранки станут более яркими и прогрессивными.

Полагаем, что путь более простой и также эффективный – распространить коллегиальное рассмотрение уголовных дел в составе трех профессиональных судей на все категории за исключением преступлений небольшой тяжести.

В заключение первой рассматриваемой гипотезы отметим, что правильный состав суда имеет важное значение для признания итогового приговора правосудным и признания его устойчивым. «Поиск оптимального состава суда, позволяющего минимизировать возможность судебной ошибки, исключить произвольное формирование судейской коллегии и, как следствие, обеспечить доверие граждан к судебному решению как к акту истинного правосудия» [6, с. 840] – одна из актуальных проблем уголовного судопроизводства.

Гипотеза № 2. Непредсказуемое распределение уголовных дел между судьями будет способствовать принятию максимально правосудных решений.

Вопрос о распределении уголовных дел не возникает, если речь идет о мировых судьях. Если же мы говорим о районных (городских) судах или судах субъектов, там этот порядок может иметь первостепенное значение, влияющее на качество всей судебной системы в целом.

В соответствии с теорией шести рукопожатий или основываясь на принципе «тесного мира», любые два человека на земле разделены максимум пятью уровнями общих знакомых и шестью уровнями связей. Как отмечается, шесть – это средняя длина цепи. В отдельных случаях для связи с определенным субъектом необходимо построить цепочку из 10–15 «рукопожатий». Таким образом, при сильной необходимости, а такая периодически возникает у людей, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, человек может найти выход на нужного судью, который будет рассматривать его дело. Мы сейчас не обсуждаем запреты, наложенные на судью – пресекать все внепроцессуальные обращения и докладывать руководству об угрозах и предложениях о взятках, а лишь говорим о том, что теоретически и, к сожалению, иногда и практически

люди связываются с судьями, которые в последующем рассматривают уголовные дела с их участием. И так как речь идет об обращениях не от незнакомцев, а от знакомых знакомого – этих граждан как минимум выслушивают и, возможно, даже консультируют. Полагаем, что на процессуальный итог по уголовному делу это никак не влияет, однако и этого можно было бы избежать, если обеспечить определенную тайну судебного состава до фактического судебного разбирательства.

Утопичность данной идеи заключается в том, что обвиняемый может заявить ходатайство о проведении предварительного слушания и там узнает данные о своем судье. Только если судья возвратит дело назад прокурору для переквалификации на более тяжкий состав, тогда будет назначен другой судья для его разрешения. На сегодняшний день нет цели сокрыть имя судьи до судебного процесса, полагаясь на честность, профессионализм и порядочность последнего. В целом это правильная позиция. Но не менее интересный выход из схожей ситуации был найден и в Древних Афинах. Истец и ответчик только в день разбирательства узнавали, какая из 10 коллегий по 501 судье каждая будет вести разбирательство. Такое количество судей не способствовало налаживанию предварительных контактов.

Проблема распределения уголовных дел между судьями определяется как организационная и ложится на председателя суда или на председателя соответствующей коллегии суда [6, с. 845]. Обычно уголовные дела распределяются в индивидуальном порядке после их поступления в суд или же за судьями закрепляются определенные категории дел, приводящие к «мягкой» специализации судей в рамках конкретного суда [6, с. 845–846]. Основной минус при данном подходе – подбор под особенно важные дела лояльных судей или судей с предсказуемой позицией.

В качестве альтернативы предлагается метод жеребьевки при распределении уголовных дел, а также разработка специальной компьютерной программы с автоматической выборкой. Минусы таких предложений: все дела могут доставаться одним и тем же судьям, выпадающим по жеребьевке или что хуже – тот, кто долгое время разрешал дела с участием несовершеннолетних, будет вынужден вникать в тонкости экономических составов и наоборот.

Полагаем, что в данном, хотя и действительно проблемном вопросе следует оставить все как есть и положиться на председателя соответствующего суда. Кому как не ему знать о степени загрузки каждого судьи

и те сферы, по которым судебное разбирательство каждым из подчиненных будет произведено наиболее качественно и быстро.

Гипотеза № 3. Если изменить форму современного уголовного процесса, мы приведем его в актуальное состояние для эффективной борьбы с огромным количеством преступлений с применением электронных технологий и с учетом реалий XXI века.

Форма – это вид, тип, устройство, структура, внешнее выражение чего-нибудь, обусловленное определенным содержанием; установленный образец чего-нибудь [8, с. 1280]. Уголовно-процессуальная форма – это определенная процессуальная процедура, определенный порядок производства процессуальных действий и принятия процессуальных решений. Но, конечно же, помимо смены формы нас интересует производство кардинальных изменений в содержании всего формата уголовного судопроизводства.

Выскажем ряд ключевых позиций, которые в своей сумме смогут образовать новую состязательно-техноцентрическую модель современного уголовного процесса:

– расширяем полномочия адвоката в части допустимых к проведению процессуальных действий. Запускаем концепцию альтернативного исследования обстоятельств дела стороной защиты. Анатолий Федорович Кони адвоката и обвинителя определил как помощников судьи: «Их совокупными усилиями освещаются разные, противоположные стороны дела и облегчается оценка его подробностей» [4, с. 27]. В этой связи представляется разумным расширить полномочия одного из помощников в интересах общего единого дела – обнаружения истины по уголовному делу;

– предлагаем увеличить штат следователей и благодаря этому обеспечить их участие в зале суда по каждому уголовному делу вместо или совместно с государственным обвинителем, потому как именно следователь, ведущий уголовное дело и производящий по нему весь комплекс следственных и иных процессуальных действий, знает его во всех деталях;

– вводим должность помощника следователя для ведения электронного уголовного дела и хранения его на нескольких носителях, а также для исполнения отдельных поручений относительно копирования материалов для направления ходатайств в суд, отправки запросов и др. Необходимо обеспечить электронный дистанционный доступ для потерпевшего, обвиняемого и его адвоката к материалам уголовного дела для выстраивания линии защиты и подготовки к следственным действиям и судебному разбирательству. Это позволит отказаться от значительного количества уведомлений, направляемых в адрес стороны защиты и обвине-

ния, позволит основным участникам знать, на каком этапе находится производство по уголовному делу;

– коллегиальное рассмотрение тяжких и особо тяжких преступлений на выбор по ходатайству обвиняемого: а) либо при участии трех профессиональных судей; б) либо в присутствии пятидесяти непрофессиональных судей из народа и одного профессионального судьи;

– включение в обязанности помощника судьи ведение электронного уголовного дела в части проведения судебного разбирательства и постановления приговора;

– создание фигуры следственного судьи для упрощения работы следователей в части ускоренного рассмотрения ходатайств об избрании отдельных мер пресечения и разрешения производства отдельных следственных действий;

– снабжение дежурных частей отделов полиции специальными устройствами для перевода обращений иностранных граждан;

– размещение в зале суда пятидесяти ноутбуков для голосования непрофессиональных судей от народа и включение в аппарат суда должности технического оператора;

– расширение возможностей следователей и оперативных работников по определению местонахождения граждан по сигналу телефона или местонахождения ноутбука для своевременного задержания правонарушителей в случае совершения ими мошеннических действий по телефону для хищения денежных средств с банковских карт граждан, создания поддельных сайтов и прочее. Сегодня есть такие следственные действия, как контроль и запись телефонных переговоров, а также получение информации о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами, однако они не позволяют судить о настоящем местонахождении нарушителя закона.

В рамках данной статьи было заявлено три авторских гипотезы, направленных на совершенствование действующей модели уголовного судопроизводства. Две из них, по мнению автора, удалось доказать с определенной степенью достоверности и реализуемости. Был высказан ряд предложений, направленных на трансформацию судебных составов применительно к их количественной и качественной части при отправлении правосудия, а также заявлен ряд смелых предложений, которые в своей совокупности способны создать абрис нового состязательно-техноцентрического формата уголовного судопроизводства. Чем большее количество граждан участвует в орбите отправления правосудия, тем грамотнее становится общество в целом, тем выше степень социального

контроля. Ключевая идея данной статьи сводится к отказу от института присяжных заседателей в пользу создания нескольких коллегий из непрофессиональных судей из народа. Согласимся с тезисом профессора В.Т. Томина о том, что «...без посторонних всякой корпорации жить спокойнее» [10, с. 61]. Но цель любого разрешения уголовного дела по существу – это достижение истины и постановление правосудного приговора. И если для этого всего лишь нужно пригласить 50 образованных и порядочных граждан из общества, стоит рискнуть. Именно в этом заключается сущность современного прогрессивного и демократичного отправления правосудия.

Список источников

1. *Аристотель*. Афинская полития // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: Т. 1: Древний мир и Средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. 816 с.

2. Закон «О статусе судей в СССР» от 04.08.1989 г. № 328-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. №9. Ст. 223 [Электронный ресурс]. URL.: [http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&\(дата обращения: 01.09.2021\)](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&(дата обращения: 01.09.2021)).

3. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.А. Жидкова и д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Крашенинниковой. 2-е изд., стер. М. : Норма, 2004. 624 с.

4. *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Закон и справедливость. Статьи и речи. М. : Изд-во «Э». 2016. 640 с.

5. Конституция РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 01.09.2021).

6. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. 1280 с.

7. *Михайлов А.* Мировые судьи в Англии: современное состояние института [Электронный ресурс]. URL.: <https://blog.pravo.ru/blog/3131.html> (дата обращения: 01.09.2021).

8. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2016. 1375 с.

9. Сопротивление материалов: учебник / Г.Д. Межецкий, Г.Г. Загребин, Н.Н. Решетник; под общ. ред. Г.Д. Межецкого, Г.Г. Загребина. 5-е изд., М. : Изд-во Дашков и К, 2016. 432 с.

10. *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: лекция-монография. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2007. 79 с.

11. *Цечоев В.К.* История суда России: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2018. 192 с.

12. *Чулкова Т.В.* Англосаксонская модель мировой юстиции // Инновационная наука. 2018. № 5-2. С. 72–76.

Малютина О. А.,

кандидат юридических наук,

*доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России,
г. Нижний Новгород*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФАС РОССИИ И МВД РОССИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КАРТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ

Аннотация. В статье анализируется взаимодействие правоохранительных и антимонопольных органов в целях недопущения ограничения конкуренции в российской экономике.

Ключевые слова: Федеральная антимонопольная служба; конкуренция; монополия; органы внутренних дел; законодательство.

Сотрудничество органов исполнительной власти – сфера, которая способствует предупреждению противоправных деяний во всех отраслях экономики. Одним из важнейших направлений такого взаимодействия является поддержка конкуренции и недопущение монополизации. Ведущая роль в этом взаимодействии принадлежит Федеральной антимонопольной службе России (далее – ФАС России) созданной как орган, основной функцией которого является защита конкуренции на современном рынке. Стоит отметить, что деятельность, направленная на реализацию плана мероприятий, утвержденного приказом ФАС России от 18.03.2020 № 289/20 во исполнение Стратегии развития конкуренции, возможна при активном взаимодействии ФАС России, федеральных органов исполнительной власти, Центрального банка Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций [6].

В рамках настоящего исследования остановимся лишь на двух субъектах: ФАС России и МВД России.

Нормативную основу взаимодействия ФАС России и МВД России составляет совместный приказ [4], определивший следующие направления взаимодействия:

- информационное сотрудничество (обмен информацией о выявленных нарушениях либо их признаках);
- организация и проведение совместных мероприятий по проверке коммерческих и некоммерческих организаций, предприятий;

– организация взаимных консультаций по вопросам, входящим в компетенцию каждой из сторон, совместных рабочих встреч и тематических семинаров;

– подготовка методических рекомендаций.

Для реализации отдельного направления изданы и применяются нормативные акты, раскрывающие полномочия и порядок действий соответствующего органа. Так, антимонопольный орган вправе привлекать к проведению внеплановых выездных проверок в качестве специалистов сотрудников органов прокуратуры, правоохранительных и иных контролирующих органов для пресечения противоправных действий, препятствующих исполнению служебных обязанностей работниками ФАС России [5, п. 3.29]. В основу взаимодействия в таком случае положен запрос соответствующего субъекта, подготовленный в соответствии с требованиями процессуального законодательства.

Антимонопольные органы по запросам МВД России, его региональных и территориальных органов могут направлять в качестве экспертов своих работников для участия в процессуальных действиях и мероприятиях по проверке коммерческих и некоммерческих организаций.

На взаимодействие ФАС России с правоохранительными органами нацелена и Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019-2023 годы, объединяющая усилия и возможности правоохранительных органов [8].

В развитие взаимодействия между антимонопольным и правоохранительными органами стало создание Межведомственной рабочей группы [7], в состав которой вошли представители ФАС России, Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) МВД России и Следственного департамента МВД России.

Каковы результаты взаимодействия? Ежегодно в Российской Федерации выявляется значительное количество картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений. Так, в 2018 году ФАС России возбуждено 384 дела о картелях, в 2019 году – 424 дела о картелях, что на 15% больше, чем в 2018 году [1]. По материалам дел о нарушении антимонопольного законодательства правоохранительными органами в 2019 году возбуждено 37 уголовных дел, из них 22 дела – по статье 178 УК РФ. Пять уголовных дел направлено в суд, вынесены первые приговоры по уголовным делам о картелях. В первом полугодии 2020 года наблюда-

лось увеличение количества картельных сговоров среди фармкомпаний: количество возбужденных дел по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 8,6 %. Однако в условиях пандемии по результатам 9 месяцев 2020 года зафиксировано незначительное снижение картельной активности фармацевтов.

Меняется сфера заключения картельных сговоров – это и фармацевтика, и металлопрокат, и рынок горюче-смазочных материалов, и строительный рынок, и продуктовые рынки. Правонарушители переориентируются на товарные рынки, что предполагает изменение вектора противодействия картельным сговорам. К правоохранительным органам на страже конкуренции добавляется Бюро расследований Общероссийского народного фронта.

Как оценить эффективность взаимодействия антимонопольных и правоохранительных органов по противодействию картельным сговорам? В отчетах антимонопольного органа фигурируют штрафные санкции, исчисляемые миллионами, уголовное законодательство предполагает возможность назначения наказания в виде штрафа, сопряженного с лишением свободы (либо без такового). Законодательство, противодействующее картелям, дорабатывается с учетом динамично меняющейся практики. Все эти действия, безусловно, способствуют сохранению в том числе и бюджетных денег, поскольку сфера национальных проектов, финансируемых из бюджета соответствующего уровня, представляет безусловный интерес для заключения картельных сговоров. Можно ли в количественных критериях оценить эффективность взаимодействия? Является ли статистические данные показателем изменений в сфере взаимодействия правоохранительных и антимонопольных органов?

Все можно перевести в числа и высказать предположение, что результативность взаимодействия в сфере защиты конкуренции двух структур остается неудовлетворительной. Однако отметим, что существование правоохранительных структур, решающих в отрыве друг от друга профессиональные задачи по противодействию отдельным видам преступлений, невозможно. Как отметил А. Тенишев, «участник картеля – это рациональный преступник, он всегда оценивает риски» [1], и в интересах правоохранительных органов сделать так, чтобы риски лиц, вступающих в картельный сговор, быть пойманными были высоки, а потери несоизмеримы с потенциальным доходом.

В качестве мер противодействия ФАС России использует разработанную концепцию автоматизированной информационной системы

«АнтиКартель» (АИС «АнтиКартель»), позволяющую в режиме онлайн выявлять признаки антиконкурентных соглашений и формировать доказательственную базу, подтверждающую заключение и реализацию соответствующего сговора, с использованием как открытых, так и закрытых источников информации [2].

Вместе с тем, отмечая колоссальную работу антимонопольных органов, констатируем, что роль правоохранительных органов состоит в проверке поступивших материалов на предмет наличия признаков преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ. Полагаем, что именно на этом этапе взаимодействие двух структур должно включать в себя консультативную помощь, экспертную поддержку. Создание антимонопольными органами совместных с правоохранительными органами рабочих групп по выявлению и расследованию правонарушений в сфере антимонопольного и уголовного законодательства позволят оптимизировать ресурсы и направить их на достижение одной цели. Полагаем, что способствовать раскрытию и расследованию противоправных деяний, направленных на заключение картеля, будет возможность своевременно получать документы, представляющие интерес с позиции доказывания в последующем.

Вместе с тем считаем, что предложение криминализировать факт создания картелем угрозы причинения ущерба по аналогии со статьями Уголовного кодекса РФ, предполагающими ответственность за угрозу причинения вреда источником повышенной опасности [9, с. 80], являются спорными. Степень общественной опасности угрозы неоспорима, но сможет ли такая формулировка упростить процедуру доказывания для правоохранительных органов и изменить практику привлечения к ответственности по ст. 178 УК РФ – покажет только практика правоприменителей.

Из положительных изменений в части взаимодействия рассматриваемых структур следует отметить, что с принятием Межведомственной программы, предусматривающей меры по выявлению и пресечению картелей, деятельность правоохранителей и антимонопольных органов может и должна осуществляться параллельно. Это позволит использовать ресурс оперативно-розыскных мероприятий для получения доказательств заключения антиконкурентного соглашения.

Полагаем, что в рамках действующего законодательства к эффективным формам взаимодействия следует отнести обучающие семинары и круглые столы по вопросам противодействия картелям, проводимые с привлечением заинтересованных сторон. Обмен опытом по использованию специальных познаний в сфере противодействия картелям позволит

не только обсудить проблемные вопросы, возникающие при выявлении и документировании картельных сговоров, но и выработать направления взаимодействия, разработать совместные методические рекомендации, которые в итоге приведут к положительной динамике в части противодействия рассматриваемым правонарушениям и преступлениям.

Список источников

1. *Андрей Тенишев*. Не каждый готов заплатить свободой за незаконно полученный доход [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/news/30722> (дата обращения: 21.06.2021).

2. За картелями присмотрит искусственный интеллект [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4836634> (дата обращения: 21.06.2021).

1.3. План деятельности Федеральной антимонопольной службы на 2019-2024 годы [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318109/ (дата обращения: 21.06.2021).

4. Приказ МВД РФ № 878, ФАС РФ № 215 от 30.12.2004 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службы» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.01.2021).

5. Приказ ФАС России от 25.05.2012 № 340 «Об утверждении административно-го регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по проведению проверок соблюдения требований антимонопольного законодательства Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.06.2021).

6. Приказ ФАС России от 18.03.2020 № 289/20 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (I этап - 2020-2024 годы)» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.06.2021).

7. Приказ ФАС России и МВД России от 11 июня 2013 № 397/13/426 «О межведомственной рабочей группе ФАС России и МВД России» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.06.2021).

8. Распоряжение Правительства РФ от 17.06.2019 № 1314-р «Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019–2023 годы» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.06.2021).

9. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности: монография / под ред. В.П. Заварухина. М. : ИПРАН РАН, 2018. С. 33 [Электронный ресурс]. URL: https://fas.gov.ru/ckeditor_assets/attachments/660/maksimov_s_v_utarov_k_a_ugolovnaya_politika_v_sfere_zaschity_konkurentsii_m_ipran_ran_2018_80_s.pdf (дата обращения: 21.06.2021).

Сапожников С. М.,

кандидат юридических наук,

*доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ НИЖЕГОРОДСКОГО ЗЕМСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ И ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ РЕФОРМЫ В 60–70 ГОДАХ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы государственного реформирования второй половины XIX века в области местного самоуправления (земства), судебной и пенитенциарной системы. Прослеживается роль, отводимая правительством земским учреждениям в осуществлении начал судебных и тюремных преобразований, и историко-правовой опыт практической реализации реформирования.

Ключевые слова: власть; государство; земство; пенитенциарная система; реформа; суд.

В Российской истории реформирования 1864 год занимает особое место. Именно в этом году законодательно оформляются реформы в области суда и местного самоуправления.

Проведение Судебной реформы имело важнейшее политическое, социальное и политико-правовое значение. Россия на тот момент, как, впрочем, и в последующие столетия, являлась объектом пристального внимания стран западной Европы и США. Политические и правовые лидеры того мира пристально следили за тем, что происходит в России, и ждали момента, когда Россия ошибется...

Но вопреки (европейским) ожиданиям и в этом противостоянии Российская империя, руководимая императором Александром II, разработала теоретически и практически реализовала одну из сложнейших и величайших Судебных реформ не только того времени, но и современного судебного права.

Заметим, что проводимая Судебная и Земская реформа 1864 года включала не только законы, которые определяли взаимодействие институтов местного самоуправления и создаваемых институтов судебной власти, но и практическую реализацию инициатив губернских и уездных земств.

Правительство Российской империи отводило особенную роль в отношении органов местного (земского) самоуправления по реализации судебной и тюремной реформы на местах.

Согласно законодательству основная часть обязанностей, которые вверялись земству, охватывали государственные, земские и частные обязанности (потребности) ведения местных дел, в основном хозяйственного порядка.

Среди широкого круга обязанностей, которые предоставлялись земству, особое место занимали их деятельность по формированию и содержанию судебных и тюремных учреждений.

Помимо хозяйственных вопросов, одним из важнейших направлений взаимодействия судебной и земской реформы было предоставленное право земским учреждениям по формированию института мировых судей.

Согласно ст. 24 «Высочайшего утвержденного Учреждения судебных установлений» от 20 ноября 1864 г., выборы мировых судей производились уездными земскими собраниями. Предварительно списки лиц, из которых уездные земства выбирали мировых судей, представлялись губернатором, в своем представлении он сообщал свои замечания в отношении кандидатур на должность (ст. 30), что ставило земство под особый контроль со стороны губернской власти по избранию мировых судей. Кроме того, уездным земствам предоставлялись заявления о неправильных сведениях о внесённых в список лиц или сделанных в этих списках пропусках, или заявлениях о нежелании быть избранным (ст. 31), которые они должны были учитывать при выборах [7].

Об избранных на уездных собраниях мировых судьях (в случае неизбрания по тем или иным причинам доизбраниями (ст. 24) занималось губернское земское собрание) объявлял председатель уездного земского собрания. Избранные лица принимали присягу и допускались к исполнению должностных обязанностей на ближайшее трехлетие (ст. 33). Однако окончательно списки избранных в уездные мировые судьи утверждались I департаментом Правительствующего Сената (ст. 37) [7].

Избранный и утвержденный участковый мировой судья получал от земского собрания «сумму на его содержание, разъездные, наем писмоводителя и рассыльного и на канцелярские расходы» (ст. 44) [7].

Кроме избрания и некоторых вопросов материального обеспечения мировых судей, к компетенции земств были отнесены вопросы составления списков присяжных заседателей. Общие списки присяжных заседателей составлялись особыми временными комиссиями, состоящими из лиц, назначаемых для этой цели ежегодно уездными земскими собраниями (ст. 89, 37) [7].

Более подробная информация в отношении взаимоотношений институтов судебной власти и институтов местного самоуправления второй половины XIX в. содержится ряде авторских публикаций [10, с. 89–96; 11 с. 271–276].

Отметим, что если вопросам роли местного самоуправления в проведении Судебной реформы 1864 г. уделялось внимание, хотя и недостаточное, то проблемы исследования историко-правового опыта участия и роли земства в осуществлении тюремной (пенитенциарной) реформы, и в частности участия нижегородского земства, практически не исследовались в российской научной литературе.

Этой проблеме, тесно связанной с судебной реформой, по нашему мнению, необходимо уделить особое внимание, так как деятельность нижегородских земских учреждений в реализации правительственной политики проведения тюремной реформы, а также собственные инициативы заслуживают особого внимания.

Уже в ходе разработки Судебной реформы рассматривались и вопросы реформирования тюремной системы империи. Так, например, в «Журнале Министерства юстиции», который был создан для информационного обеспечения Судебной реформы 1864 года, публиковались материалы и по вопросам «реализации пенитенциарной политики Российской империи» [6, с. 141].

К вопросам необходимости реформирования пенитенциарной системы Российской империи обращаются еще в 50-е годы XIX века. Была создана особая комиссия при МВД, в которую вошли и непосредственные представители отделения по тюремной части Департамента полиции исполнительной, в подчинении которого находились тогда тюрьмы [6, с. 138].

Комиссия провела обследование имеющихся тюрем и опубликовала в 1865 году «Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России». Подготовка и издание данных материалов осуществлялась под непосредственным руководством Министра внутренних дел П.А. Валуева. Подготовленные Министерством внутренних дел Материалы свидетельствовали о неудовлетворительном положении дел во всех без исключения тюрьмах России [6, с. 138, 139].

Уже в ходе подготовки знаменитых реформ Александра II, в том числе и судебной и тюремной, возникла глобальная проблема – где взять средства по финансированию этих важных для государства и общества преобразований? Одним из ответов на возникшую проблему финансового

(и не только) обеспечения реформ, на наш взгляд, явилось решение о переложении части финансового, хозяйственного и социального обеспечения реформирования на местные, в данном случае земские, а в последствии и городские органы местного самоуправления.

Уже в раннем законодательстве о земском самоуправлении 1864 г. в «Положении о губернских и уездных учреждениях» [9], и «О некоторых мерах по введению в действие Положения о губернских и земских учреждениях» от 01 января 1864 г. [8] говорилось, но не раскрывая подробного смысла, о необходимости участия земства в участии тюремного обеспечения (хотя сама тюремная реформа находилась еще в стадии разработки).

Так, в ст. VII Положения предписывалось участвовать «преимущественно в хозяйственном отношении в пределах законом определенном, в попечении о народном образовании, о народном здравии и о тюрьмах» [9], а «в высочайше утвержденном мнении Государственного совета» говорилось в ст. 5, что среди прочих мер, которые должны были предоставить министры финансов и внутренних дел «соображения о предоставлении новым земским учреждениям, в той мере, как это будет полезным и возможным предложения по удовлетворению земских повинностей... по устройству и содержанию этапных помещений, содержание арестантских рот гражданского ведомства..., по устройству зданий губернских и уездных присутственных мест и тюрем и найму зданий для одиночного помещения следственных арестантов» [8].

Помимо обязанностей, вверяемых земским учреждениям по устройству этапных помещений, содержанию арестантских рот гражданского ведомства, отоплению, освещению и устройству тюрем и найму зданий для одиночного помещения следственных арестантов, оговоренных в законодательстве, правительством изыскивались возможности привлечения дополнительных денежных средств для проведения тюремного преобразования. Но бюджет земств был весьма ограничен, поэтому не всегда предоставлялась возможность поддержки всех начинаний правительства.

Другим важным «стимулом» проведения тюремной реформы были изменения внутривнутриполитической обстановки в стране, подъем революционного движения, а также рост уголовных и гражданских преступлений, что вызвало необходимость трансформации тюремной системы Российской империи.

Усиление карательных мероприятий, как ответ на возросшее революционное движение 60–70 годов XIX в., привело к созданию правительством тюрем, находящихся в центральном подчинении – так называемых централов: Новоборисоглебского, Новобелгородского, Александровского (1873) и др. Не было оставлено без внимания устройство и заведование местными тюремными острогами.

Нехватка денежных средств не позволяла правительству проводить широкомасштабное реформирование в этой сфере. Попытки правительства переложить часть своих обязанностей по тюремному устройству на органы местного самоуправления были, но на этот раз это встретило противодействие со стороны земских учреждений Нижегородской губернии.

Работавшая в Нижнем Новгороде в 1872 году комиссия под председательством графа Сологуба, обратившись к губернскому земскому собранию по поводу участия последнего в устройстве тюрьмы для содержания подследственных и подсудимых арестантов, встретила с его стороны отказ от участия земства в этом правительственном проекте, мотивируя отсутствием свободных денежных средств [2, с. 11].

Такое решение земского собрания было вызвано, с одной стороны, действительно отсутствием необходимых средств, но с другой – это было своеобразным протестом против правительственной политики, направленной на полное подчинение земства правительству, пресекающим любую их инициативу на местах. Так, инициатива некоторых изменений в оплате и найме вольнонаемных тюремных надзирателей, предпринятая Лукояновским уездным земством и одобренная губернским земским собранием [12, л. 41, 42], которая позволяла значительно сократить расходы при их найме, вызвала ту же резолюцию отказа со стороны губернских властей, как и в случае более ранней попытки земства высказать свои соображения по поводу устройства сельской полиции.

Тем не менее правительство не отказалось от идеи использовать для реорганизации тюремного устройства капиталы частных, общественных и торговых лиц и организаций (Указ сената 21 декабря 1866 года).

В декабре 1874 года губернатор Нижегородской губернии обращается к земству с просьбой содействия только что возникшему обществу по устройству колоний для малолетних преступников [3, с. 1].

В этом случае планы Нижегородского земства совпадали с пожеланием губернатора. Земство еще в 1867 г. разработало проект создания в губернском городе приюта для детей, сидевших в тюрьме и просящих

милостыню, но было вынуждено отказаться из-за отсутствия необходимых для его устройства денежных средств [1, с 160].

В ходе обсуждения губернское собрание решило выделить на обустройство данному обществу первоначально 2079 рублей и в дальнейшем ежегодно выплачивать постоянную субсидию по 1500 рублей, а в качестве представителя от земства в создающееся общество был выбран М.М. Аверкиев [3, с. 24].

Огромное число обязанностей по заведованию местным хозяйством губернии и довольно ограниченные финансовые возможности, отсутствие должного опыта не всегда позволяли своевременно и четко выполнять земству эти свои обязанности.

Работающая в 1876 году комиссия Нижегородского губернского по крестьянским делам присутствия, рассмотрев положение дел в губернии, среди прочих недостатков нашла, что почти при всех волостных правлениях арестантские помещения не соответствуют своему назначению и не отвечают правилам об устройстве и содержании таких помещений. Об этом факте было сообщено в губернскую управу с просьбой передать это на обсуждение губернского собрания. Вмешательство последнего и предопределило изменение отношения к этому вопросу некоторых уездных земств, сумевших направить нужные средства на ликвидацию этих недостатков [4, с 126].

Тем не менее, по мнению Борисенко, к этому времени между местными органами управления и центральной властью постоянной связи не было [5, с. 371]. Это во многом затрудняло их работу.

Правительство только в 1877 году разработало Особую комиссию для подготовки проекта тюремной реформы, и только в 1882 году сложилась новая система мест заключения. Это тюремные замки в уездных и губернских городах, уголовные тюрьмы, смирительные дома, Московская и Петербургская исправительные тюрьмы, следственная тюрьма, дома предварительного заключения, пересыльные тюрьмы, временные каторжные тюрьмы, исправительные арестантские полуроты, роты и отделения, полицейские дома Петербурга, подследственные аресты [5, с. 371].

Характеризуя участие земских учреждений в реорганизации тюремного устройства, отметим, что ограниченные возможности, прежде всего финансовые, не позволили в достаточной мере осуществить все намеченные ими мероприятия по улучшению быта заключенных, проведению воспитательной работы среди малолетних преступников и пр.

Земству пришлось ограничиться, несмотря на желание правительства более широко привлекать местные органы самоуправления к несению этих обязанностей, выполнением только тех функций, которые были оговорены в законодательстве о земских учреждениях.

Список источников

1. III очередное губернское земское собрание. С 20 ноября по 13 декабря 1867 г. Часть вторая. Доклады и отчеты губернской управы. Нижний Новгород, 1868.

2. VIII очередное Нижегородское губернское земское собрание. С. 1 по 11 декабря 1872 года. Нижний Новгород, 1873. 468 с. разд. пат. 7 л. таб.

3. X очередное губернское земское собрание. С 7-го по 20 декабря 1874 года. Нижний Новгород, 1875.

4. XII очередное губернское земское собрание. С 19-го по 22 декабря 1876 года. Нижний Новгород, 1877. 481 с. разд. пат. 10 л. таб.

5. *Борисенко И.В.* Пенитенциарная система России: история и современность // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. к 100-летию исторического факультета ВГУ им. П.М. Машерова. 2018. С. 369–372.

6. *Брылева Е.А., Реуф В.М., Сальников М.В.* Пенитенциарная политика Российской империи во второй половине XIX начале XX вв. и исправление заключенных // Юридическая наука: история и современность. 2018, № 1. С. 137–156.

7. Высочайшее утвержденное Учреждение судебных установлений // Полное собрание законов Российской империи. II. Т. 39. № 41475.

8. О некоторых мерах по введению в действие Положения о губернских и земских уездных учреждениях // Полное собрание законов Российской империи. II. Т. 39. № 40459.

9. Положение о губернских и уездных учреждениях // Полное собрание законов Российской империи. II. Т. 39. № 40457.

10. *Сапожников С.М.* Участие Нижегородского земского самоуправления в проведении Судебной реформы 1864 г. // Реформирование судебной системы в России: история и современность: сб. науч. тр., посв. 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Ч. I / под ред. А.В. Бондара, В.В. Ершова, Ю.В. Журавлевой, Р.В. Ярцева. Н. Новгород : Изд-во «Автор», 2018. 406 с.

11. *Сапожников С.М.* Участие земских учреждений Нижегородской губернии в реализации принципов Судебных уставов 1864 года // Реформы 1864 года в теории и практике российского конституционализма: история и современность (к 150-летию реформы 1864 года): материалы науч.-практ. конф. (г. Москва, 10–12 апреля 2014 г.) / отв. ред. Корнев В.Н., Петухов Н.А., Сафонов В.Е. М. : РГУП, 2014. 352 с.

12. ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области). Ф. 42. О. 240. Д. 1. Л. 41 об., 42.

Свешникова И. Ю.,
старший преподаватель
кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА СУДЬИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. На основе анализа теории и практики в научной статье обосновывается важность активизации разноаспектных исследований как теоретического, так и прикладного характера, направленных на оптимизацию и интенсификацию судебной деятельности. Автор отмечает, что одним из направлений повышения эффективности судебной деятельности является научно обоснованная организация деятельности судьи и организационное обеспечение судебной деятельности. Автором выделены семь периодов формирования научной организации труда судьи как отраслевого уровня системы НОТ с их предпосылками и тенденциями.

Ключевые слова: судебная деятельность; организационное обеспечение судебной деятельности; научная организация труда судьи; НОТ судьи.

Реформирование судебной системы, перманентно осуществляемое на протяжении нескольких десятков лет, неразрывно связано с созданием организационных условий, способствующих упорядочению судебной деятельности, которые отвечают потребностям и реалиям сегодняшнего времени.

Ключевыми направлениями повышения эффективности судебной власти являются научно обоснованная организация труда судьи и организационное обеспечение судебной деятельности, которые в комплексе способствуют осуществлению справедливого правосудия [2; 8; 5; 24; 16; 17; 6; 15]. В современных условиях необходима активизация разноаспектных исследований как теоретического, так и прикладного характера, направленных на оптимизацию и интенсификацию судебной деятельности, закрепленные в государственных программах стратегического развития судебной системы [21].

Одним из универсальных знаний, которое позволяет усовершенствовать такую сложную систему, как судебная деятельность, обеспечить ее целесообразность, упорядоченность, результативность представляется научная организация труда судьи (далее – НОТ судьи) как многоаспектная, многоуровневая система знаний фундаментального, прикладного и прогнозного характера.

Общеизвестно, что разработка, внедрение и дальнейшее совершенствование теоретических положений и практических рекомендаций НОТ

судьи с учетом современных условий должно осуществляться на основе историко-правового анализа. Всестороннее изучение генезиса НОТ судьи не перестает быть актуальным, поскольку одно из центральных мест в процессе научного познания занимает как проблема оценки ее поступательного формирования, так и современного состояния, тенденций развития в будущем с учетом информационных технологических новшеств [16].

В этой связи познание историко-правовых этапов становления НОТ судьи определено в качестве предмета исследования в настоящей научной статье. Следует отметить справедливость точки зрения о том, что изучение генезиса теории организации, общей теории НОТ представляет несомненный научный интерес как база для построения отраслевых научных знаний об организации деятельности в различных сферах [16, с. 8–10].

Обращение к первоисточникам позволило вычлнить ряд периодов формирования научной организации деятельности судьи как отраслевого уровня системы НОТ с их предпосылками и тенденциями.

Первый этап (60-е гг. XIX в. – начало XX в.) характеризуется становлением и развитием института судебной власти; началом судебной реформы 1864 г.; зарождением «идеи» судебной деятельности и необходимости ее организации.

Первые предпосылки, свидетельствующие о зарождении отдельных элементов научной организации труда, усматриваются в Положении о введении в действие Судебных уставов от 20 ноября 1864 г. [25]. Данный первоисточник урегулировал организацию деятельности судей. Важно отметить, что учрежденные в этот период Судебные уставы, объединившие такие нормативные акты, как Учреждение судебных мест, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями явились отправной точкой становления и развития института судебной власти, послужили катализатором судебно-правовой реформы 60-х гг. XIX в.

Таковым являлось правило об участии судов в замещении судебных вакансий, закрепленное в статьях 213–215 Учреждения судебных установлений [25]. Данный нормативный акт закреплял, что при наличии вакансии члена окружного суда или судебной палаты созывалось общее собрание членов данного судебного учреждения. В обязанности членов входило изучение кандидатур, обсуждение их с участием прокурора. После подтверждения соответствия общим условиям для назначения на вакантную должность собрание избирало одного из кандидатов. Этот при-

мер характеризует первые предпосылки установления квалификационных требований к должности судьи.

Зарождение организационно-правовых механизмов судебной деятельности усматривается в положениях Учреждения судебных установлений, закрепляющих принадлежность судебного управления самим судебным местам в круге ведомства каждого из них [26, с. 763]. Также ведение такого структурного элемента научной организации труда, как делопроизводство в судах России стало реализовываться с введения Учреждений судебных установлений 1864 г. [25; 15, с. 19].

Второй этап (1917 г. – 30-е гг. XX в.) характеризуется научным оформлением «идей», наличием теоретико-прикладных предпосылок становления знания в области общей теории НОТ, уяснением «проблемы» и методов ее разрешения, получением первого опыта использования унифицированных рекомендаций по научной организации труда в различных сферах, началом интеграции положений общей теории НОТ в отраслевые НОТ, в том числе НОТ судьи.

В данный период происходят изменения социально-политического строя государства, реформирование правового регулирования судебной системы и принятие в 1917–1918 гг. Декретов о суде.

В 20-е гг. XX в. первые наработки, идеи по рационализации трудовых процессов, нормированию труда и его финансированию, принципам научной организации труда и управления производством были представлены Ф.У. Тейлором как система теоретико-прикладных знаний, положив тем самым начало становлению научных знаний в области организации труда и производства (НОТ).

Анализ зарождения и формирования общей теории НОТ позволяет констатировать, что отечественная школа научной организации труда представлена такими выдающимися деятелями, как П.М. Керженцев, Е.Ф. Розмирович, А.К. Гастев, А.А. Богданов, О.А. Ерманский и другие.

Заложив теоретические основы, родоначальники НОТ тем самым дали импульс развитию прикладных исследований отдельных структурных элементов НОТ с учетом отраслевой специфики. Так, применительно к судебной деятельности получили отдельное развитие вопросы рационализации судебного аппарата и судебного производства.

Третий этап (40–60-е гг. XX в.) связан с окончательным оформлением «идей» о разработке в целях организационного обеспечения судебной деятельности направлений НОТ. Именно в эти годы активно проис-

ходит модификация положений общей теории НОТ, теории организации и управления для решения задач интенсификации деятельности судьи.

Важно обратить внимание, что в числе стратегических целей деятельности судов и органов НКЮ СССР, которые ставились в 1941 г., обозначено: «...организационная работа должна быть поднята на уровень политических задач» [23, с. 3].

Четвертый этап (60-е гг. – 91-й г. XX в.) характеризуется принятием основополагающих нормативных правовых актов: Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве, Закона «О судостроительстве РСФСР» (27 октября 1960 г.), указов Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 февраля 1964 г., 18 августа 1972 г., Конституции СССР 1977 г.

В Конституции РСФСР 1978 г. была обособлена глава 21, в которой закреплялись нормы, регламентирующие вопросы судостроительства и осуществления правосудия. Иерархия судебной системы была четко обозначена в положении о том, что «судами РСФСР являются Верховный Суд РСФСР, Верховные Суды автономных республик, краевые, областные, городские суды, суды автономных областей, автономных округов, районные (городские) народные суды» (статья 163 Конституции РСФСР 1978 г.). Данные правовые новшества касались как организации судебной деятельности, так и вопросов НОТ судьи.

Следовательно, в 70–80-е гг. XX в. наблюдается развитие нового знания, повышенный научно-практический интерес к отдельным направлениям научной организации труда в аппарате судов, учреждений юстиции.

В коллективных работах известные ученые В.Б. Алексеев, А.А. Гравица, В.П. Кашепов и другие [2; 8] предприняли актуальные для того периода исследования проблемных вопросов организации судебной деятельности и НОТ судьи.

Как справедливо отмечает Н.А. Латышева, анализируя данный этап, основной движущей силой стал эволюционный переход от управленческой системы «руководства судами» и «судебно-административного управления» к «организационному руководству», а затем и «организационному обеспечению деятельности судов» [15, с. 19].

Пятый этап (91-й г. XX в. – начало XXI в.) – времена перестройки не только идеологии, но и политического, социально-экономического строя, механизмов управления органами государственной власти. В рассматриваемый период реализация положений и рекомендаций НОТ судьи получила новый виток в связи с началом судебной реформы 1991 года и

принятием основополагающих нормативных правовых актов, регламентирующих систему судоустройства, организации деятельности судов и статус судей [18].

Концепция судебной реформы 1991 г., как справедливо отмечают ученые и практики, является первым в истории современного российского государства документом стратегического планирования, определяющим направления реформы правосудия [11, с. 209–218].

Шестой этап (2001–2012 гг.) характеризуется ускоренным развитием основных институтов судебной власти, основные направления которого были закреплены в Федеральных конституционных законах о судебной системе [20], о судах общей юрисдикции» [19], а также в федеральных целевых программах «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы и «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы.

Данный период ознаменован фундаментальными исследованиями известных ученых, таких как В.В. Ершов, сформировавший концептуальные основы судебной власти [5], Р.С. Абдулин, исследовавший систему организационного обеспечения деятельности судов [1], и др.

Четко подвел итог данному историко-правовому этапу М.И. Клеандров: «За последние 20 лет судебная власть в России развивалась ускоренными темпами. Она крепла, расширялась, структурировалась и представляет сегодня мощный государственный институт. Налицо серьезная законодательная основа ее организации и деятельности, фактически заново создана мощная материально-ресурсная база, непосредственное правосудие осуществляет в целом высокопрофессиональный судейский корпус» [9, с. 396].

Седьмой этап (2012 г. – по настоящее время) характеризуется выработкой и внедрением форм и методов НОТ на основе современных информационных технологий, способствующих комплексному переустройству судебной системы с учетом цифрового развития государства и общества.

Как одно из стратегических направлений, расширение возможностей применения информационных технологий должно быть в полном объеме реализовано в рамках Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» [21], а также с учетом положений Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы [13; 12].

Подводя итог, следует обозначить, что познание этапов зарождения, формирования и развития с учетом современных организационно-

правовых условий теории и практики НОТ судьи позволяет обратить внимание на системные проблемы, обуславливающие актуальность и теоретико-прикладную значимость.

Для современного этапа формирования и развития положений НОТ судьи как отраслевого уровня системы НОТ с их предпосылками и тенденциями остро значимыми остаются проблемы разработки и внедрения *рекомендаций по научной организации деятельности судьи*.

Список источников

1. *Абдулин Р.С.* Внутрисистемное управление и организационное обеспечение деятельности судов Российской Федерации: монография. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2009. 400 с.

2. *Алексеев В.Б., Гравина А.А., Кашепов В.П.* Организация судебной деятельности / под. ред. Г.П. Батурова. М. : Юридическая литература, 1977. 176 с.

3. *Гармаев Ю.П., Кириллова А.А.* Криминалистическая методика судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. I ст. 105 УК РФ): теоретические основы и прикладные рекомендации: монография и практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2015. 280 с.

4. *Гершанок А. А.* Основы организации труда [Электронный ресурс]: учеб. пособие / А. А. Гершанок; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Электрон. дан. – Пермь, 2019. – 7,7 МБ; 227 с. URL: www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/gershanok-osnovy-organizacii-truda.pdf (дата обращения: 19.06.2022).

5. *Ершов В.В.* Судебная власть в правовом государстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 47 с.

6. *Ищенко У.С., Можеева И.П.* Система гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. Иркутск: Изд-во Вост.-Сиб. ин-та МВД России. 2019. № 2 (89). С. 121–131.

7. *Казарник А.И.* Научная организация управленческого труда в исполнительных органах государственной и муниципальной власти России: научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2015. 528 с.

8. *Кашепов В.П.* Проблемы организации руководства судебной деятельностью в СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. 408 с.

9. *Клеандров М.И.* Судебная реформа в России // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 5. С. 396.

10. *Кобылинская С.В.* Криминалистические проблемы организации судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 25 с.

11. *Кондрашев А.А.* Судебная реформа в России: проблемы реализации и варианты решений // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2. С. 209–218.

12. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы: одобрена Советом судей РФ 05 декабря 2019 г. [Электронный ресурс] // СПС

«КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339776/ (дата обращения: 20.06.2022).

13. Концепция развития информатизации судов до 2020 г. : постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 439 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/konceptiya_razvitiya_informatizacii_sudov_do_2020_goda/ (дата обращения: 20.06.2022).

14. *Корчагин А.Ю.* Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика. М. : Юридический мир, 2007. 141 с.

15. *Латышева Н.А.* Организация и осуществление контроля ведения делопроизводства в судах общей юрисдикции Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 231 с.

16. *Можжаева И.П.* Научная организация деятельности субъектов досудебного и судебного производства: монография. М. : Юрлитинформ, 2021. 304 с.

17. *Можжаева И.П., Бахта А.С.* Повышение эффективности уголовного судопроизводства путем организационного обеспечения судебной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 169–174.

18. О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

19. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.09.2019) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

20. О судебной системе Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

21. О Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» : постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 29.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

22. Помощник судьи арбитражного суда: учеб. пособие / под общ. ред. О.И. Виляка; Ю.П. Гармаева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрлитинформ, 2017. 296 с.

23. *Рычков Н.* Задачи суда и органов НКЮ в 1941 г. // Советская юстиция. 1941. № 5. С. 1–4.

24. *Савицкий В.М.* Организация судебной власти в Российской Федерации: учеб. пособие. М. : Изд-во «БЕК», 1996. 320 с.

25. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. СПб., 1866.

26. *Чельцов-Бebutov М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Альфа, Равена, 1995. 839 с.

Сим А. В.,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

ОБРАЗ СУДЬИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Аннотация. В статье анализируется вопрос формирования идеального образа судьи через учет общественного мнения и доверия к кандидату со стороны населения. Рассматривается опыт зарубежных стран и возможность его использования в отечественной практике.

Ключевые слова: образ судьи; доверие населения; общественное мнение; прозрачность судебной системы; СМИ.

Формирование образа судьи как представителя судебной власти в российской истории прошло ряд этапов: дореволюционный, советский и современный этап. И в каждый период эта тема была по-своему актуальна. На данный момент перед государством и судебной системой вновь встает вопрос формирования идеального образа (модели) судьи, в котором будут сочетаться профессиональные качества специалиста с его морально-нравственными, физическими свойствами.

По опыту истории к судьям всегда выдвигались определенные требования к знаниям в области права и практики его применения, также обращалось внимание на моральные качества судьи как человека, его воспитание и происхождение, на опыт и житейскую мудрость. Другими словами, к кандидатам на столь высокий пост всегда выдвигались наиболее строгие требования, так как в юридической профессии не зря говорят, что судья – это «венце» среди юристов-профессионалов.

Так, одним из критериев отбора кандидатов на должность судьи может быть показатель доверия со стороны населения данному претенденту. Есть мнение среди опрошенных, что судей нужно выбирать совместно с населением и прислушиваться к общественной оценке (61%) [1]. Если на просторах интернета ознакомиться с отзывами о судьях и их работе, то можно по-прежнему заметить, что негативных оценок гораздо больше, чем благодарности и признания со стороны общественности, в том числе и в адрес ныне назначенных судей в апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, которые начали функционировать с октября 2020 г. Но, возможно, это типично для многих: писать только о плохом, а хорошее воспринимать как должное.

Отсюда интересным представляется предложение проводить консультации с гражданским обществом в отношении репутации и заслуг кандидатов в судьи. Одной из гарантий эффективного и справедливого правосудия выступает транспарентность судебной системы, которая в самом общем ее понимании представляет собой такую организацию их деятельности, при которой гражданам гарантируется возможность в доступной форме получать необходимую и достаточную информацию о функционировании судебной системы, принимаемых решениях и иную общественно и процессуально значимую информацию с условием соблюдения установленных законодательством ограничений.

Предполагается, что в судебной системе должны активно функционировать подразделения и специалисты по связям с общественностью, особенно в век информационных технологий, когда граждане моментально могут получить информацию, как говорится, «из первых рук», без искажения со стороны заинтересованных лиц и иных субъектов, манипулирующих общественным мнением. Официальная версия из проверенного источника (например, официальный сайт Суда или, возможно, даже официальный канал на YouTube, Telegram, ВКонтакте и т. д.) всегда вызывает больше доверия со стороны населения. На данный момент в судебной системе существует нехватка специалистов такого профиля, которые должны сочетать в себе не только знания в сфере юриспруденции, но и обладать психологической и информационно-технической квалификацией.

Также, принимая во внимание зарубежную практику обеспечения транспарентности в Колумбии, предлагается публиковать данные о претендентах на судейский пост до заседания Квалификационных коллегий судей (ККС), тогда любой гражданин будет вправе направить в ККС свое мнение о кандидате в судьи, а ККС может проверить информацию в отношении конкретных кандидатов [2].

Также высказывается мнение о необходимости в получении большего круга сведений о деятельности самой ККС. Основы гласности в деятельности органов судейского сообщества устанавливаются ст. 5 ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». Одним из способов обеспечения гласности является освещение такой деятельности в средствах массовой информации (СМИ). Между тем представители СМИ далеко не всегда могут попасть на заседания ККС и осветить их деятельность, что в дальнейшем приводит к появлению в СМИ непроверенных сведений и домыслов. Представляется целесообразным на зако-

нодательном уровне рассмотреть вопрос повышения гласности в деятельности органов судейского сообщества путем предоставления возможности более широкого участия представителей СМИ и общественности в их работе при условии прохождения предварительной аккредитации в целях получения более качественного последующего изложения судебной информации в СМИ.

Предполагается, что судья, назначенный на должность с поддержкой со стороны населения и зарекомендовавшийся доверием со стороны общества, будет иметь большой авторитет и уважение в глазах народа как истинно «народный судья».

Однако у каждой медали есть две стороны, поэтому не стоит, конечно, идеализировать «народные выборы» кандидатов в судьи. В процедуре такого назначения могут возникнуть некие сложности с анализом поступивших материалов в ККС или, наоборот, пассивность со стороны населения, но здесь можно говорить о том, что «молчание – знак согласия», то есть у народа нет негативного отношения к данному кандидату, и он вполне достоин стать претендентом на столь высокую должность. И в целом поступившая информация, скорее всего, будет носить больше морально-нравственную оценку кандидата, нежели оценку его профессиональных качеств в силу низкого уровня правосознания и правовой культуры населения.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что в формировании идеального образа судьи есть еще до конца не изученные вопросы и одной из возможных «лакмусовых бумажек» вполне может стать доверие со стороны населения данному кандидату.

Список источников

1. Отношение россиян к судебной системе (итоги всероссийского опроса) [Электронный ресурс] // Независимый исследовательский центр. URL: <http://исследовательский-центр.пф/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnoj-sisteme-itogi-vsrossijskogo-oprosa/?ckattempt=1> (дата обращения: 17.05.2022).

2. *Стребкова Е.Г.* Доступ к информации о судебной власти: российская конституционная практика и зарубежный опыт // Правовая система современного государства: актуальные проблемы и перспективы развития: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. М. : СВІВТ, 2011. С. 110–113.

Ярошенко О. Н.,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
судья Нижегородского областного суда,
г. Нижний Новгород*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ ПРАВОСУДИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДАННОГО ИНСТИТУТА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. В статье исследуются методологические подходы и вопросы, связанные с формированием понятия и принципов правосудия в целях реализации прав, свобод человека и гражданина. Все формы правосудия исходят из главенства прав и свобод человека и основываются именно на праве. Автором рассматриваются основополагающие демократические основы правосудия и определяется их значение для функционирования данного института в современном обществе.

Ключевые слова: правосудие; методологические основы; законность; осуществление правосудия только судом; независимость судей; защита прав человека.

В соответствии с положениями статьи 8 УПК РФ установлено, что правосудие по уголовному делу осуществляется только судом. При этом никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

По смыслу части 1 статьи 4 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, в том числе и посредством административного судопроизводства. На основании части 4 пункта 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» конституционное судопроизводство именуется особой формой правосудия [5]. На основании требований пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» предусмотрено осуществление правосудия в связи с рассмотрением жалоб в порядке статьи 125 УПК.

Следует отметить, что факт выбора методологии превращается в фактор, стимулирующий или, наоборот, ограничивающий содержание

понятия правосудие. Выбор методики, на основе которой формируется понятие «правосудие», может быть разнообразным.

Понятие «правосудие» обладает высоким методологическим потенциалом. На основе изучения доктринальных взглядов и правоприменительной практики формулируется понятие правосудия.

Наиболее перспективной методологической основой моделирования понятия правосудия признается научный потенциал правовых идей и принципов как инструмента прогнозирования процессов и изменений, сформировавших данное понятие [1]. Формирование понятия правосудия и его значение в современном мире должно опираться на общую методологическую основу, которая имеет свои определенные особенности. Важно, что принципы правового обеспечения понятия правосудия должны быть едиными, основанными на правовой идеологии как общей методологической базе.

В современном развитии российского государства наиболее перспективной методологической основой моделирования понятия правосудия следует признать научный потенциал правовых идей и принципов как инструмента прогнозирования процессов и изменений в обществе.

В зависимости от форм правосудие разделяется на правосудие в обычных и особых формах.

В этой связи целесообразно сказать, что правосудие, осуществляемое в обычных формах, – это урегулированная законом деятельность суда (мирового судьи или арбитражного суда) по рассмотрению уголовных или гражданских дел в первой, апелляционной, кассационной инстанциях, а также в порядке надзора, ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, завершившаяся установлением виновности подсудимого, назначением ему наказания либо оправданием невиновного, а по гражданским делам – разрешением дела по существу.

По уголовным делам правосудие обязательно предполагает деятельность, направленную не только на установление виновности подсудимых, но и на применение к ним мер наказания. Правосудие не осуществляется, когда осужденный освобождается от дальнейшего отбывания наказания, а также в случае истечения сроков давности, поскольку наказание лицу не назначается. Это относится к разрешению судом в судебном заседании вопросов, связанных с исполнением приговора.

Доктринально установлены три особых формы правосудия в нашей стране.

К первой особой форме правосудия относится деятельность суда по рассмотрению дел об административных правонарушениях, результатом которой явилось установление виновности лица в совершении правонарушения, наложение на него административного взыскания либо прекращение производства по делу в связи с его невиновностью.

Второй особой формой правосудия является осуществляемая в пределах предоставленных полномочий деятельность Конституционного Суда РФ, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, заключающаяся в разрешении по существу подсудных им дел.

Третьей особой формой правосудия выступает рассмотрение и разрешение по существу в порядке ст. 125 УПК судом жалоб на действия, решения, бездействие следователя, дознавателя и других лиц.

Необходимо обратить внимание, что Конституционным Судом РФ вычленяются четыре специфических признака особой формы правосудия:

– конституционного судопроизводства, а именно круг предметов проверки;

– перечень инициаторов рассмотрения дел;

– виды процедур конституционного судопроизводства;

– юридические последствия принимаемых решений.

На наш взгляд, считаем, что все формы правосудия исходят из главенства прав и свобод человека и основываются именно только на праве.

Говоря о содержании признаков правосудия, следует сказать, что они содержатся в самом определении этого явления.

Правосудие – это урегулированная законом (уголовно-процессуальным, гражданским процессуальным, арбитражным процессуальным, административным или Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации») деятельность.

Данная деятельность осуществляется лишь по гражданским, уголовным делам, делам об административных правонарушениях, а также по делам, подсудным Конституционному Суду РФ, конституционным (уставным) судам субъектов Российской Федерации. По смыслу закона рассмотрение уголовных дел, а также в порядке ст. 125 УПК жалоб на действия (решения, бездействие) следователя (дознавателя и других) отнесено к компетенции судов общей юрисдикции. Гражданские дела и дела об административных правонарушениях могут быть разрешены как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами. Поэтому правосудие – это деятельность суда общей юрисдикции, арбитражного суда,

Конституционного Суда РФ или конституционного (уставного) суда субъектов Российской Федерации.

Установлено, что правосудие может осуществляться только в рамках одного из предусмотренных законом порядка (инстанции):

- рассмотрение и разрешение дела по первой инстанции;
- рассмотрение и разрешение дел в апелляционной инстанции;
- рассмотрение и разрешение дела кассационной инстанцией;
- рассмотрение и разрешение дела надзорной инстанцией;
- рассмотрение и разрешение дел по новым или вновь открывшимся

обстоятельствам;

– рассмотрение и разрешение по существу в порядке ст. 125 УПК жалоб на действия (решения, бездействие) следователя (дознателя и других);

– рассмотрение и разрешение дел об административных правонарушениях;

– рассмотрение с последующим разрешением дела, подсудного Конституционному Суду РФ;

– рассмотрение с последующим разрешением дела, подсудного конституционному (уставному) суду субъекта Российской Федерации.

Правосудие по уголовным делам завершается разрешением вопросов о виновности подсудимых, назначения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления.

Правовые принципы правосудия закреплены в законе и отражают сущность правосудия. Несоблюдение требований одного принципа правосудия может привести к нарушению какого-либо другого принципа той же отрасли права.

По мнению Г.П. Химичева принципами правосудия являются следующие: законность; обеспечение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении правосудия; осуществление правосудия только судом; принцип назначаемости судей на должность; независимость судей и подчинение их только закону; принцип осуществления правосудия на началах равенства перед законом и судом; принцип состязательности и равноправия сторон; презумпция невиновности; открытое разбирательство дел во всех судах; национальный язык судопроизводства; участие граждан в отправлении правосудия; коллегиальное и единоличное осуществление правосудия; участие представителей народа в осуществлении правосудия; принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела; право граждан на судебную защиту; осу-

шествление судебного надзора [11]. Однако это не окончательный вариант, многими учеными и практиками формулируются данные принципы неодинаково и их позиции отличаются друг от друга по числу принципов, составляющих соответствующую систему. Одним из общеправовых, актуальных и конституционных выступает принцип законности. Именно данный принцип законности при осуществлении правосудия – это требование от судов осуществления своих функций и реализации полномочий на основе строгого соблюдения Конституции РФ, УПК, ГПК, АПК и иных законов, регулирующих уголовно-процессуальную, гражданскую процессуальную и арбитражную процессуальную деятельность. По смыслу закона суды, реализуя свой правовой статус, должны правильно толковать и неуклонно соблюдать нормы как процессуального, так и материального права. Малейшее отступление от этого требования не только подрывает авторитет судебной власти, но и наносит ущерб делу укрепления законности. Ничто не может быть признано оправдывающим нарушения законности при отправлении правосудия [7, с. 282]. Только урегулированная законом деятельность может быть частью уголовного, гражданского либо арбитражного процесса, поэтому нарушение нормы права может вывести действие за пределы уголовного, гражданского или арбитражного судопроизводства, а значит, и за пределы правосудия. Полученное, к примеру, с нарушением закона доказательство признается недопустимым и не может быть положено в основу обвинения.

Так, правосудием обеспечиваются права и свободы человека и гражданина. Но правосудием обеспечиваются и интересы общества, законность и правопорядок, процесс предупреждения преступлений (ст. 2 УПК), права, свободы и охраняемые законом интересы юридических лиц, а также права и охраняемые законом интересы Российской Федерации, ее субъектов, органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, органов местного самоуправления, прав, свобод и охраняемых законом интересов других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых, административно-правовых или иных правоотношений (ст. 2 ГПК).

Конституционные положения, согласно которым правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (ст. 118 Конституции РФ), возлагает на суд всю полноту ответственности за правильное разрешение каждого дела. Выполнение этой задачи возможно лишь при условии понимания судьями личной ответственности за законность и обоснованность принимаемых решений. Осуществление правосудия только су-

дом – это принцип, положение, отражающие сущность и демократизм правосудия Российской Федерации. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и Федеральными конституционными законами.

Установленный Конституцией РФ принцип независимости судей и подчинение их только закону обязывает суды пресекать любые попытки вмешательства в разрешение конкретных дел. Судам надлежит ставить перед соответствующими органами вопрос о привлечении к ответственности таких должностных лиц [7, с. 282].

Важное значение в современном мире имеет принцип осуществления правосудия на началах равенства всех перед законом и судом. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 19 Конституции РФ все равны перед законом и судом. Суды не отдают предпочтения каким-либо органам, лицам, участвующим в процессе сторонам, по признакам их государственной, социальной, половой, расовой, национальной, языковой или политической принадлежности либо в зависимости от их происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, места рождения, образования, рода и характера занятий, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а равно и по другим не предусмотренным законом основаниям. Председательствующий по делу обязан обеспечить лицам, участвующим в судебном заседании, возможность реального осуществления прав, предоставленных им законом, неуклонно соблюдать нормы, гарантирующие равенство прав участников процесса [6, с. 355].

Необходимо обратить внимание на такой правовой принцип правосудия, как презумпция невиновности, который осуществляется по уголовным делам. Принцип презумпции невиновности не следует совмещать с принципом осуществления правосудия только судом. Хотя они взаимосвязаны и многие ученые ссылаются на одни и те же нормы как на их правовую основу, это разные принципы. В отличие от организационного принципа осуществления правосудия только судом, сформулированного в ст. 49 Конституции РФ (каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда), принцип презумпции невиновности в большей степени является гарантией того, что невиновный не будет осужден. Базовыми положениями является то, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в преду-

смотренном УПК порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда; обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; нельзя признавать лицо виновным, основываясь лишь на его признании; неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого; никто не обязан свидетельствовать против себя самого; при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением требований УПК.

Правосудие в современном мире – это качество судебного решения. При этом именно судебное решение должно обеспечивать возможность для всякого члена общества, в том числе не имеющего юридического образования, уяснить умозаключения суда, приведшие к вынесению соответствующего решения [8, с. 24]. Так, именно мотивировочная часть судебного решения является ключевой для поддержания доверия к суду, поскольку правосудие не только должно быть совершено, но и должно быть видно, что оно совершено.

Немаловажное значение в настоящее время приобретает формирование уважительного отношения к закону и суду у граждан. Во-первых, в современном мире требуется совершенствование подбора кадрового состава судебных работников, правовой культуры самих судей и других работников судов в целях выработки в их бытовом и служебном поведении восприимчивости к общественной справедливости на основе Конституции России и российских законов, то есть на основе уважения закона и служения ему. Во-вторых, необходимо воздействовать на развитие правовой культуры, правосознания и формирование уважения к закону и суду населения, в том числе посредством использования современных информационно-коммуникационных технологий и размещения определенной информации о судебной деятельности в регионе или в стране в целом. Повышение уровня доступности информации о деятельности органов судебной власти положительно влияет на развитие правосудия.

Актуальным в настоящее время является и формирование уважения к судебной системе, что имеет значение для справедливого отправления правосудия. В.В. Дорошков очень точно пишет о том, что «профессионализм – это всегда высокая подготовленность к выполнению конкретных задач, хорошее знание своего дела, правильный подход к принятию решений, обоснованный выбор эффективных действий, знание и учет разностороннего опыта, контроль ситуации на своем рабочем месте. Работа, выполненная профессионально, обычно отличается тем, что она основана больше на фундаментальных понятиях, связанных с практическим опы-

том, чем на импровизированной реакции на события, обусловленной здравым смыслом или стереотипами привычного поведения» [4]. Данная позиция является, на наш взгляд, справедливой и отвечает условиям современной действительности.

Правосудие в современном мире предполагает необходимость развития так называемого «электронного правосудия», поскольку судебная власть, как разновидность государственной власти, осуществляемая в форме правосудия, также трансформируется под влиянием информационно-коммуникационных технологий. Однако искусственный интеллект не может заменить судью-человека, поскольку последний при вынесении решений руководствуется своим внутренним убеждением, целым рядом оценочных категорий и понятий, применяет в необходимых случаях аналогию закона и аналогию права, а смысл и дух законодательства может быть выявлен только человеком с высоким уровнем правовой культуры, а не компьютером [9].

По мнению А.Т. Боннер, электронное правосудие – это «лишь новомодный термин, который обозначает не «правосудие» в собственном смысле этого слова, а широчайшее внедрение в судопроизводство современных информационных технологий, поскольку судебная власть, как разновидность государственной власти, осуществляемая в форме правосудия, также трансформируется под влиянием информационно-коммуникационных технологий» [2, с. 22]. С данным мнением вполне можно согласиться, поскольку электронные средства и способы обеспечения деятельности суда направлены на улучшение качества работы и общедоступность процессуальных документов. Однако установление обстоятельств дела, исследование, оценка доказательств, толкование закона и в конечном итоге принятие от имени государства итогового акта правосудия является деятельностью судьи.

Кроме того, правосудие – это не только процесс по ведению дела в суде, но и доступность судов и правосудия в целом, исполнимость судебных решений, восстановление нарушенных прав в установленные законом сроки. Можно сказать, что правосудие формируется из двух отраслей законодательства: процессуального и о судостроительстве, которое определяется как «деятельность суда о восстановлении нарушенных прав, свобод и законных интересов» [3]. По мнению Е.Г. Стрельцовой, отличительной чертой правосудия является устанавливаемый при его осуществлении баланс в защите публичных и частных интересов. Элементы публичности при разрешении спора наравне с социальными гарантиями составляют вместе

с процессуальной формой и целью установления истины по делу ядро правосудия, отличающее его от иных порядков разрешения споров [10, с. 69].

Целесообразно отметить, что правосудие и значение данного понятия в современном мире неоченимо. Именно правосудие должно обеспечивать каждому право на справедливое судебное разбирательство и возможность эффективного доступа к правосудию. В современных условиях защита прав и свобод граждан является приоритетной и актуальной задачей, где правосудие занимает центральное место.

Список источников

1. *Барков А.В.* О применении правового метода моделирования в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. ст.: Ежегодник. 2017. Вып. 2 / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М. : Статут, 2017. С. 39–56.

2. *Боннер А.Т.* Электронное правосудие: реальность или новомодный термин // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 22–38.

3. *Борисова Е.А.* Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 21–41.

4. *Дорошков В.В.* «Эпоха непрофессионалов» вместо «Эры милосердия»? // Мировой судья. 2020. № 4. С. 3–10.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 февраля 1967 г. № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. 1997.

7. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 15 «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. 1997.

8. *Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А.* Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / под общ. ред. М.А. Рожковой. М. : ИНФРА-М, 2015. 304 с.

9. *Сахарных А.В.* К вопросу об особенностях реализации принципа непосредственности судебного разбирательства в условиях коронавирусной пандемии // Мировой судья. 2021. № 6. С.25-32.

10. *Стрельцова Е.Г.* Приватизация правосудия: монография. М. : Проспект, 2019. 237 с.

11. *Химичева Г.П., Никитин А.М.* Правоохранительные органы Российской Федерации: Программа для слушателей ЮИ МВД России. М. : ЮИ МВД РФ, 1999. 31 с.

РАЗДЕЛ II.

КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВОСУДИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Иванова Л. Н.,

*кандидат психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

ЛОГИКА ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОСУДИЯ: ОТ БУКВЫ К ЦИФРЕ, ОТ ЦИФРЫ К ЧЕЛОВЕКУ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы готовности специалистов судебной системы к внедрению новых цифровых технологий в связи с качественно новыми требованиями к их личностным и профессиональным компетенциям. Обсуждаются феномен перехода правосудия от буквы к цифре и проблемные социально-психологические аспекты цифровизации правосудия. Утверждается, что в условиях агрессивной информационной войны, в интересах национальной информационной безопасности России требуется не только сохранить базовые фундаментальные основы отечественного правосудия по защите прав и законных интересов граждан, но и перейти от «цифры к человеку», то есть решать задачи по мобилизации и концентрации «человекомерных» ресурсов как за счет изменения содержания юридического образования в постинформационном обществе, так и посредством переосмысления миссии правосудия в современном государстве и обществе.

Ключевые слова: психология информатизации труда; цифровые компетенции; информационно-психологическое воздействие; постинформационное общество; человеко-ориентированное понимание права.

*И снова в поход труба нас зовёт.
Мы все встанем в строй.
Встань за веру, Русская земля!
(песня «Прощание славянки»)*

На смену букве и слову как главному инструменту воздействия права на сознание и поведение людей пришли информационные технологии, которые позволили сделать алгоритмы воздействия на человека индивидуально-ориентированными и эмоционально насыщенными, обойти тем

самым психологические защиты от манипулирования сознанием, которые традиционно выполняли эту свою роль. Как известно, любое слово – это синтез его значения и его смысла. Информационные технологии манипулирования сознанием, работая на уровне значений, достигают целей манипулирования за счет замены слова «цифрой». При этом смыслы, которые уходят корнями в национальный характер и народную душу, утрачивают свое регулирующее влияние на правовое поведение.

Переход правосудия от «цифры к человеку» – это острое требование сегодняшнего дня, обусловленное агрессивной информационной войной, которую ведут западные страны против России. Западные интернет-платформы и социальные сети, используя свое доминирование в современном интернете, диктуют свою информационную политику другим странам, навязывая искаженное видение истории и современных событий, выгодное странам Запада [7, п. 53]. Эти угрозы информационной безопасности России однозначно указывают на недопустимость замены правосудия его электронным аналогом, важность сбережения смыслового содержания и национальных основ права.

Стремительная цифровизация всех сфер жизни – переход от «буквы к цифре» – привел к кризису правовых регуляторов социального поведения и росту споров, пропорционально увеличивая затраты государства на финансирование судопроизводства. Динамичная цифровизация экономики сопровождается высоким риском попадания граждан в зону правовых конфликтов и выбора нечетких стратегий поведения. Внедрение цифровых технологий в судопроизводство (в том числе технологий искусственного интеллекта) в процессы принятия судебных решений, с одной стороны, сокращают занятость судей и снижают издержки на обеспечение правосудия. С другой стороны, модель экономического правосудия, изменив процессуальное законодательство, рассчитывая на рост обращений населения к примирительным процедурам, в том числе альтернативным процедурам разрешения споров (АРС) и несудебным органам урегулирования споров, производит смену принципов правосудия. Так, традиционный принцип состязательности сторон в судебном процессе дополняется принципом сотрудничества сторон, вместо права как традиционного регулятора социальных взаимодействия вводятся правила так называемой процедурной справедливости, доминирующей в АРС западных стран. Каковы социально-гуманитарные перспективы цифровизации деятельности судов – этот и другие вопросы обсуждаются в настоящей статье

в поиске «человекомерных» ресурсов развития правосудия и укрепления национальных основ судебной власти.

Одним из видимых противоречий в развитии современного правосудия стала несогласованность заимствованных из европейского права, слабо адаптированных инструментов разрешения споров и складывающегося в течение длительного времени национально определенного правосознания и правоупотребления. Привычное положение судьи как внешнего наблюдателя за состязанием сторон в результате процессуальной реформы 2019 года было дополнено задачей личной нравственной включенности в процесс разрешения спора для восстановления мира конфликтующих сторон с учетом их интересов. Как известно, процедура судебного примирения (см.: ст. 153.6 ГПК РФ, ст. 137.6 КАС РФ, ст. 138.5 АПК РФ) позволила снять названное выше противоречие. В процедуре судебного примирения спор разрешает судья, а примирение сторон осуществляет судебный примиритель (судья в отставке).

Как известно, информатизация судов сопровождается внедрением так называемой экономической модели правосудия, которая изменяет порядок разрешения споров за счет, во-первых, расширения формата досудебного примирения (в том числе по спорам с участием органов власти), во-вторых, наделения несудебных органов правом урегулирования споров [2]. Полагаю, что предложение об увеличении госпошлин с целью сокращения числа недобросовестных участников судебного процесса с необоснованными исковыми требованиями не отвечает интересам добросовестных участников и делает правосудие недоступным для малоимущих граждан России. Кроме того, в этой модели не отражены так называемые «человекомерные» ресурсы правосудия и меры по развитию человеческого капитала.

Осторожное отношение к цифровизации юридического труда вызвано также тем, что, по оценкам психологов, внедрение цифровых технологий (в том числе технологии искусственного интеллекта) приведет к изменению психологии человека. В частности, показано, что человек информационной эпохи, так называемый. Homo Informaticus (далее – НИ), будет обладать рядом новых социальных, интеллектуальных и личностных качеств. Количество времени, которое он проводит в социальных сетях, компьютерных играх, интернет-магазинах, веб-семинарах и т. д., существенно трансформирует его сознание. Бытие в цифровом мире НИ переживает идентично реальному физическому миру, виртуальный мир для него приобретает характеристики реального. В информационно-

коммуникационном обмене он приобретает опыт интерактивного, анонимного, гипертекстуального взаимодействия. Адаптируясь к информационной среде, такой человек частично утрачивает свою человеческую субъективность, отчуждает личные, собственно человеческие свои характеристики, теряет самодетерминированность. Социальное ранжирование у него основывается на иных приоритетах, чем в традиционных социальных группах, в частности на доступе к информационным ресурсам, владении информационными компетенциями и др. [4]. Новые виды сообществ, так называемые онлайн-сообщества, предоставляют возможность для своих анонимных, утративших субъектность членов удовлетворять многие значимые потребности (такие как поиск новой формы самовыражения, самопознание и познание мира и др.) и формировать новые устойчивые стереотипы самоидентификации и тем самым самим становиться более сплоченными и самоуправляемыми [1]. Участник таких сообществ со временем утрачивает те навыки общения, которые позволяли ему регулировать в живом общении меру доверия к собеседнику, защищая от недобросовестного манипулирования. Опыт интерпретации цифровых следов других членов киберсообщества – следов, которые выступают показателями определенных свойств личности, ее мотивации или интеллекта, – быстро устаревает, что ведет к росту ошибок в понимании поступков людей, к снижению критичности и росту внушаемости.

Прогнозируется рост психологической уязвимости личности из-за множественности оставленных ею цифровых следов [5]. Став «мишенью» негативного информационного воздействия, стороны спорных правоотношений будут прибегать к качественно новым тактикам защиты своих нарушенных прав и законных интересов (при значительном снижении доверия к суду), затрудняющим вынесение справедливых судебных решений.

Высоко вероятны такие проблемы взаимодействия с ИИ в судебном процессе, как утрата или игнорирование ими значимости нравственных, сугубо человеческих норм общения, в том числе в силу утраты самим цифровым судебным процессом, своего фундамента – сакральности фигуры судьи и судебного процесса. Только живой процесс восстановления нарушенного права и защиты законных интересов способен родить живое и деятельное правосознание.

В исследованиях показано, что цифровая трансформация трудового поведения приводит к росту автономизации, дестандартизации, виртуализации трудовых отношений, сближению труда и игры, замене личностного компонента труда показателями безличностной эффективности

сотрудника [6]. Предполагается, что общая трансформация труда судьи в цифровом судопроизводстве будет обусловлена изменением судебного процесса. А именно, подготовительная стадия судопроизводства будет реализована средствами электронного правосудия (в том числе технологиями искусственного интеллекта), стадия рассмотрения дела по существу останется в рамках полноценного очного правосудия. Кроме того, авторы публикаций обращают внимание на то, что электронное правосудие (как возможность осуществлять процессуальные действия в электронной форме) имеет значимые отличия при формировании электронного дела в гражданском, арбитражном и уголовном судопроизводстве (так, в уголовном судопроизводстве обязательно непосредственное устное исследование собранных доказательств), поэтому технологические решения будут предусматривать так называемую гибридизацию профессионального труда. В разной степени останутся значимыми для труда судьи традиционные профессиональные интеллектуальные навыки вынесения решения, подчиненного оценочным и ценностным критериям. Вероятно, что это приведет к еще более выраженной специализации судей и формализации специфических требований к профессиональной подготовленности судей в разного вида процессах и одновременно потребует сохранения фундаментальных основ правосудия.

Несмотря на то что применение цифровых технологий преследует цель создать более комфортную среду для работы и жизни, этот ожидаемый комфорт сопровождается тем не менее ростом явлений стресса и профдеформации. По данным проведенного нами исследования, около 65 % помощников судей и 80 % секретарей имеют симптомы профессионального выгорания, что вызвано их стремлением показать высокое качество своего труда ценой больших затрат времени, мотивации и здоровья. Следовательно, в соревновании с искусственным интеллектом, защищенным от стресса и профвыгорания, человеческие ресурсы должны оставаться ценным и нуждающимся в дополнительных мерах защиты капиталом.

Поскольку современные цифровые технологии позволяют оценить профессиональное выгорание сотрудника по так называемому коммуникативному профилю, анализируя скорость, длину и содержание ответов в ходе личной или профессиональной переписки [3, с. 323], то актуальны также дополнительные меры информационной безопасности и защищенности судей от несанкционированного применения технологий оценки их психологических ресурсов.

Психологическая адаптация судей и работников аппарата судов к внедрению технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) не предусмотрена нормативно-правовыми актами. Перспектива внедрения в 2024 году суперсервиса «Правосудие онлайн» предполагает отбор и подготовку судей, готовых работать с технологией, которая будет систематизировать и анализировать тексты процессуальных обращений и материалы судебного дела. В целом специфика технологий ИИ, в отличие от ставших уже привычными ИКТ, потребует оценки профессионально-психологической пригодности кандидатов на должность судей, где целесообразно определять индивидуальные ресурсы профессионального роста судьи в цифровом и электронном правосудии, а также предусмотреть программы повышения квалификации и дополнительного образования специалистов судов.

Расширение творческих возможностей человека – один из психологических показателей эффективного использования технологий ИИ. Продолжающиеся второй год пилотные проекты в мировых судах по подготовке судебных приказов при взыскании с граждан имущественного, транспортного и земельного налогов с помощью технологии слабого ИИ показывают большой адаптационный потенциал действующих судей. Очевидно, что разработка и внедрение новых информационных технологий требуют высокой технической грамотности, значит, необходимо выявлять креативных людей, способных выступить экспертами и сформулировать задания по алгоритмизации отдельных видов когнитивных задач. Высокая трудовая мобильность молодых специалистов, активно сменяющих рабочие места, потребует значительно более бережного отношения к сохранению в штате судов перспективных и надежных профессионалов.

Высокие требования к квалификации и личной психологической подготовленности специалистов к действиям в условиях агрессивного информационно-психологического воздействия обусловлены спецификой такого воздействия. Поскольку информационные сообщения, содержащие скрытые вставки, воздействуют на подсознание людей и (или) оказывают вредное влияние на их здоровье (см. статью 13.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях РФ «Злоупотребление свободой массовой информации»), защита сознания юриста от такого воздействия становится его ведущей профессиональной компетенцией.

Авторы публикаций по проблемам высшего юридического образования, подчеркивая его особенную миссию в развитии правосудия, пола-

гают необходимым изменить парадигму – реализовать в преподавании юридических наук «человеко-ориентированное понимание права» [8, с. 4]. Новую стратегию преподавания способен воплотить не просто хороший преподаватель, но патриот России и отечественного правосудия, поэтому недостаточно в качестве целей и результатов подготовки юристов называть ряд компетенций, таких как системное и критическое мышление, самоорганизация и саморазвитие, гражданская позиция, профессиональная этика и др.¹ без уяснения смысла и миссии деятельности выпускника в государстве и обществе.

В заключение отметим, что исследование социально-психологических аспектов внедрения технологии ИИ в правосудие показывает рост разногласий между сторонниками наделения «электронного лица» правосубъектностью и отождествляющих субъекта права с правовой конструкцией и теми, кто убежден, что технология искусственного интеллекта не является носителем критически важных составляющих личности (духовности, свободного сознания, интенциональности, личных интересов) [9], кто определяет субъекта права как реальность естественного интеллекта, исполняющего свое духовное предназначение в обществе людей. Такой спор способен действительно расколоть мир. Очевидно, что и сегодня мир ждет от русских тех гуманитарных идей, которые в очередной раз спасут человечество, направляя его на путь гармонизации интересов государства, общества и личности, защищая духовную уникальность человека. Единственно эффективным механизмом реализации защиты прав личности в условиях агрессивной информационной войны и возрождения фашизма на Западе остается русская культура и российское человеко-ориентированное правосудие.

Список источников

1. Волков Ю.Г., Курбатов В.И., Попов А.В. «Homo Informaticus» – субъект самоуправления и самоорганизации сетевых он-лайн сообществ [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 19.01.2022).

2. Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова «Экономическая эффективность права как цель правового регулирования» на XVI Ежегодных научных чтениях памяти профессора С.Н. Братуся «Устойчивый экономический рост и право» 22 октября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vkks.ru> (дата обращения: 19.11.2021).

---

¹ «Самоорганизация и саморазвитие» – это универсальная компетенция, которая является целью и результатом обучения юриста по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры (см. ФОГОСы 2020 года).

3. Глиме́йда В.В. Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в отечественном судопроизводстве // Современный ученый. 2020. № 6. С. 320–326.

4. Курба́тов В.И., Па́на О.М. «Homo informaticus» – человек информационной эпохи: характерологические черты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные наук. Всероссийский научный журнал. 2017. № 1. С. 46–52.

5. Нестик Т.А. Перспективы психологических исследований внедрения технологий искусственного интеллекта // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: коллективная монография / под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М. : Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2019. С. 13–22.

6. Патраков Э.В. Цифровая трансформация субъекта труда: социальные взаимодействия, концепции, перспективы исследования // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 2. С. 66–73.

7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

8. Шафи́ров В.М. В защиту юридического образования // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 39–42.

9. Nicolaeva Yu.V. Philosophical View of Multiculturalism in Modern European Cinematography // European Journal of Science and Theology. 2018. № 14 (6). P. 205–214.

Каразанова О. О.,

*старший преподаватель кафедры гражданского процессуального права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье анализируются вопросы отправления правосудия в условиях цифровизации общества. Освещаются причины, по которым необходимо создание цифровых судов и выявляются проблемные вопросы внедрения цифровых технологий в судебную систему.

Ключевые слова: судебная система; цифровизация; искусственный интеллект; цифровые суды.

Международная судебная практика свидетельствует об активном использовании искусственного интеллекта в области правосудия. Как правило, используют его для формирования электронного правового пространства и для оптимизации деятельности судей [1, с. 45].

Так, в Бразилии для вынесения решения по ДТП применяется компьютерная программа, которая сохраняет показания свидетелей и вещественные доказательства по делу. Квалификация правонарушения, а также определение суда формируются автоматически на основании представленных и собранных программой данных.

Американские ученые разработали электронную систему Dare, которая распознает ложные показания в судебном процессе. Дальше всех в вопросах цифровизации продвинулись в Китае. Здесь есть так называемые мобильные суды. Заявления и обращения рассматриваются прямо в мессенджере, а представленные материалы дела оценивает искусственный интеллект. Однако следует отметить, что окончательное решение остается все же за судьей, который может изменить судебный акт, вынесенный компьютером.

В Китае к концу 2019 года так называемые мобильные суды рассмотрели около трёх миллионов судебных дел. Самыми популярными стали споры в области торговли, дела по защите авторского права и электронной коммерции [2, с. 139].

Как и в других странах, в России ведется работа над созданием цифрового пространства в области судопроизводства. В настоящее время активно используется подача заявлений в электронном виде с помощью системы «ГАС Правосудие», участие в заседании посредством видеоконференц-связи, а также аудио- и видеofиксация судебных заседаний.

Однако до сих пор остаются нерешенными некоторые вопросы. Например, вопросы, связанные с представлением электронных доказательств. Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» «электронный документ – это документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации» [3].

Таким образом, мы видим, что законодатель зафиксировал особенность электронного документа, которая необходима для принятия такого документа в суд, однако иные формы электронных доказательств, которые не являются письменными доказательствами, такими критериями не обладают.

В связи с этим возникает проблема предоставления электронных доказательств в суд. Проблема связана с тем, что стороны заранее не могут определить, будет ли принято их доказательство к рассмотрению, поскольку инструменты оформления такого доказательства неизвестны [4, с. 2]. Также до сих пор не решен вопрос удаленного удостоверения доказательств.

Зачем же нужны России цифровые суды? Для этого есть ряд причин. Во-первых, значительный рост объема электронной коммерции. Во-вторых, участники спорного правоотношения часто территориально находятся в юрисдикции разных судов и на значительном расстоянии друг от друга. В-третьих, достаточно часто возникает необходимость провести проверку контрагентов и получить информацию об их активности в судах и судебных притязаниях к ним.

На наш взгляд, дальнейшее развитие цифрового правосудия в России приведет к введению новых электронных средств для участников спорных правоотношений: мобильные приложения, интернет-сервисы для подачи документов и т. д. Все эти нововведения должны быть направлены на ускорение процесса рассмотрения дел, например через их дистанционное разрешение, когда участникам спора не обязательно встречаться лично либо ехать в город нахождения суда.

Искусственный интеллект вполне может быть использован для разрешения очевидных, несложных споров, которые не требуют представления большого объема доказательств. В сложных ситуациях, когда прибегают, например, к допросу свидетелей, проведению экспертизы, судьям необходимо грамотно и правильно формулировать вопросы исходя из особенностей спора и участие в таких разбирательствах человека неоспоримо. Компьютерный разум не обладает эмпатией, он не может создавать новую информацию. Поэтому он может выступать пока только инструментом, который помогает судье найти нужную информацию или сделать обобщение.

Кроме того, на пути развития цифрового правосудия стоит еще одна помеха. Это консервативность действующей судебной системы. Если в работу судей начнут вводить более современные методы и средства, то им потребуется изучать новые технологии. А для этого у судей с их колоссальной нагрузкой нет времени.

Если посмотреть на практику применения цифровых технологий в других государственных органах, можно увидеть, что они до сих пор так и не научились оптимизировать технологические процессы. Напри-

мер, ФНС активно использует цифровые платформы и электронный документооборот, но при этом в отдельных подразделениях столы сотрудников до сих пор завалены бумагами.

Есть еще одна проблема, связанная с доступностью правосудия. Несмотря на то что долгие годы ведутся разговоры о повышении юридической грамотности среди граждан, массовой работы в этом направлении так и не наблюдается.

Только недавно отдельные правовые консультации начали бесплатно оказывать малообеспеченным слоям населения юридическую помощь. Однако чтобы получить такую помощь, нужно подтвердить статус малоимущего. Критерии же, предъявляемые к таким лицам, не выдерживают никакой критики. Что говорить о гражданах, которые не подпадают под статус малоимущих, но не имеют финансовой возможности обратиться за квалифицированной правовой помощью? В связи с этим, по нашему мнению, цифровизация судебной системы должна идти параллельно с повышением юридической грамотности граждан и доступности правовой поддержки для них.

Возникает также вопрос, связанный с судебными ошибками. Ошибки со стороны судей могут совершаться по разным причинам, кроме того, эти ошибки могут быть как несущественные, так и серьезные. Человеческий фактор, о котором все знают и в принципе готовы к этому. И здесь возникает вопрос, а готовы ли мы предоставить искусственному интеллекту право совершать ошибки? Если судья, например, может войти в жизненное положение ответчика и уменьшить размер пени или освободить от наказания, то сможет ли это сделать искусственный интеллект?

На наш взгляд, замена судей искусственным интеллектом достаточно длительный процесс, который будет происходить постепенно, по мере вытеснения человека из других схожих видов деятельности.

Список источников

1. *Белякова А.В.* Развитие цифровых технологий в системе правосудия как один из способов ускорения судопроизводства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 2 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=126353#zdgIgCTKIMTdYFRN1> (дата обращения: 23.06.2021).

2. *Журкина О.В., Максименко Е.И.* Цифровое правосудие на примере интернет-судов Китая // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 6А. С. 138–143. DOI: 10.34670/AR.2020.63.35.051.

3. Постановление Пленума ВС РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // [Электронный ресурс] // НПП «Гарант-Сервис». URL: <http://base.garant.ru/71844996/> (дата обращения: 23.06.2021).

4. *Фадеев А.В., Русанова Д.Ю.*, Проблема представления электронных документов в качестве доказательства в гражданском процессе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-predstavleniya-elektronnyh-dokumentov-v-kachestve-dokazatelstva-v-grazhdanskom-protsesse/viewer> (дата обращения: 20.07.2021).

Кудряшова Е. С.,

кандидат юридических наук,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса

Нижегородской академии МВД России,

г. Нижний Новгород

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Аннотация. На основании рассуждений ученых-процессуалистов о необходимости цифровизации уголовного процесса в современной России автор приходит к выводу о том, что использование в разумных пределах цифровых технологий в уголовно-процессуальной деятельности с соблюдением прав и свобод личности может повысить эффективность досудебного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс; цифровизация; права и свободы личности.

Совершенствование любой отрасли современного общества невозможно без применения новых технологий. Уголовный процесс не стал исключением: назрела объективная необходимость в отказе от устаревших механизмов в деятельности. Излишние бюрократические процедуры и волокита серьезно затрудняют доступ граждан к правосудию. Информатизация судов, прокуратуры, органов внутренних дел стала логичным этапом в их развитии.

Стратегия развития информационного общества в России на 2017–2013 годы выделяет одно из приоритетных направлений внутренней политики – формирование информационных технологий, создание и укрепление информационного пространства [11].

В Республике Казахстан, например, в течение 15 лет в органах государственной власти действует система электронного документооборота, что значительно повышает эффективность их работы. Правоохранительные органы не стали исключением. С 2014 года функционирует Единый реестр досудебных расследований – автоматизированная база данных, где аккумулируются сведения об уголовных правонарушениях, участниках и этапах досудебного производства, принятых решениях. Судебная система внедрила информационную базу «Терелік», позволяющую формировать единую судебную практику. Процесс слияния этих двух систем должен способствовать повышению качества уголовного процесса. С финансовой точки зрения происходит экономия бумаги, процессуальных издержек. Обычные граждане вправе дистанционно ознакомиться с процессуальными документами, в разумные сроки обращаться с ходатайствами к должностным лицам, ведущим процесс, в некоторых случаях – обжаловать решения органов предварительного расследования и суда.

Аубакирова А.А. считает, что автоматизация всего уголовного судопроизводства в значительной мере делает его прозрачным, объективным, своевременным для выявления нарушений и принятия мер по их устранению [1]. Все это должно отразиться на доступности процесса и усилении гарантий прав личности и общества в целом. Спорными моментами, по ее мнению, являются следующие: сложность пользования электронными системами пожилыми людьми; наличие некоторых норм уголовного права, используемых в закрытом доступе (связанных с половой неприкосновенностью, преступных деяний против малолетних, должностных преступлений и т. п.); скрытые методы оперативно-розыскной деятельности.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин полагает, что человечество вступило в новую эру цифровой реальности, а цифровое право сменяет классическое привычное право [6].

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова предлагает начать разрабатывать цифровое законодательство [4]. При этом параллельно должно быть внедрено электронное взаимодействие граждан и должностных лиц в уголовном судопроизводстве путем использования электронных приемных, мессенджеров и чатов.

Ю.В. Гаврилин и А.В. Победкин обоснованно считают, что внедрение цифровых технологий в уголовном процессе должно сочетаться с гарантиями, минимизируя многочисленные риски, напрямую связанные с ними [2]. Действительно, такие технологии обуславливают возникновение значительных опасных моментов ограничения прав на свободу, рас-

пространение методов контроля над личностью. Компромиссное решение относительно права на безопасность и качество жизни, с одной стороны, и права на личную свободу, с другой стороны, к сожалению, государством пока еще не найдено.

Сложно не согласиться с мнением этих уважаемых ученых-процессуалистов о том, что бесосновательно возлагать надежды на «цифру» как на «панацею от всех бед» в уголовном судопроизводстве, являющуюся главной ценностью, не считаться с огромным уголовно-процессуальным опытом.

Л.В. Головкин считает позиции некоторых процессуалистов (А.С. Александрова, А.И. Зазулина, М.С. Сергеева), касающиеся замены классического уголовного процесса неким цифровым уголовным процессом либо чем-то схожим с ним, парадоксальными. Настаивает на том, что цифровизация представляет собой только локальную и повседневную оптимизацию определенных форм и институтов, в конечном счете не влекущую рисков для устоявшегося уголовного судопроизводства [3].

А.М. Долгов предлагает осуществить пилотный проект электронного документооборота в стадии возбуждения уголовного дела, связывая этот посыл с простотой процесса производства процессуальных действий. По его мнению, для использования электронных технологий в стадии предварительного расследования должны быть разработаны и законодательно закреплены правила производства процессуальных действий и их документирования, позволяющих гарантировать соблюдение прав участников процесса, исключив несанкционированный доступ к автоматизированной базе электронного документооборота [5].

О.В. Качалова и Ю.А. Цветков определили электронное уголовное дело как «инструмент модернизации уголовного судопроизводства» [9]. На важность и значимость введения электронного документооборота в уголовное судопроизводство указывает С.В. Зуев, который справедливо считает, что должна быть сформирована единая цифровая среда уголовного судопроизводства, которая обусловит широкое применение информационных технологий в уголовном процессе [7].

Г.В. Романова и В.И. Романов связывают совершенствование уголовного процесса с технико-криминалистическим обеспечением расследования уголовных дел. По их мнению, своевременное и системное развитие правового регулирования реализации электронно-информационных технологий является условием эффективной цифровизации уголовного судопроизводства [10].

П.П. Ищенко полагает, что уже имеющиеся технологии могут быть применимы для цифровизации уголовного судопроизводства вне зависимости от его типа, правовых традиций определенного общества, иных особенностей развития правовой системы. Вместе с тем применение новых технологий должно сопровождаться введением законодательных норм, устанавливающих порядок обеспечения допустимости доказательственной информации [8].

Полагаем, что цифровизация необходима и неизбежна в уголовном процессе. Свою эффективность она может доказать при оптимальном урегулировании цифровых технологий, введении их в традиционные формы, средства и процедуры уголовного судопроизводства, при соблюдении прав и интересов лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

Список источников

1. *Аубакирова А.А.* Цифровизация уголовного процесса // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 41–44.
2. *Гаврилин Ю.В., Победкин А.В.* Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–38.
3. *Головко Л.В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
4. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 г. // Российская газета. 2019. 10 июня.
5. *Долгов А.М.* Электронное уголовное дело в досудебных стадиях уголовного процесса в России // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 9 (62). С. 55–57.
6. *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 30 мая.
7. *Зуев С.В.* Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 118–123.
8. *Ищенко П.П.* Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex russica (Русский закон). 2019. № 12 (157). С. 68–79.
9. *Качалова О.В., Цветков Ю.А.* Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
10. *Романова Г.В., Романов В.И.* Технологии электронного расследования и современный формат технико-криминалистического обеспечения расследования уголовных дел // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1. С. 106–115.
10. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 21.05.2022).

Лаверентьев А. Р.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород

Леваневская Е. А.,
судья Нижегородского областного суда,
г. Нижний Новгород

Сохоян А. Р.,
магистрант ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Цифровизацию в год проведения X Всероссийского съезда судей авторы рассматривают в контексте подведения промежуточных итогов, внедрения отдельных элементов цифровизации в организацию судебной системы и деятельность судов и как одно из перспективных направлений развития судебной системы, включая запуск суперсервиса «Правосудие онлайн».

Ключевые слова: цифровизация; судебная система; ГАС Правосудие; электронное правосудие; «Правосудие онлайн».

2022 год наполнен знаменательными датами, которые связаны с историей становления и развития судебной системы России; самые значимые, по нашему мнению, следующие даты:

19¹ марта – 20 лет со дня вступления в силу Федерального закона «Об органах судейского сообщества Российской Федерации» [25];

29 июля – 30 лет со дня введения в действие Закона о статусе судей в Российской Федерации [5];

29 ноября – 1 декабря будут проведены Юбилейный, X Всероссийский съезд судей и торжественное заседание, посвященное 100-летию Верховного Суда Российской Федерации» [19].

В преддверии названных юбилеев ведется работа как по обобщению промежуточных итогов и практики развития судебной системы в России, так и по формированию «пакета» предложений на перспективу. Цифровизацию в организации и деятельности российских судов следует рас-

---

¹ По вопросу даты есть некоторая правовая неопределенность: текст первоначальной редакции ниженазванного Федерального закона был опубликован 19 марта в Парламентской газете и Российской газете, а в третьем издании – Собрании законодательства РФ даже раньше – 18 марта, но это только формально раньше (когда номер был подписан в печать), фактически первоначальный доступ к тексту закона был обеспечен Парламентской и Российской газетами с 19 марта 2002 года.

смаатривать как один из приоритетов [11, с. 6–9]. В настоящей статье отметим наиболее важные, на наш взгляд, результаты и приоритеты цифровизации в деятельности судов.

К числу **промежуточных результатов цифровизации деятельности судов** в современной России отнесем:

– функционирование интернет-портала Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (далее – ГАС Правосудие), объединяющей более десятка сервисов: «Банк судебных решений» (обеспечивает доступ более чем к 190 млн документам, из которых более 100 млн – гражданские дела), «Картотека арбитражных дел» (в нее включено более 32 млн дел), «Электронное правосудие» («площадка» для проведения ряда экспериментов по организации отдельных видов судопроизводства с использованием современных технологий), «Обучение кадров» и др. ГАС Правосудие очень востребована, так, только в 2021 году пользователи направили в систему более 3,7 млрд запросов [4];

– суды обеспечивают возможность подачи документов в электронном виде, это также востребовано заявителями; например, в 2021 году в суды подано в электронном виде 5 млн процессуальных документов – это на 2 млн больше, чем в 2020 году;

– российскими судами накоплен значительный потенциал применения современных технологий, обеспечивающих дистанционную реализацию процессуальных прав участниками судопроизводства. Например, в 2021 году с применением видео-конференц-связи проведено 290 тыс. судебных заседаний. С 1 января 2022 года законодательно закреплена возможность участия в судебных заседаниях посредством веб-конференции с использованием личного компьютера или другого устройства, за первый квартал 2022 года с применением этой технологии проведено свыше 97 тыс. судебных заседаний;

– суды все активнее используют современные технологии как альтернативу или дополнение традиционных [17] способов извещения участников судебных процессов. Так, только в 2021 году судами направлено более 20 млн sms-уведомлений о времени и месте судебных заседаний;

– суды уделяют большое внимание соблюдению положений Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [27], судейское сообщество осуществляет постоянный мониторинг средств массовой информации;

– кроме «пассивного» информирования, суды ведут правовое просвещение в «проактивном» порядке: выпускаются печатные издания су-

дов (например, Верховный Суд Российской Федерации является соучредителем журналов «Российская юстиция», «Российский судья», «Судья»; в Нижегородской области пользуется заслуженным авторитетом «Судебный вестник Нижегородской области», в марте 2022 года издан уже 67 номер), органов судейского сообщества (в частности, обобщение деятельности квалификационных коллегий судей представлено в «Вестнике Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации»), Российского государственного университета правосудия (так, журнал «Российское правосудие» издается с 2006 года, в 190 номерах опубликовано более 2,5 научных статей [32]);

– помимо официальных сайтов, которые теперь оформлены и наполняются в едином формате, суды и органы судейского сообщества шире используют возможности средств коммуникации – созданы и весьма востребованы их официальные страницы в социальных сетях;

– электронные ресурсы применяются в судах субъектов Российской Федерации, с участием региональных советов судей обеспечивается внедрение цифровых сервисов и на участках мировых судей: устанавливаются современные программные средства, вводится электронный документооборот;

– встречаются и нестандартные формы цифровизации в деятельности судов. Так, 7 декабря 2021 года в Верховном Суде состоялся семинар о практике рассмотрения судами дел о защите экологии, к онлайн-трансляции которого были подключены все суды и мог подключиться любой заинтересованный пользователь интернета. Во время семинара была установлена связь с Международной космической станцией (МКС), и в работе семинара принял участие герой России, летчик-космонавт А.Н. Шкаплеров, который проинформировал судей о перспективах использования результатов космических исследований в судебной практике [4]. По итогам работы семинара будет подготовлен Обзор судебной практики применения судами законодательства о защите окружающей среды и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Целесообразно рассматривать **промежуточные итоги цифровизации** не только в целом по судебной системе, но и **по отдельным судам**. Например, информатизация деятельности Верховного Суда Российской Федерации [6] осуществляется на основе использования Автоматизированной информационной системы Верховного Суда (далее – АИС Верховного Суда) и включает более полутора десятков подсистем и компо-

нентов, четыре из которых отнесены к ключевым в информатизации Верховного Суда¹, в частности:

– в Информационной системе «Судебный документооборот и дело-производство Верховного Суда Российской Федерации» ежегодно регистрируется более 11 тыс. судебных дел и более 270 тыс. жалоб, но система обеспечивает также цифровую звукозапись всех событий в зале суда с привязкой к хронологии событий и возможностью дальнейшего воспроизведения в различных режимах;

– с названной системой взаимосвязана «Система автоматизированного протоколирования судебных заседаний Верховного Суда Российской Федерации», которая позволяет регистрировать события, происходящие в зале суда, и работу секретарей; вести автоматизированное протоколирование судебных заседаний (ежегодно составляется более 5 тысяч аудио- и видеопротоколов), включая протоколирование с возможностью автоматического составления машиночитаемого текста;

– комплекс видео-конференц-связи Верховного Суда (в суде оборудовано 14 залов судебных заседаний) обеспечивает возможность дистанционного участия в судебных заседаниях с использованием видео-конференц-связи более чем с 8 тыс. абонентов территориально разнесённых объектов, включая все федеральные суды общей юрисдикции, все федеральные арбитражные суды, а также следственные изоляторы, тюрьмы, воспитательные и исправительные колонии, колонии-поселения, лечебно-исправительные и лечебно-профилактические учреждения, туберкулезные и психиатрические больницы и прочие учреждения, имеющие комплексы ВКС. Ежегодно Верховный Суд проводит более 1200 судебных заседаний по видео-конференц-связи с более чем 1400 участниками. Сейчас в Верховном Суде интегрируются технологии видео-конференц-связи и веб-конференции для обеспечения возможности участия в одном заседании с использованием обеих систем коммуникации;

– официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации ежегодно посещает около 10 млн человек; на сайте доступна информация более чем по 5 млн судебных дел и жалоб, рассмотренных Верховным Судом; личный кабинет на официальном сайте Верховного Суда обеспечивает подачу участниками судебного процесса процессуальных обращений в электронном виде в Верховный Суд, а также получение судебных

---

¹ См. об этом подробнее: «новая» Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации. Утверждена приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2021 г. № 9-П

актов, выполненных в электронном виде (например, в первый год работы этого ресурса, в 2019 году, было подано более 38 тысяч процессуальных обращений в электронном виде).

Информатизация Верховного Суда осуществляется по внутриорганизационным вопросам, включая единую информационную систему «Сбор и анализ данных о служебной активности персонала Верховного Суда Российской Федерации», программный комплекс управления финансами и материальными активами Верховного Суда на основе отечественного программного продукта ПАРУС, серверную инфраструктуру, внутреннюю телекоммуникационную инфраструктуру (магистральная сеть из многомодовых оптических кабелей на скоростях до 40 Гбайт/с и распределительная составляющая с помощью медных UTP кабелей категории 5е и выше, что обеспечивает подключение пользователей сети на скоростях до 1000 Мбайт/с), цифровую телефонную станцию, включая DECT-телефонию и систему тарификации телефонных разговоров, услуги связи и др.

Нижегородский областной суд, помимо общих с другими судами достижений в области информатизации, выступает площадкой для реализации ряда пилотных проектов ГАС «Правосудие», в частности:

- направление электронных документов в суды через многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг [28] (МФЦ);

- программно-технический комплекс взаимодействия с ФССП России, ФНС России (так, в 2021 году судами направлено более 8 тыс. запросов и в более 90 % случаев получены ответы), Росреестром (так, в 2021 году суды области получили ответы на более чем 75 % из более 6 тыс. запросов), Роскомнадзором (так, в 2021 году суды области направили более 2 тыс. судебных актов о признании информации запрещенной к распространению на территории Российской Федерации и признания информационных материалов экстремистскими), а также Государственной информационной системой о государственных и муниципальных платежах, Федеральной нотариальной палатой;

- формирование консолидированной для всех 58 судов общей юрисдикции, подведомственных Нижегородскому областному суду, базы данных.

Перспективы цифровизации деятельности судов обусловлены национальными целями развития [22; 24] всей системы, модернизируемой [29; 30; 31; 18] в настоящее время в продолжение конституционной реформы системы публичного управления 2020 г. [1; 8], общими тенден-

циями его цифровизации [26; 20; 21; 23; 13; 12], и имеют ярко выраженную специфику, обусловленную организацией российского правосудия, отраженную в Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы [7; 10], которая логически развивает и дополняет Концепцию информационной политики судебной системы [16] 2001 года. Повышение качества осуществления правосудия и совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций в ведомственной Программе [15] прежде всего направлено на обеспечение открытости и доступности правосудия – задачу, достижение которой непосредственно вытекает из информатизации судебной системы и внедрения современных информационных технологий в деятельность судов.

Наиболее важные перспективы связаны с суперсервисом «Правосудие онлайн» [14], технологическая основа и его отдельные элементы уже созданы, а запуск намечается в 2024 году [33], эта платформа позволит участникам судопроизводства реализовать в дистанционной форме весь объем процессуальных действий, в том числе подачу документов в суд (это потребует стандартизации форм и справочника исковых требований), уплату госпошлины (калькулятор государственной пошлины уже апробирован), ознакомление с материалами дела в электронном виде, дистанционное участие в судебном заседании, получение судебных актов. «Правосудие онлайн» позволит в автоматическом режиме определять подсудность, предполагается использование технологии искусственного интеллекта и распознавания текста.

Для каждого отдельного элемента судебной системы перспективы цифровизации должны быть конкретизированы. Так, определено пять основных направлений информатизации Верховного Суда Российской Федерации, три из которых связаны с развитием инфраструктуры (расширение спектра компонентов, модернизация (развитие) серверной инфраструктуры и системы хранения данных), «во вне» ориентированы два направления:

- обеспечение дистанционных способов осуществления судебной деятельности (обращение в суд в электронном виде; дистанционное получение информации о судебном процессе (судебные извещения); онлайн участие в судебных заседаниях; дистанционный доступ к материалам судебных дел, получение судебных актов и их копий в электронном виде; дистанционное участие в мероприятиях, в том числе международных);

- совершенствование электронного взаимодействия Верховного Суда с судами и органами государственной власти.

В связи с подготовкой итоговых документов X Всероссийского Съезда судей в Верховный Суд Российской Федерации поступило более 1 тыс. предложений от 156 судов общей и арбитражной юрисдикции, в том числе 631 предложение о совершенствовании процессуального законодательства, 178 предложений по укреплению правовых гарантий независимости судей и 195 предложений о модернизации материально-технической базы судопроизводства и организационного обеспечения деятельности судов [3]. Поступившие предложения затрагивают наиболее актуальные вопросы осуществления правосудия: оптимизация судебной нагрузки, расширение сферы применения приказного и упрощенного производства по гражданским делам и экономическим спорам, институтов внесудебного и досудебного урегулирования споров. В части внедрения дополнительных элементов цифровизации подготовлены предложения о применении электронной почты в целях извещения участников судопроизводства о времени и месте судебного заседания, переводе судебных архивов в электронную форму и сокращении сроков судопроизводства. Поскольку участники судопроизводства активно пользуются правом подачи в суды документов в электронном виде (за первый квартал 2022 года, например, подано более 1 млн 200 тыс. процессуальных документов), вероятно, следует провести мониторинг применения электронных технологий в сфере правосудия и по типичным вопросам Верховному Суду России целесообразно будет подготовить соответствующие разъяснения.

Перспективы цифровизации деятельности судов в России, при том что специалистами справедливо отмечаются не только «плюсы», но и риски [2; 9] этих процессов, как видим, не менее радужные, чем промежуточные итоги.

Список источников

1. Баранов В.М., Лаврентьев А.Р., Лаврентьева Н.А. Институт координатора Ассоциации законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации федерального округа в системе публичного управления (на примере Приволжского федерального округа): содержательные и технико-юридические проблемы, перспективы развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 15–27.
2. Бурдина Е.В. Цифровизация судебной деятельности: направления, прогнозы и риски // Администратор суда. 2020. № 2. С. 10–14.
3. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации на семинаре-совещании председателей советов судей судов и советов судей субъектов Рос-

сийской Федерации 29 марта 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/30937/ (дата обращения: 05.04.2022).

4. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации к совещанию судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов 9 февраля 2022 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/30760/ (дата обращения: 05.04.2022).

5. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 05.04.2021) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 29 июля.

6. Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации. Утверждена Приказом Председателя Верховного Суда от 10 декабря 2015 г. № 67-П.

7. Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года, утверждена Постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 2 декабря 2019 г. № 785.

8. *Лаврентьев А.Р.* Развитие конституционной реформы 2020 в региональном законодательстве (на примере Нижегородской области) // Третий конгресс цивилистов правоохранительных органов. Сборник статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М. : ООО «Русайнс», 2021. С. 279–285.

9. *Лаврентьев А.Р.* Риски цифровизации для государственного управления // Государство и право в изменяющемся мире: новые векторы судебной реформы: материалы IV науч.-практ. конф. с междунар. участием. (Н. Новгород, ПФ ФГБОУВО «РГУП», 29 марта 2018 г.) Н. Новгород : Изд-во «Автор», 2019. С. 316–321.

10. *Малько А.В., Афанасьев С.Ф.* Проект концепции российской правовой политики в сфере электронного правосудия как доктринальный документ // Государство и право. 2020. № 11. С. 49–57.

11. *Момотов В.В.* Правосудие в цифровой век // Судья. 2019. № 2(98). С. 6–9.

12. Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики», утвержден протоколом президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28 мая 2019 г. № 9.

13. Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"», утвержден протоколом президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7.

14. Положение «Описание целевого состояния суперсервиса "Правосудие онлайн"». Одобрено Постановлением Совета Судей Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 5 «О суперсервисе "Правосудие онлайн"».

15. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 23.12.2021) «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы"» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

16. Постановление Совета судей Российской Федерации от 16 ноября 2001 г. № 60 «О Концепции информационной политики судебной системы» // Российская юстиция. 2002. № 4.

17. Приказ ФГУП «Почта России» от 7 марта 2019 г. № 98-п «Об утверждении Порядка приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений».

18. Проект № 40361-8 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 05.04.2022).

19. Распоряжение Президента Российской Федерации от 16 февраля 2022 г. № 30-рп «О проведении юбилейного, X Всероссийского съезда судей и торжественного заседания, посвященного 100-летию Верховного Суда Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602873723> (дата обращения: 05.04.2022).

20. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 (ред. от 15.03.2021) «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

21. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

22. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

23. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

24. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

25. Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

26. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

27. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

28. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

29. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

30. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

31. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

32. URL: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25189 (дата обращения: 05.04.2022).

33. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/30378/ (дата обращения: 05.04.2022).

Новопавловская Е. Е.,
*кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры социологии и управления
Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова,
г. Белгород*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. В современных реалиях масштабы цифровизации различных сфер жизни общества все больше возрастают. Компьютерные технологии закрепились в жизни многих людей, заметно упрощая ее и позволяя наиболее быстро решать типовые задачи. В условиях пандемии COVID-19 многим организациям пришлось перейти на цифровой формат взаимодействия. Эти процессы затронули и сферу судопроизводства. Необходимость перехода системы правосудия на частично цифровую основу отразила возможные перспективы развития в этом направлении. Между тем она вскрыла многие недочеты и слабые стороны нынешнего состояния информационных технологий в России, требующие решения, в том числе законодательного.

Ключевые слова: информационные технологии; правосудие; цифровизация; пандемия; Конституционный Суд Российской Федерации; кибербезопасность.

С 2014 года Россия взяла курс на цифровизацию многих сфер общественных отношений. В рамках крупных национальных проектов выделили несколько, которые требовалось «цифровизировать», в том числе образование и науку, здравоохранение, занятость, безопасные и качественные дороги, экономику и др. Как справедливо заметил А.Е. Коньков, наиболее активно проекты по цифровизации развернулись в сфере экономики [7, с. 48].

Учеными стали предлагаться различные трактовки дефиниции «цифровизация», крайне емко которое выражено экономистами. Под цифровизацией в целом понимается процесс работы с большим количеством оцифрованной информации при использовании цифровых технологий для трансформации тех или иных процессов и операций [8, с. 149]. Цифровизация предполагает налаживание системы работы с оцифрованными данными и формирование аппаратного и программного обеспечения. Приведенное определение было выработано в рамках подхода, сформированного американскими исследователями в сфере информационных технологий в экономике, осуществляющими четкое разграничение между понятиями «цифровизация» и «оцифрование». Оцифрование – это процесс перевода данных в читабельный для компьютера формат, кото-

рый необходим для их передачи при помощи компьютерных технологий. Оцифровка данных сама по себе не преобразует информацию, а лишь переводит ее в другой формат, в то время как цифровизация предполагает преломление оцифрованных данных через введение в новую систему работы с ними.

Реалии пандемии коронавирусной инфекции поставили нас в рамки необходимости перехода на новый формат взаимодействия, предполагающий цифровизацию (полную или частичную) многих процессов, включая судопроизводство.

Следует говорить о двух направлениях становления цифровых основ работы судебной системы: электронное и цифровое правосудие. В широком смысле электронное правосудие – это совокупность автоматизированных электронных информационных систем, на базе которых сформированы сервисы по предоставлению в электронном виде всей необходимой судебной информации, в том числе публикация решений суда. В узком смысле электронное правосудие – это возможность осуществления участниками судебного разбирательства и судом действий, предусмотренных процессуальным законодательством и иными нормативными правовыми актами, в рамках предоставленных им прав (подача документов в электронном виде, участие в заседании посредством системы электронной связи и др.) [13, с. 1567–1568].

Констатируем, что электронное правосудие предполагает использование информационно-коммуникационных технологий, наличие системы электронного документооборота, ведения и управления электронными делами, наличие системы публикации судебных актов при помощи информационных технологий, фиксации судебных заседаний посредством аудио- и видеооборудования, использование средств конференц-связи, возможности ознакомления с доказательствами в электронном виде.

Термин «цифровое правосудие» был введен совсем недавно. Под ним понимается совершенный новый этап становления не только цифровизации в сфере правосудия, но и новый этап развития судебной ветви власти в целом. Это совершенно новый тип организации деятельности судов, который основывается на использовании крупных электронных баз данных и применении электронной системы обмена данными внутри судебной системы, с гражданами и в рамках межведомственного взаимодействия. Цифровое правосудие также отличается тем, что большая часть судебных коммуникаций переходит в цифровую среду.

Согласимся с мнением Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева, относящим к признакам цифрового правосудия широкое использование цифровых технологий и формирование на их базе единой системы взаимодействия как непосредственно правосудной, так и обеспечительной деятельности судов, создание цифровых баз данных, систем сетевого взаимодействия, а также в перспективе использование системы искусственного интеллекта (данный признак характеризуют как технологический); ведение электронной формы судопроизводства; подстраивание старых организационных форм судебной деятельности под новый цифровой формат; автоматизацию документационного обеспечения и документооборота; дистанционный доступ к суду (судебным актам, заседаниям, необходимым материалам дела и др.); создание внутрисистемного баланса публичных задач и задач судопроизводства, создание доверия к суду, повышение качества судебной защиты (целевой признак) [3, с. 48–49].

Цифровое правосудие базируется на определенных принципах, включая цифровой доступ к суду по умолчанию, универсальность программного обеспечения и платформонезависимость, ориентацию на мобильные устройства, проектирование технологий с ориентацией на пользователя, электронное дело, реформирование суда под единую технологическую платформу.

Из особенностей становления цифрового правосудия вытекает множество вопросов к тому, каким образом эта система будет создаваться и к каким последствиям она приведет. Причем следует различать цифровизацию правосудия и цифровое правосудие. Цифровизация является лишь процессом по становлению полноценной системы цифрового правосудия и не предполагает всех вышеперечисленных признаков и принципов в своей совокупности. Цифровизация представляет собой лишь общую тенденцию, направленную на формирование системы цифрового правосудия в целом.

В последние годы ведутся активные диспуты ученых не только относительно цифровизации правосудия в целом, но и его особенностей в рамках различных видов судопроизводства. Так, мониторинг практики конституционного судопроизводства в условиях пандемии показывает, что процесс цифровизации позволил Конституционному Суду Российской Федерации полноценно и эффективно осуществлять судебный конституционный нормоконтроль при ограничениях, введенных в целях борьбы с коронавирусной инфекцией. В частности, через официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации реализовывалась

возможность подачи электронных обращений заявителей, в качестве которых выступали не только граждане и их объединения, но и представители властных структур государства. Предметом рассмотрения в порядке конституционного судопроизводства выступали нормы различной отраслевой принадлежности, гражданского, административного, финансового, налогового, уголовного права и др. Востребованность системы электронных обращений в суд также создала необходимость формирования отдельной нейронной сети на базе программного обеспечения, которое будет самостоятельно классифицировать и распределять обращения в определенном порядке в зависимости от заданных критериев, тем самым позволяя наиболее своевременно и полноценно отвечать на них [см. подробнее: 14, с. 61–65]. Можно с уверенностью констатировать, что условия пандемии сформировали востребованность системы электронных обращений, благодаря чему получилось ускорить процесс цифровизации конституционного судопроизводства.

Анализ специализированной научной литературы показывает, что большое внимание исследователей уделено вопросу об особенностях и проблемах цифровизации уголовного правосудия [4, с. 34–51; 6, с. 40–48; 9, с. 80–85; 11, с. 36–44; 12, с. 214–224]. Например, среди основных проблем цифровизации в сфере уголовного судопроизводства ученые называют отсутствие доступа отдельных слоев населения к компьютеру и иным средствам, позволяющим получить доступ к электронной информации, а также проблему незащищенности информации от несанкционированного доступа и др. В сфере уголовного судопроизводства эта проблема стоит крайне остро, поскольку несанкционированный доступ к материалам уголовного дела создает возможность нарушить ход судебного разбирательства и создает опасность оправдания виновного лица либо вынесения обвинительного приговора в отношении невиновного лица. Однако полагаем, что было бы неверным сводить эти проблемы только к уголовному судопроизводству, поскольку они применимы для цифровизации правосудия в целом.

Гражданские юристы, исследующие проблемы цифровизации в рамках гражданского судопроизводства, указывают на несколько аспектов цифровизации как способа оптимизации механизма защиты гражданских прав. Например, О.В. Грицай, Е.Н. Губина выделяют среди таковых:

– создание архива для электронных документов, предполагающее переход на принудительное исполнение в электронном виде;

- формирование единой инфраструктуры, позволяющей создать базы данных исполнительных производств регионального уровня;
- создание единой системы аудио- и видеосвязи на базе единой телекоммуникационной системы, объединяющей все региональные объекты ФССП России;
- обеспечение информационной безопасности представленных систем [5, с. 65–66].

В первом аспекте процесс цифровизации сталкивается с проблемами кибербезопасности, достоверности сведений в электронной форме, аутентичности данных и сведений в материалах дела. Помимо того, в случае перебоев с оборудованием могут возникнуть проблемы, связанные с утерей данных в ходе работы, а также нарушения принципа непрерывности в ходе судебных заседаний с использованием информационных технологий.

В случае со вторым аспектом возникает проблема обеспечения безопасности личных данных и сведений, предполагающих внутреннее использование судом и ФССП России. Аналогичная проблема затрагивает и третий аспект.

В случае с обеспечением кибербезопасности для решения двух вышепредставленных проблем возникает кадровая проблема. Для полноценного формирования системы, которая позволит обеспечить безопасное функционирование электронных и цифровых систем, необходимо большое количество специалистов смежных специальностей – юриспруденции и информационной безопасности.

В рамках проводимого исследования считаем целесообразным уделить отдельное внимание вопросу реализации принципов осуществления правосудия в условиях процесса цифровизации. При этом в данном аспекте имеет смысл акцентировать внимание на таких основных принципах, как самостоятельность и осуществление правосудия только судом; независимость суда; транспарентность; право каждого на судебную защиту и др.

Принцип самостоятельности в условиях процесса цифровизации может быть подвержен риску в силу постепенного внедрения искусственного интеллекта, а также из-за особенностей программного обеспечения. Так как алгоритмы работы информационных систем создают сторонние разработчики, особенности преломления правовых норм и специфики их трактовки в силу представленности в рамках информационной системы могут заметно повлиять на итоговое решение и частично лишить

суд самостоятельности в вынесении решения за счет влияния извне. По верному замечанию А.С. Анисимовой, М.П. Спиридоновой, искусственный интеллект, даже в случае если он отталкивается от принятых ранее судебных решений и лишь предлагает типовые варианты решений для стандартных ситуаций, все равно влияет на субъективное восприятие судьей общей ситуации [1, с. 163].

Проблема влияния цифровизации на принцип независимости суда представлена в том же ключе. Логичным, на наш взгляд, является вывод И.П. Поповой о том, что особенности разработки информационных систем и программного обеспечения для цифровизации судопроизводства приводят к подрыву трех основных компонентов, которыми представлена независимость суда: самостоятельности судебных органов, независимости судей и независимости процедуры судопроизводства [15, с. 237].

Особенное влияние процесс цифровизации оказывает также на транспарентность правосудия. В основном влияние процесса цифровизации на транспарентность оценивается как положительное, поскольку предполагает размещение на официальных информационных ресурсах актуальной информации из первоисточников, что заметно расширяет объективное понимание обществом особенностей функционирования нынешней судебной системы и позволяет получать достоверную информацию об осуществлении правосудия. Согласимся с мнением И.П. Поповой, что при правильно налаженной системе предоставления информации о деятельности судов с помощью информационных технологий суды смогут составить информационную конкуренцию различным СМИ, часто искажающим информацию о деятельности судебной власти в Российской Федерации [15, с. 238].

Влияние процесса цифровизации на принцип доступности правосудия оценивается двояко. С одной стороны, цифровизация расширяет возможности получить доступ к правосудию благодаря информационным системам, что значительно упрощает процесс обращения в суд за защитой и судебного разбирательства. С другой – в силу достаточно большого разрыва в навыках использования информационных технологий среди различных категорий населения, в случае преимущественного перехода с классической системы правосудия на цифровую, возникает опасность невозможности доступа к правосудию у некоторых социальных групп [15, с. 240].

Суть принципов правосудия заключается в формировании опоры, отталкиваясь от которой судебная система будет осуществлять свою

деятельность. В соответствии с ними должна проводиться и цифровизация, преломляясь через них и не влияя на саму суть судебной системы.

Как было указано выше, одним из компонентов цифрового правосудия является технологический признак, который предполагает наличие развитой материально-технической и информационной базы. Для слаженной работы внутреннего взаимодействия судебной системы, а также полноценного межведомственного взаимодействия необходимо обеспечить все органы государственной власти компьютерным оборудованием высокого качества с единой программной базой, которая позволит наладить систему взаимодействия. Увы, но и по сей день данный аспект обеспечен не в полной мере, что препятствует созданию достаточных предпосылок для разворачивания последовательной и полномасштабной цифровизации правосудия.

В рамках уже существующих судебных информационных систем ГАС «Правосудие» и «Амирс» с помощью анкетирования были выявлены наиболее частые проблемы процессуального характера, с которыми сталкиваются судьи и участники дела в связи с цифровизацией. Среди таковых были названы ручное заполнение многочисленных электронных форм; необходимость сканирования и распечатки поступающих в суд документов; отсутствие единой информационной системы, позволяющей наладить межведомственное электронное взаимодействие (проблема единой электронной среды); отсутствие системы межведомственного взаимодействия с различными правоохранительными органами; отсутствие доступа к базам данных ЕГРН, ЕГРП, ГИБДД, Информационного центра ГУВД; отсутствие возможности автоматического формирования типовых документов (повесток, извещений участников судебного процесса), а также отсутствие автоматической системы оповещений; отсутствие возможности формирования проектов судебных приказов с использованием данных электронной картотеки; несвоевременное обновление баз данных; отсутствие возможности автоматической расшифровки аудиозаписей заседаний для документальных протоколов; отсутствие возможности у мировых судей подписывать документы электронной цифровой подписью [10].

Проблемы цифровизации правосудия усугубил тот темп, в котором пришлось внедрять элементы цифрового правосудия в силу пандемии коронавирусной инфекции. Российская Федерация еще не наладила в достаточной мере информационную и программную базу, необходимую для слаженной работы всех механизмов судопроизводства. Панде-

мия как фактор, ускоривший цифровизацию правосудия, сработал двояко. С одной стороны, был взят темп и курс на активное внедрение информационных технологий в судопроизводство, который уже невозможно откатить назад, с другой – вскрылось множество проблем, связанных с неготовностью России к таким резким переменам в сфере правосудия.

Во время пандемии Россия также столкнулась и с проблемой обеспечения правосудия в условиях поддержания двойной судебной инфраструктуры. Возникла необходимость обеспечения одновременно классической системы судопроизводства и вместе с тем поддержания информационных технологий, позволяющих создать доступность правосудия в условиях введенных ограничений [2, с. 21].

Безусловно, данную проблему можно решить постепенным переходом с классической «бумажной» системы документооборота и автоматизацией множества процессов в судопроизводстве с помощью их перенесения в компьютер. Проблема здесь заключается в том, что, как уже было обозначено ранее, в данный момент отсутствует общая для всех судов система программного обеспечения, позволяющая оптимизировать и автоматизировать данные процессы. Помимо того, в условиях усилившегося санкционного процесса, связанного с внешним давлением недружественных России стран из-за проведения специальной военной операции на территории Украины, доступ к программному обеспечению, необходимому для работы автоматизированных судебных систем, может быть ограничен. Помимо того, в этих же условиях неясно, что будет с материально-технической базой, необходимой для построения правосудия на компьютерной инфраструктуре с постепенной ликвидацией «бумажных» процессов. В случае сильных сбоях с обеспечением работы оборудования, необходимым для функционирования автоматизированных систем, вся судебная система подвергается огромному риску.

В завершение констатируем, что вопрос цифровизации правосудия является многоаспектным, имеющим множество граней и проблем. Несмотря на все плюсы цифровизации, если она будет проводиться необдуманно, в спешке, без формирования достаточной материально-технической и научной базы и обеспечения гарантий бесперебойного функционирования, то все правосудие в целом как таковое будет поставлено под угрозу.

На данный момент процесс цифровизации находится еще в зачаточном состоянии, поэтому судам целесообразно использовать как цифровую, так и стандартную «бумажную» инфраструктуру передачи инфор-

мации. В рамках использования двойной инфраструктуры цифровая должна рассматриваться как экспериментальная, а выявленные ошибки должны учитываться при корректировке процесса цифровизации правосудия. Лишь на основании полноценного и многостороннего анализа особенностей хода цифровизации можно налаживать данную систему, переходя на нее постепенно и не спеша, при этом не ликвидируя фундаментальных принципов правосудия. «Бумажная» инфраструктура передачи информации в таких условиях будет гарантом того, что в случае сбоев и выявления проблем цифровых элементов в судопроизводстве сам процесс правосудия не будет прерван и конституционное право граждан на судебную защиту не будет нарушено.

Список источников

1. *Анисимова А.С., Спиридонова М.П.* К вопросу о возможностях использования технологий искусственного интеллекта в правосудии // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 3. С. 161–165.

2. *Брановицкий К.Л., Ярков В.В.* Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 19–26.

3. *Бурдина Е.В., Зувев С.В.* Электронное правосудие: монография. М. : РГУП, 2021. 344 с.

4. *Воскобитова Л.А.* Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 34–51.

5. *Грицай О.В., Губина Е.Н.* Цифровизация как способ оптимизации механизма защиты гражданских прав в сфере гражданской юрисдикции // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 2. С. 64–68.

6. *Задорожная В.А.* Цифровое неравенство в доступе потерпевших к уголовному правосудию: дефиниция понятия // Виктимология. 2022. № 1. С. 40–48.

7. *Коньков А.Е.* Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2020. № 1. С. 47–68.

8. *Кудрявцева Т.Ю., Кожина К.С.* Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 44 (3). С. 149–151.

9. *Лавнов М.А.* Цифровизация уголовного судопроизводства и наднациональные стандарты построения правовой модели деятельности прокурора // Юридическая наука. 2020. № 11. С. 80–85.

10. *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В.* Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159.

11. *Марусич Д.А., Исмаилов М.З.О.* Вынужденная цифровизация российского уголовного судопроизводства в современных реалиях // Цифровая наука. 2021. № 2. С. 36–44.

12. *Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е.* Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германии и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6 (115). С. 214–224.

13. *Мухина А.В., Мокосеева М.А.* К вопросу о понятии электронного правосудия // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2020. № 12. С. 1566–1572.

14. *Новопавловская Е.Е.* Деятельность Конституционного суда Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 61–65.

15. *Попова И.П.* Реализация принципов судебной власти в условиях цифровизации судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4 (91). С. 235–246.

Юн Л. В.,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин КФ РГУП,

г. Казань

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЦИФРОВОГО ПРАВОСУДИЯ И ВЛИЯНИЕ НА НЕГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ СУДЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы изучения цифрового правосудия и влияние на него конституционного правопонимания в рамках конституционного судопроизводства. Автором сделан акцент на изучении ряда ключевых аспектов, влияющих на формирование цифрового правосудия, а также ряде факторов, определяющих степень влияния конституционного правопонимания на конституционное правосудие.

Ключевые слова: цифровое правосудие; конституционное правопонимание; цифровизация; конституционное судопроизводство; персональные данные.

На сегодняшний день в современном правовом, демократическом, социальном государстве вопросам изучения цифровизации уделяется существенное внимание со стороны ученых, правоприменителей, других практических работников в сфере юриспруденции, интересующихся данной проблематикой.

В условиях коронавирусной пандемии особенно остро возник вопрос о цифровом правосудии, осуществлении всех видов судопроизводств с применением видео-конференц-связи. При помощи всевозможных онлайн площадок, специально созданных для осуществления правосудия, стало возможным проведение судебных заседаний без вызова участников того или иного вида судопроизводства, а также лиц, содействующих осуществлению правосудия. Для того чтобы более детально изучить вопрос о современном состоянии цифрового правосудия и влиянии на него конституционного правопонимания судей Конституционного Суда Российской Федерации, необходимо определиться с основополагающими факторами, являющимися ключевыми в ходе осуществления цифрового правосудия.

Профессор С.А. Авакьян в числе основополагающих начал «...современных публично-политических отношений и в целом политической системы России указывает использование достижений научно-технического прогресса как основы управления страной...» в связи с тем, что на сегодняшний день личность – это неотъемлемая часть всего общества в различных сферах его жизнедеятельности. Зачастую личность утрачивает «закрытость» частной жизни, так как при цифровом сохранении персональных данных информация о жизни лица является открытой. В связи с этим гражданин становится объектом посторонних интересов, корыстного умысла и т. д. Стоит отметить, что, несмотря на негативные аспекты, создание цифрового общения между субъектами права является достаточно важным [4, с.75], в том числе и при помощи цифрового правосудия.

По мнению Ю.В. Муромцевой первооткрывателями электронной формы правосудия стали США, где была введена система PACER (Public Access to Electronic Records), помогающая участникам судебного процесса осуществлять информирование по делу. Система PACER могла также загружать и печатать документы, ознакомлять с аудиозаписями судебного заседания, отслеживать статус дел [2, с. 136]. Постепенно в каждом государстве в судебную систему внедрялись электронные платформы для осуществления цифрового правосудия.

В Российской Федерации одним из важных шагов в сфере цифровизации правосудия было создание государственной автоматизированной системы «Правосудие». Эффективному увеличению цифрового правосудия также поспособствовало внедрение цифрового судебного заседания. Так, например, согласно статье 54 Федерального конституционного зако-

на Российской Федерации «О Конституционном Суде Российской Федерации» допускается онлайн-трансляция и в рамках конституционного судопроизводства.

Для обеспечения открытости правосудия для граждан была создана специальная программа, предусматривающая внедрение цифрового правосудия, технических средств интеллектуального обеспечения деятельности и формирования электронных дел [2, с. 91]. Все эти меры способствуют ускорению разрешения возникших правовых споров между участниками, в том числе и конституционного судопроизводства.

По справедливому мнению О.Е. Кутафина, «конституционное правосудие представляет собой единую систему поиска и поддержания балансов, соотношения как нормативной, так и правоприменительной практики и взаимодействие с конституционными принципами и ценностями российского общества» [3].

«...В современный период эффективное правосудие не может основываться только на законе, законодательстве... Суд должен применять соответствующие принципы и нормы права, содержащиеся во всех формах единой системы международного и национального права и реализуемые в государстве...» [1, с. 5].

Современное состояние цифрового правосудия обусловлено рядом ключевых факторов.

Во-первых, функционирование системы ГАС «Правосудие» представляет собой основополагающий источник информации по делам, которые рассматриваются судами судебной системы России, с полным обеспечением конфиденциальности относительно участников процесса.

Во-вторых, при помощи данной системы достаточно просто и эффективно отследить материалы дела и ознакомиться с принятым решением.

В-третьих, проведение онлайн-трансляций судебных заседаний в Конституционном Суде Российской Федерации.

В-четвертых, использование видео-конференц-связи для того, чтобы не нарушить процессуальные сроки рассмотрения дел, находящихся в производстве того или иного судебного органа власти.

Следует также отметить, что в ходе осуществления цифрового правосудия важную роль играет конституционное правопонимание.

Конституционное правопонимание тесно взаимосвязано с конституционным правосудием, поскольку в рамках осуществления последнего рождается «истина» возникших спорных правоотношений. Конституционное правосудие занимает одно из важнейших мест в развитии совре-

менного правового, демократического, федеративного, социального государства, поскольку осуществление конституционного правосудия направлено на обеспечение, защиту, охрану и восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина. Конституционное правосудие находит свое отражение через призму конституционного судопроизводства, под которой, в свою очередь, понимается деятельность органов конституционного контроля.

Для наиболее детального анализа конституционного правосудия необходимо определить, какими же признаками оно обладает. К ключевым признакам конституционного правосудия относятся самостоятельность, независимость, наличие субъектов в лице должностных лиц органов государственной власти, специальных процессуальных норм, а также возникающие правоотношения между конституционным судом и иными участниками конституционного судопроизводства.

Самостоятельность конституционного правосудия представляет собой такой признак, на основании которого конституционное судопроизводство осуществляется самостоятельно, без воздействия со стороны внешних факторов, негативно влияющих на конечный результат рассмотрения поступивших в суд материалов дела.

Под независимостью понимают процессуальную деятельность органов конституционного контроля без влияния на принятие итоговых решений других субъектов права, не являющихся участниками конституционного судопроизводства.

Наличие субъектов права в лице должностных лиц органов государственной власти подчеркивает собой тот факт, что конституционное правосудие носит абстрактный характер и не является схожим по своим компетенциям с другими судебными органами, функционирующими на территории Российской Федерации. Однако стоит отметить, что государственные органы власти могут являться не только участниками конституционного судопроизводства. Помимо этого, они вправе обращаться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации с целью проверки на предмет соответствия нормативного правового акта Конституции Российской Федерации в случае наличия сомнений в правильности изложения в нем норм, наличия правовой неопределенности.

Специальные процессуальные нормы, как правило, регламентируют деятельность Конституционного Суда на основании анализа и изучения спорных материалов дела, поступивших в суд для их рассмотрения.

Возникшие правоотношения между участниками судопроизводства обуславливают факт наличия пробелов в праве, правовых неопределенностей в отраслевом российском законодательстве, тем самым требуя проведения детального анализа закрепленных в федеральном, региональном и местном законодательстве норм.

Особенности конституционного правосудия обусловлены наличием индивидуально-определенных черт. Важной особенностью конституционного правосудия является то, что Конституционный Суд Российской Федерации не рассматривает дела, связанные с установлением фактических обстоятельств дела. Суть конституционного правосудия состоит в том, что оно направлено на разрешение дел по проверке на соответствие принятых нормативных правовых актов Конституции Российской Федерации.

Следующей, не менее важной особенностью конституционного правосудия является то, что в зависимости от рассматриваемого предмета исследования всегда меняется и состав участников конституционного судопроизводства.

Пределы проверки и допустимость проверки также всегда являются различными в зависимости от той категории дела, которую рассматривает Конституционный Суд РФ.

Правовые позиции, являющиеся базисом в принимаемых итоговых решениях, занимают в них ключевую роль, так как в зависимости от них будет принято решение об удовлетворении обращения или же в отказе в удовлетворении требований заявителя.

В связи с этим фактом хотелось бы дать более детальную характеристику конституционного правопонимания как ключевого элемента российского правосудия.

Во-первых, конституционное правопонимание, будучи одной из доктрин концепций правопонимания, занимает важное место в конституционном правосудии. Это, прежде всего, относится к реализации правоприменительного процесса и вынесению итоговых решений.

Во-вторых, при помощи конституционного правопонимания происходит детальный процесс толкования конституционных положений и других норм, закрепленных в российском законодательстве.

В-третьих, роль конституционного правопонимания обуславливается доктринальными правовыми позициями, являющимися основой итоговых решений.

Конституционное правопонимание, формирующееся у судей Конституционного Суда Российской Федерации в ходе реализации право-

применительного процесса, оказывает впоследствии важную роль в ходе охраны и защиты нарушенных конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Следует отметить, что, действительно, осуществление конституционного судопроизводства с применением информационных технологий позволит ускорить процесс рассмотрения дел с учетом сокращения сроков для вызова сторон и иных участников конституционного судопроизводства, экспертов и специалистов, необходимых для дачи пояснений по рассматриваемым материалам судьями Конституционного Суда Российской Федерации.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что цифровое конституционное правосудие является одним из наиболее важных элементов в развитии современного российского конституционализма. Будучи органом судебного конституционного контроля, Конституционный Суд Российской Федерации имеет своей целью восстановление и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, что является важным признаком в построении современного демократического, правового государства.

Список источников

1. *Еришов В.В.* Право и правосудие как парные категории // Российское правосудие. 2014. №1(93). С. 5–17.

2. *Муромцева Ю. В.* Электронная форма судопроизводства за рубежом // Инновационная наука. 2019. № 4. С. 136.

3. *Остапович И.Ю.* Судебный конституционный контроль и нормотворчество: проблемы соотношения: учеб. пособие. М. : РИОР: ИНФРА-М, 2015. 230 с.

4. *Пашенцев Д. А.* Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды : монография / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма: ИНФРА-М, 2021. 244 с.

РАЗДЕЛ III.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Каримова И. И.,

помощник судьи Верховного Суда Республики Татарстан,

г. Казань

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Аннотация. Автор рассуждает об условиях, способствующих подготовке дела к судебному разбирательству в виде проведения предварительного судебного заседания. В статье раскрыты основные условия проведения предварительного судебного заседания, его цели и задачи.

Ключевые слова: гражданское процессуальное законодательство; эффективность гражданского судопроизводства; предварительное судебное заседание, цели и задачи.

Реформа российского гражданского процессуального законодательства, проводимая в наши дни, приводит к введению новых институтов, назначение которых состоит в усилении защиты прав, нарушенных или оспоренных интересов заинтересованных лиц, а также в повышении эффективности гражданского судопроизводства, экономии процессуальных средств, наряду с вынесением законного и обоснованного решения, укреплении законности в государстве.

Для достижения вышеназванных результатов новый ГПК РФ [7] предусматривает в статье 152 проведение при подготовке дела к судебному разбирательству предварительного судебного заседания.

Соблюдение требований закона о проведении надлежащей подготовки гражданских дел к судебному разбирательству является одним из основных условий правильного и своевременного их разрешения [11].

Не проведение либо формальное проведение подготовки дел к судебному разбирательству, как правило, приводит к отложению судебного разбирательства, волоките, а в ряде случаев и к принятию необоснованных решений.

Судья вправе приступить к подготовке дела к судебному разбирательству только после возбуждения гражданского дела в суде и вынесения определения о принятии заявления к производству суда (статья 133 ГПК РФ)

Предварительное судебное заседание является одним из действий, совершаемых судьей при подготовке (часть 1 статьи 150 ГПК), которое не обязательно по каждому гражданскому делу. Судебное заседание в гражданском судопроизводстве проводится как для разбирательства гражданского дела, так и для разрешения различных процессуальных вопросов. Предварительное судебное заседание осуществляется для решения вопросов, касающихся подготовки дела к судебному разбирательству, и иных, разрешение которых нецелесообразно переносить в стадию судебного разбирательства. Предварительное судебное заседание не является разбирательством дела по существу, не подменяет его, а способствует своевременному и правильному рассмотрению и разрешению дела в стадии судебного разбирательства либо разрешению вопроса о невозможности рассмотрения дела в судебном разбирательстве.

Одной из целей предварительного судебного заседания является процессуальное закрепление распорядительных действий сторон, совершенных при подготовке дела к судебному разбирательству, что обусловлено действием принципа диспозитивности. К таким распорядительным действиям относятся отказ от иска, изменение основания или предмета иска, заключение мирового соглашения либо соглашения о передаче данного спора на рассмотрение и разрешение третейского суда.

Признание иска ответчиком на стадии подготовки можно также считать распорядительным действием. [8, с. 97.] При этом в случаях отказа истца от иска, признания иска ответчиком и заключения мирового соглашения суд должен, руководствуясь статьёй 173 ГПК, разъяснять сторонам последствия совершения данных процессуальных действий. Будучи обязанным контролировать диспозитивные действия сторон, судья в соответствии с частью 2 статьи 39 ГПК может не принять отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утвердить мировое соглашение, если эти действия противоречат закону или нарушают права и законные интересы других лиц.

Целью предварительного судебного заседания является и определение предмета доказывания, что направлено на решение первой задачи – уточнение обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Судья должен конкретизировать, точно опре-

делить предмет доказывания. Необходимость предварительного судебного заседания обусловлена возможностью заблуждения сторон относительно совокупности фактов, подлежащих доказыванию. В этом случае суд именно в предварительном судебном заседании выносит на обсуждение сторон юридически значимые обстоятельства, на которые стороны не сослались, и разъясняет, кем они подлежат доказыванию (часть 2 статьи 56 ГПК).

Несомненно, важная цель – определение достаточности доказательств по делу. Выявив, что представлены не все необходимые доказательства, а также иные доказательства, подтверждающие заявленные требования и выдвинутые возражения, суд вправе предложить сторонам представить дополнительные доказательства (часть 1 статьи 57 ГПК).

Предварительное судебное заседание проводится также с целью исследования фактов пропуска сроков обращения в суд и сроков исковой давности. Данные сведения суд получает из представленных ответчиком возражений либо из ходатайства истца о восстановлении пропущенного срока.

При рассмотрении вопроса о пропуске срока исковой давности суд должен обратиться к нормам материального права, в частности гл. 12 ГК РФ, а также учитывать постановления Пленума Верховного Суда РФ № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» [12] и № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» [13], где сказано, что исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре (пункт 2 статьи 199 ГК РФ). Поэтому необходимо иметь в виду, что заявление о пропуске срока исковой давности, сделанное третьим лицом, не служит основанием для применения судом исковой давности, если соответствующее заявление не сделано стороной по спору.

В стадии подготовки возможно не только представление доказательств, подтверждающих истечение срока исковой давности, но также и исследование фактов пропуска сроков исковой давности. При этом предварительное судебное заседание выступает в качестве процессуальной формы (процедуры) совершения данного действия. Что касается момента, до которого возможна постановка вопроса о применении последствий истечения срока исковой давности, то позиция законодателя по данному вопросу не изменилась.

Предварительное судебное заседание – это этап подготовки дела к судебному разбирательству, проводимый судьей в факультативном порядке с учетом мнения сторон. Предварительное судебное заседание имеет двоякую природу: с одной стороны, это этап подготовки дела к судебному разбирательству, с другой – это судебное заседание, в ходе которого может осуществиться правосудие.

Норма о предварительном судебном заседании нуждается в существенной доработке. Так, недостаточно полно определен круг лиц, участвующих в предварительном судебном заседании, нет четко определенной процедуры его проведения.

Обязательны проведения предварительного судебного заседания по делам, ответчиком по которым является учреждение жилищно-коммунального хозяйства или социальной сферы.

Предварительное судебное заседание проводится судьей единолично. Стороны и третьи лица извещаются о времени и месте предварительного судебного заседания. Неявка надлежаще извещенных сторон и третьих лиц не препятствует проведению предварительного судебного заседания. Судья разъясняет участвующим в деле лицам их права и обязанности, сторонам разъясняется право на отвод, право участвовать в предварительном судебном заседании на родном языке.

Судья выясняет у сторон, не желают ли они заключить мировое соглашение, не желает ли ответчик признать иск, а истец – отказаться от иска.

Стороны в предварительном судебном заседании имеют право представлять доказательства, приводить доводы, заявлять ходатайства.

Прокурор участвует в предварительном судебном заседании по делам о признании гражданина недееспособным. В случае участия в предварительном судебном заседании несовершеннолетних судья может привлечь к участию в заседании психолога.

О приостановлении или прекращении производства по делу, об оставлении заявления без рассмотрения выносятся определение суда. На определение суда может быть подана частная жалоба.

В предварительном судебном заседании рассматриваются возражения ответчика относительно пропуска истцом без уважительной причины срока исковой давности для защиты права и установленного федеральным законом срока обращения в суд. При установлении факта пропуска без уважительных причин срока исковой давности или срока обращения в суд судья принимает решение об отказе в иске без исследования факти-

ческих обстоятельств по делу. Решение суда может быть обжаловано в апелляционном и кассационном порядке.

В случае, если срок исковой давности или срок обращения в суд не пропущен или вопрос о восстановлении указанных сроков решен судьей положительно, дело может быть рассмотрено судьей единолично, и в ходе предварительного судебного заседания судья придет к выводу о том, что доказательств достаточно для рассмотрения дела по существу, а стороны не придут в ходе предварительного судебного заседания к мировому соглашению или решению признать иск (отказаться от иска), судья может предложить сторонам перейти к рассмотрению дела по существу. В случае положительного решения данного вопроса предварительное судебное заседание закрывается, и судья открывает судебное заседание по рассмотрению дела, о чем делается отметка в протоколе предварительного судебного заседания.

Развивая состязательность судопроизводства и одновременно повышая защиту прав и свобод участников процесса, предварительное судебное заседание приближает российский гражданский процесс к мировым стандартам, способствует его интеграции в мировую правовую систему.

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Белов В.А. Гражданское право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для академ. бакалавриата. М. : Юрайт, 2019. 451 с.
3. Бондаренко В.Е. Гражданский процесс: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019. 250 с.
4. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. М.: Юрайт, 2021. С. 217.
5. Герасимова С.В. Судебное разбирательство. М. : Молодой ученый, 2019. № 16. 53 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
8. Изварина А.Ф. Судебная система России. Концептуальные основы организации, развития и совершенствования. М. : Проспект, 2020. 304 с.
9. Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учебник и практикум. М. : Юрайт, 2019. 394 с.
10. Лебедев М.Ю., Барсукова В.Н., Шаяхметова М.Н. Гражданский процесс: учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2019. 446 с.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Российская газета. 2008. № 140. 2 июля.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186662/ (дата обращения: 16.07.2022).

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2021. № 144. 2 июля.

14. *Чвиров В.В.* Судебное делопроизводство: учеб. пособие. М. : Юрайт, 2019. С. 352.

Татаренко Л. А.,

*преподаватель кафедры гражданского права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИООБЪЕКТОВ И БИОМАТЕРИАЛОВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются правоотношения в сфере биомедицинских технологий, а также правоотношения, возникающие в связи с использованием биоматериалов человека в биомедицинской деятельности, также оценивается возможность использования донорских органов и тканей человека в гражданском обороте.

Ключевые слова: биомедицинские технологии; биомедицинские правоотношения; гено-инженерная деятельность; биообъекты; биоматериал; донорство.

Технологический прогресс, в том числе в биологии и медицине, сегодня дает широкое толкование возможностей использования биологических объектов (биоматериалов и органов) не только в научных и медицинских целях, но и в производственных. При этом правовая регламентация на современном этапе находится только на стадии становления и особенно в отношении биообъектов (органов и биоматериалов) человека.

Понятие биообъектов человека мы рассматриваем шире понятия биоматериалов, так как биообъекты будут включать в себя органы и ткани человека, а также биоматериалы (клетки крови, волосы, репродуктивные клетки и пр.).

Рассмотрим нормативно-правовые акты, которые так или иначе могут регулировать вопрос фактического использования биообъектов человека.

В сфере гражданско-правового регулирования существуют нормы, в основном затрагивающие вопросы биотехнологического характера, где биоматериал человека используется (может быть использован) в составе изобретения как объекта патентного права (пример – биотехнологии). Такое использование сегодня возможно ввиду отсутствия запрета, хотя есть определённые этические ограничители, установленные п. 4 ст. 1349 ГК РФ. В частности, не могут быть объектами патентных прав:

- 1) способы клонирования человека и его клон;
- 2) способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека;
- 3) использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях;
- 4) результаты интеллектуальной деятельности, если они противоречат *общественным интересам, принципам гуманности и морали*.

Также некоторые авторы предлагают включить в список запрета патентования тело человека на любой стадии развития, в том числе зародышевые клетки, а также изолированную или частичную последовательность ДНК [7, с. 15].

Действительно, распространение режима исключительных прав на генно-инженерную деятельность ограничен проблемой коммерциализации генома человека. Так, доклад Консультативного совещания экспертов по правам человека и биотехнологии [1], согласно разделу 3, посвященному патентованию генетических материалов, указывает, что связанные между собой вопросы патентования генетических материалов и получение выгоды в результате коммерческого использования таких материалов в настоящее время представляются наиболее важными вопросами в области прав человека и биотехнологии.

Но, следует заметить, что до сих пор в российском законодательстве никак не закреплено ни понятие «биотехнология», ни «биомедицинская технология», ни правовая регламентация процесса ее создания, тогда как научно-технологические программы развития РФ предполагают особое внимание развитию генетических технологий, в том числе технологий

генетического редактирования, и создание научно-технологических объектов для медицины [6].

Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» закрепляет основы генно-инженерной деятельности и регулирует отношения в сфере охраны здоровья граждан, возникающие при осуществлении указанной деятельности, в частности охватывает вопросы генетической диагностики и генотерапии. При этом закон не рассматривает порядок осуществления генно-инженерной деятельности и ее применения к человеку и его организму в частности.

В качестве объектов генно-инженерных правоотношений, фактически существующих в медицинской (в том числе платной) практике, мы можем отнести непосредственно биоматериал человека, клетки которого могут рассматриваться в качестве материального носителя генетической информации. Ввиду того что генетическая информация представляется нам разновидностью персональных данных, мы можем рассматривать эту информацию как нематериальное благо. Помимо вышеназванного, следует отметить, что в процессе генно-инженерной деятельности мы можем получить результат интеллектуальной собственности. Но в любом случае нематериальные блага будут являться обязательным объектом во всех комплексных генно-инженерных правоотношениях.

Возможность легального использования органов и тканей человека мы можем наблюдать в публично-правовых отношениях в сфере оказания медицинской помощи. Так, закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» определяет условия и порядок трансплантации, где процесс пересадки органов и тканей человека выступает в качестве средства спасения жизни или восстановления здоровья. Закон также устанавливает перечень объектов трансплантации [2], но стоит иметь в виду, что данные объекты не являются объектами гражданско-правового регулирования и рассматривать их через призму ст. 128 ГК РФ не стоит, за исключением разве что таких объектов, как «нематериальные блага».

Тем не менее ряд российских правоведов рассматривает органы и ткани человека в качестве вещей, где право собственности на них принадлежит гражданину, у которого они изъяты, или же его наследникам [4]. Подобная позиция видится нам весьма спорной, а отнесение органов и тканей человека к объектам вещного права недопустимым в связи с тем, что органы человека не могут рассматриваться в качестве объекта гражданского оборота и, соответственно, вещью из-за их особой право-

вой природы и связи с самим человеком, тем более что за совершение сделок купли-продажи органов человека может наступить уголовная ответственность согласно ч. 1 ст. 127.1 УК РФ [8].

Тем не менее стоит отметить, что действие закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» не распространяется на репродуктивные органы и ткани, а именно: яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы; а значит, данные биообъекты (органы, ткани и клетки) человека могут быть использованы и используются в гражданском обороте ввиду отсутствия запрета.

В первую очередь, гражданам предоставляется право на проведение криоконсервации и хранения своих половых клеток, тканей и эмбрионов как бесплатно (за счет дотаций государства), так и возмездно. Последнее подпадает под гражданско-правовое регулирование договора хранения. При этом закон не запрещает использование в репродуктивных технологиях клеток донора, и в случае договорного донорства предметом договора будет являться *возмездная* передача *биологического материала* (купля-продажа).

Несмотря на отсутствие правовой регламентации биоматериалов человека, использование данного термина в качестве объекта правоотношений мы можем наблюдать как в договорной, так и в правоприменительной практике. Например, по делам об оспаривании отцовства при разрешении споров, связанных с применением методов вспомогательных репродуктивных технологий, необходимо учитывать, давал ли отец согласие на использование донорского биологического материала [5].

Также следует отметить позицию Верховного Суда в деле об оспаривании отцовства, где истец указывает, что при заключении с ответчиком договора на предоставление платной медицинской услуги с использованием вспомогательных репродуктивных технологий (методом ЭКО) он имел намерение на рождение ребенка с использованием своих биологических материалов, однако ответчики провели ЭКО с *донорским генетическим материалом* [3]. Данная позиция примечательна тем, что суд четко выделяет особенность используемого в правоотношениях биоматериала, а именно клеток с генетическим материалом, способным к воспроизводству (созданию) человека в будущем.

Биоматериалы фактически используются в научных, медицинских целях, но самое важное, что они могут быть использованы и используются в том числе и в коммерческих целях.

Проблемами на сегодняшний день являются отсутствие должного объема правового регулирования биообъектов и биоматериалов, в частности отсутствие четкого разделения биообъектов человека на те, которые могут находиться в гражданском обороте, и те, которые однозначно из него исключаются. Также нам видится необходимым установление особого правового регулирования в отношении биоматериалов, использование которых влечет за собой создание человека – субъекта, а не «объекта» правовых отношений.

Список источников

1. Доклад Консультативного совещания экспертов по правам человека и биотехнологии (Женева, 24–25 января 2002 г.). Документ опубликован не был.
2. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 08.12.2020) «О трансплантации органов и (или) тканей человека». [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> - 08.12.2020 (дата обращения: 10.06.2022).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 46-КГ19-24 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=610830#KIXigCTV5xxXsDvK> (дата обращения: 10.06.2022).
4. *Осипова Л.В., Юдин Е.В.* Трансплантация органов (тканей) человека в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // *Медицинское право.* 2016. № 3. С. 34–38.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=C9JjgCTmYnMs77qU1&cacheid=4CFF8E6F6C3337119DE80071DADC2691&mode=splu&rnd=DcbIJw&base=LAW&n=286689&dst=100000001#mNLjgCT0whUu6JZR> (дата обращения: 10.06.2022).
6. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Научно-технологическое развитие Российской Федерации"» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=izuJgCT6bjo5fWzv&cacheid=4D9F94E2D9F68EDA1D75238DF19E4D92&mode=splu&rnd=DcbIJw&base=LAW&n=399452#ldvjgCTSpYFTTMe6> (дата обращения: 10.06.2022).
7. *Трубина В.А.* Ткани и органы человека как объекты гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 26 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // *Собрание законодательства РФ.* 1996. № 25. Ст. 2954.

Тищенко С. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород

РАНЕЕ УЧТЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ НЕДВИЖИМОСТИ: ПРИЗНАНИЕ РАНЕЕ ВОЗНИКШИХ ПРАВ, ПРАВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СИЛУ ЗАКОНА

Аннотация. Статья посвящена проблемам учета в ЕГРН ранее учтенных объектов недвижимости, права на которые возникли до вступления в силу Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21.07.1997 № 122-ФЗ, и необходимостью установления порядка выявления правообладателей таких объектов в соответствии с положениями вступившего в силу Федерального закона от 30.12.2020 № 518-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Ключевые слова: государственная регистрация недвижимости; ранее учтенные объекты недвижимости; признание ранее возникших прав.

29 июня 2021 года вступил в силу Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 518-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 158-ФЗ) [6], которым установлен порядок выявления правообладателей ранее учтенных объектов недвижимости.

В настоящее время в России существует большое количество объектов недвижимости, права на которые не зарегистрированы в ЕГРН и у которых отсутствуют сведения о правообладателях. При этом собственники могут заблуждаться в том, что их права зарегистрированы, а наследники могут не знать о том, что у наследодателя имелись права на недвижимость из-за отсутствия заявления правообладателя о государственной регистрации права после вступления в силу Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21.07.1997 № 122-ФЗ (далее – Закон № 122-ФЗ) [3]. Также причиной отсутствия у государства сведений о правообладателях недвижимости является отсутствие своевременного и качественного межведомственного взаимодействия органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, подведомственных организаций, имеющих сведения об инвентаризации недвижимости, права на которые возникли до 1997 года, и нотариусов. В соответствии с вступившим 29.06.2021 в силу Законом № 518-ФЗ, которым до-

полнен Федеральный закон от 13.07.2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее Закон № 218-ФЗ) [5], в частности пунктом 2 части 2 статьи 69.1 указанного закона, предусмотрено: направление запроса в органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации, осуществлявшие до дня вступления в силу Закона № 122-ФЗ учет и регистрацию прав на объекты недвижимости, а также нотариусам в целях получения сведений о правообладателях ранее учтенных объектов недвижимости, которые могут находиться в архивах и (или) в распоряжении таких органов, организаций или нотариусов.

В каждом субъекте Российской Федерации передача инвентаризационных дел в АО «Ростехинвентаризация – Федеральные БТИ», правоустанавливающих документов на ранее учтенные объекты недвижимости и/или документов, удостоверяющих права на такие объекты недвижимости, с местного уровня на федеральный уровень и уровень субъекта РФ происходила в 1997–1998 годах. Актуальные сведения о недвижимости, права на которую не зарегистрированы в соответствии с требованиями действующего законодательства о государственной регистрации недвижимости, в настоящее время в ЕГРН отсутствуют, они не являются открытыми и предоставляются по запросам заинтересованных лиц в основном за плату из архивов и органов БТИ.

Таким образом, отсутствие актуальных и достоверных сведений о правообладателях ранее учтенных объектов недвижимости снижает степень защиты права собственности и иных вещных прав на такой объект. При этом имеется риск невозможности учета наличия соответствующего права, например: при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд, согласовании местоположения границ земельных участков, решении вопроса о лице, несущем бремя содержания объекта недвижимости, и в других случаях.

В настоящее время ранее учтенных объектов недвижимости, права на которые возникли до вступления в силу Закона № 122-ФЗ и признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, сведения о правообладателях которых отсутствуют в ЕГРН, насчитывается около 25 млн.

Поэтому Закон № 158-ФЗ принят с целью установления порядка выявления правообладателей ранее учтенных объектов недвижимости и закрепления возможности внесения в ЕГРН сведений о правообладателях ранее учтенных объектов недвижимости.

Отсутствие в ЕГРН актуальных и достоверных сведений о правообладателях объектов недвижимости может быть связано и с тем, что объем таких сведений в правоустанавливающих (правоудостоверяющих) документах не позволяет однозначно определить владельца объекта недвижимости. В государственных актах о праве постоянного пользования на землю, оформленных в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 17 сентября 1991 г. № 493 [2], или в свидетельстве о праве на землю, оформленном в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 19 марта 1992 г. № 177 [1], могут быть указаны только фамилия, имя и отчество правообладателя. Действующее же в настоящее время законодательство о регистрации недвижимости предусматривает необходимость наличия в ЕГРН реквизитов документов, удостоверяющих личность, а также сведений о СНИЛС гражданина.

Также в соответствии с положениями Закона № 218-ФЗ предусмотрена процедура внесения в ЕГРН сведений о правообладателях таких объектов при наличии заявления такого лица о регистрации ранее возникшего права в ЕГРН и уплаты государственной пошлины. Таким образом, при отсутствии волеизъявления правообладателя такие объекты недвижимости, несмотря на признание Законом № 122-ФЗ ранее установленных прав на них юридически действительными, с точки зрения действующего законодательства в сфере регистрации недвижимости не могут иметь актуальных сведений об их правообладателе.

В связи с этим Законом № 518-ФЗ предусмотрено, что органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления проводят на территориях субъектов РФ и муниципальных образований мероприятия по выявлению правообладателей объектов недвижимости, которые считаются ранее учтенными объектами недвижимости или сведения о которых могут быть внесены в ЕГРН по правилам, предусмотренным для внесения сведений о ранее учтенных объектах недвижимости.

Такие мероприятия по выявлению ранее учтенных объектов недвижимости должны включать в себя: 1) проведение анализа сведений, содержащихся в документах, имеющихся в архивах; 2) направление запросов в соответствующие органы власти и организации в целях получения сведений о правообладателях ранее учтенных объектов недвижимости; 3) опубликование сообщений (на официальных сайтах органов власти) о способах и порядке предоставления в уполномоченные

органы сведений о правообладателях ранее учтенных объектов (как самими правообладателями, так и иными заинтересованными лицами); 4) подготовку проекта решения о выявлении правообладателя ранее учтенного объекта недвижимости (после получения ответов на запросы и проведения анализа сведений).

Указанная процедура проводится в том случае, если правоустанавливающие документы на ранее учтенные объекты недвижимости или документы, удостоверяющие права на такие объекты недвижимости, были оформлены до дня вступления в силу Закона № 122-ФЗ и права на такие объекты недвижимости, подтверждающиеся указанными документами, не зарегистрированы в ЕГРН.

При этом в случае несогласия с результатами проведенных органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления указанных мероприятий лицо, выявленное в качестве правообладателя ранее учтенного объекта недвижимости, либо иное заинтересованное лицо вправе направить в письменной форме возражения.

Если в уполномоченный орган заинтересованным лицом представлены возражения, то решение о выявлении правообладателя ранее учтенного объекта недвижимости не принимается. При этом уполномоченный орган вправе обратиться в суд с заявлением об установлении юридического факта принадлежности ранее учтенного объекта недвижимости указанному правообладателю. Установление такого факта вступившим в законную силу решением суда является основанием для принятия уполномоченным органом решения о выявлении правообладателя ранее учтенного объекта недвижимости.

Закон № 158-ФЗ предусматривает дополнение статьи 17 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон № 3-ФЗ) [4] положениями, предусматривающими обязанность полиции представлять по запросам уполномоченных органов сведения о первичной выдаче и (или) замене документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, выданного правообладателю ранее учтенных объектов недвижимости, об адресах регистрации такого лица по месту жительства (актуальных и предыдущих), о дате и месте рождения.

Также предусмотренные Законом № 518-ФЗ изменения не предполагают осуществление государственной регистрации прав на ранее учтенные объекты недвижимости, права на которые возникли до вступления в силу Закона № 122-ФЗ. Положения Закона № 518-ФЗ не отме-

няют и существующий в настоящее время в действующем законодательстве принцип, согласно которому права на объекты недвижимости, возникшие до дня вступления в силу Закона № 122-ФЗ, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации в ЕГРН. Кроме того, изменения, внесенные Законом 518-ФЗ, не ограничивают участников гражданского оборота в возможности осуществить государственную регистрацию прав на ранее учтенные объекты недвижимости в любой период времени по их усмотрению.

Таким образом, целью реализации положений нового Закона № 158-ФЗ является повышение эффективности налогообложения недвижимого имущества, что позволит обеспечить дополнительные поступления в региональные и местные бюджеты от имущественных налогов в отношении ранее учтенных объектов недвижимости.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 19.03.1992 № 177 «Об утверждении форм свидетельства о праве собственности на землю, договора аренды земель сельскохозяйственного назначения и договора временного пользования землей сельскохозяйственного назначения» // Российская газета (спецвыпуск). 1992. 15 апреля. (Утратил силу в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 23.12.2002 № 919.)

2. Постановление Совмина РСФСР от 17.09.1991 № 493 (с изм. от 25.01.1999) «Об утверждении форм Государственного акта на право собственности на землю, пожизненного наследуемого владения, бессрочного (постоянного) пользования землей» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 16.06.2022). (Утратил силу в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 23.12.2002 № 919).

3. Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594. (Документ утратил силу с 1 января 2020 года в связи с изданием Федерального закона от 03.07.2016 № 361-ФЗ. С 1 января 2017 года государственная регистрация недвижимости осуществляется в порядке, установленном Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»).

4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

6. Федеральный закон от 30.12.2020 № 518-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 57.

Шалагинов П. Д.,
кандидат юридических наук,
г. Нижний Новгород

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗАПРЕЩЕННОЙ СИМВОЛИКИ

Аннотация. В работе автор рассматривает современное состояние правового регулирования описания и фиксации запрещенной символики. Исследуется судебная практика привлечения к административной ответственности за использование запрещенной символики.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях; запрещенная символика; административная ответственность.

И в первоначальной [23], и в новой [24] Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации в качестве одной из задач определена необходимость разработки и осуществления системы мер, направленных на повышение эффективности профилактики, выявления и пресечения административных правонарушений экстремистской направленности (подпункт «д» пункта 31). Ее решение мы связываем не только с совершенствованием законодательства о противодействии экстремистской деятельности, но и, прежде всего, детального изучения особенностей привлечения к ответственности за его нарушение.

В настоящее время правовое регулирование в сфере противодействия экстремизму динамично развивается. Помимо появления новых правовых норм, подвергаются реформированию или дополнению положения, казалось бы, «устоявшихся» статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ). К их числу можно отнести ст. 20.3 КоАП РФ, на относительную сложность правовой конструкции которой указывают некоторые авторы [21, с. 42].

Объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ, являются общественные отношения, связанные с пропагандой либо публичным демонстрированием нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иной атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещено в соответствии с федеральными законами.

Исходя из содержания ст. 20.3 КоАП РФ, можно заключить, что не допускается пропаганда или публичное демонстрирование следующих видов атрибутики или символики: нацистской; экстремистских организаций; иной, запрещенной федеральными законами, например террористических организаций (далее также – запрещенной символики).

Рассмотрим, каким образом юридически осуществляется описание и фиксация данных видов символики.

1. Запрет использования, включая публичное демонстрирование, **нацистской** атрибутики или символики либо сходных с ними до степени смешения атрибутики или символики, а также являющихся экстремистскими материалами изображений руководителей групп, организаций или движений, *признанных преступными* в соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала, установлен в части 2 ст. 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [25] (далее – Закон «Об увековечении Победы»).

Описание «нацистской атрибутики и символики», а также сходных с ними до степени смешения отдельным правовым актом не определено.

Согласно частям 3 и 4 ст. 6 Закона «Об увековечении Победы» запрещена пропаганда либо публичное демонстрирование атрибутики или символики, а также являющихся экстремистскими материалами изображений руководителей организаций, *сотрудничавших* с указанными выше лицами либо *отрицающих факты и выводы*, установленные приговором Международного военного трибунала. Перечень организаций, указанных в частях 3 и 4 ст. 6 Закона «Об увековечении Победы», а также их атрибутики и символики должен определяться в соответствии с правилами, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации [16]. Однако описание атрибутики и символики указанных организаций до настоящего момента Министерством юстиции России не ведется и их перечень не определен [2].

Нацистская атрибутика и символика включает значки, знамена, элементы форменной одежды и ее отличительные знаки, приветствия, которые использовались организациями, признанными преступными, решением Нюрнбергского международного трибунала, и их воспроизведение в любой доступной форме. Зачастую для признания атрибутики или символики нацистской либо сходной с ней до степени смешения требуется решение суда, которое принимается на основании проведенного специалистом исследования.

2. Согласно пункту 4 ст. 1 и части 6 ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [27] описание символики **экстремистской организации** содержится в учредительных документах организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о ее ликвидации или запрете ее деятельности по причине осуществления экстремистской деятельности, и должно быть размещено в сети Интернет на сайте Минюста России вместе с перечнем таких организаций.

В соответствии с законодательством Российской Федерации общественные объединения и организации при регистрации в учредительных документах обязаны указать символику или атрибутику, только если они ее имеют и предполагают использовать [25, ст. 20; 26, ч. 5 ст. 3]. В связи с этим, несмотря на то что перечень организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, установленным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», размещен на сайте Министерства юстиции России, описание их символики отсутствует [2].

Кроме указанного выше перечня экстремистских организаций Министерство юстиции России ведет федеральный список экстремистских материалов, в который включены символы, признанные судами как экстремистскими, так и нацистскими. Например, отдельные символы, сходные до степени смешения с нацистскими, например «Коловрат» (№ 3353), используемые религиозным движением неоязыческого толка, также включены в федеральный список экстремистских материалов.

Механизм формирования федерального списка экстремистских материалов подвергается справедливой критике, поскольку «в нем отсутствует какая-либо систематизация, на одной странице можно найти как символы, так и различную литературу, публикации и т. д., причем публицистические материалы заметно преобладают» [3, с. 110], высказывается более радикальное предложение реформировать (возможно, упразднить) такой механизм, как федеральный список экстремистских материалов [22, с. 57].

Отмеченные проблемные вопросы объединения в федеральном списке не только экстремистских, но и нацистских материалов предполагают привлечение лица, опубликовавшего такую символику, одновременно и по статье 20.3 КоАП РФ, и по статье 20.29 КоАП РФ [20, с. 56]. Но это, на наш взгляд, не является идеальной совокупностью правонарушений и противоречит части 5 ст. 4.1 КоАП РФ, согласно которой никто

не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение.

3. В соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» [28] органы федеральной службы безопасности ведут единый федеральный список организаций, которые признаны **террористическими** в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако отсутствует нормативное требование к размещению и описанию символики данных организаций. Исходя из того, что согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» терроризм является одной из разновидностей экстремизма, целесообразно рассмотреть вопрос о создании единого реестра символики (с ее описанием) организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о признании их экстремистскими или террористическими.

Объективную сторону административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ, образует пропаганда либо публичное демонстрирование запрещенной символики или сходной с ней до степени смешения.

Объективная сторона правонарушения, ответственность за которое предусмотрена по части 1 ст. 20.3 КоАП РФ, совершенного с использованием сети Интернет, как правило, выражается в демонстрации на открытой и доступной для просмотра и ознакомления неограниченному кругу лиц странице сайта в сети Интернет фото- или видеоизображений: фигур людей в военной форме фашистской Германии, на которых расположены награды в виде креста, нарукавные повязки с нацистской символикой; свастики; флагов и эмблем, запрещенных на территории России и признанных экстремистскими или террористическими организациями, и др.

Судебная практика показывает, что наличие объективной стороны правонарушения подтверждается документами, оформленными в результате:

– проведения проверочных мероприятий органами прокуратуры по информации, поступившей из органов внутренних дел [11; 4], полученной по результатам мониторинга сети Интернет [15; 17]. Данные сведения правоохранительные органы получают, как правило, посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий [7; 14];

– непосредственного обнаружения достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, должностным лицом, уполномоченным возбуждать дело об административном правонарушении [18; 9].

Результаты проверочных мероприятий оформляются разными видами документов, которые принимаются судами в качестве доказательств: акт сбора образцов для сравнительного исследования; протокол наблюдения электронного ресурса; справка по результатам проведения проверки и др. К ним, как правило, прилагаются скриншоты страницы пользователя, разместившего материал в сети Интернет с фотоизображениями.

В необходимых случаях по инициативе правоохранительных органов, выявивших правонарушение, проводятся исследования представленных материалов специалистами, результаты которых также становятся доказательствами в судах [8; 12; 10]. В них выясняется вопрос об отнесении обнаруженной символики или атрибутики к нацистской, экстремистской или иной запрещенной законом.

Объективная сторона административного правонарушения по части 2 ст. 20.3 КоАП РФ связана с изготовлением или сбытом в целях пропаганды либо приобретением в целях сбыта или пропаганды запрещенной символики, либо сходной с ней до степени смешения. Так, например, гражданин разместил на сайте в сети Интернет объявление о продаже военного знака «За ранение» Третьего Рейха, содержащего нацистскую символику (свастику и иную нацистскую символику), после чего предъявил его к продаже, в связи с чем был привлечен [6] к административной ответственности по части 2 ст. 20.3 КоАП РФ.

Субъектами административного правонарушения по ст. 20.3 КоАП РФ могут быть граждане, должностные и юридические лица.

В настоящее время большинство рассматриваемых правонарушений совершается с использованием сети Интернет, в связи с чем необходимо получить сведения о принадлежности страницы сайта лицу, которое осуществило пропаганду либо публичное демонстрирование запрещенной символики. Принадлежность лицу телефонного номера, сетевого адреса, использовавшихся для размещения запрещенной символики в сети Интернет, как правило, подтверждается объяснениями лица либо устанавливается у оператора связи или организатора распространения информации в сети Интернет [12; 7].

Субъективную сторону данного административного правонарушения составляет умышленная форма вины. Демонстрация запрещенной символики, ее изготовление либо сбыт квалифицируются по частям 1 и 2 ст. 20.3 КоАП РФ, когда нацелены на пропаганду данной символики. Именно поэтому ст. 20.3 КоАП РФ была дополнена [29] примечанием, которым установлено, что положения данной статьи не действуют в слу-

чае использования запрещенной символики, либо сходной с ней до степени смешения, для формирования негативного отношения к идеологии нацизма и экстремизма и при отсутствии признаков пропаганды. Следовательно, не влечет административной ответственности демонстрация запрещенной символики, когда оно не связано с пропагандой, например: в художественном произведении, в рамках научных исследований, при подготовке других материалов, в которых осуждается нацизм либо излагаются исторические события.

В связи с этим для подтверждения умысла лица на совершение правонарушения, в текстах некоторых судебных решений содержатся выводы о том, что конкретные обстоятельства дела не позволяют сделать вывод о том, что публичное демонстрация символики экстремистской организации совершено в целях формирования негативного отношения к идеологии экстремизма [19], размещенные материалы не несут образовательного, исторического или научного содержания и не преследуют цели осуждения проявлений фашизма, демонстрация нацистской атрибутики не формирует у просматриваемых лиц негативного отношения к идеологии нацизма, художественным или историческим фильмом не является [17] и т. д.

Из приведенных примеров видно, что для того чтобы избежать привлечения к ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ, необходимо выражение или формирование негативного отношения к запрещенной символике. Следовательно, недостаточным будет нейтральное отношение лица к демонстрируемому материалу. Так, например, суд удовлетворил жалобу гражданина на привлечение его к ответственности по части 1 ст. 20.3 КоАП РФ, мотивировав это тем, что в размещённом объявлении гражданин У. закрыл белым квадратом свастику на изображении жетона, сопроводив его пояснительным текстом о том, что данный лот может использоваться только в научно-исторических и художественных целях и не предназначен для пропаганды идеи нацизма [5].

В судебной практике имеются примеры несогласия лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении с квалификацией деяния ввиду отсутствия у него умысла на совершение правонарушения.

Так, гражданин К. пояснил, что разместил знак, не зная, что его использует в том числе экстремистская организация [19]; гражданин Д., разместивший на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» символику «Мертвая голова» и «Имперский орел», не подозревал, что она

является нацистской [9]; гражданин Р. вину в совершенном административном правонарушении не признал, поскольку видеоматериалы с нацистской символикой, размещенные на его странице в социальной сети, использовались им для подготовки дипломной работы и представляли научный интерес [17]; гражданин Б. выложил на своей странице в сети Интернет видео с фашистской свастикой с целью высмеять сложившуюся ситуацию в регионе в связи с эпидемиологической обстановкой по коронавирусу, но не с целью пропаганды нацистской символики [13]; гражданин В. заявил, что в целях пропаганды нацистской атрибутики или символики сбыт военного знака Третьего Рейха не совершал, продавал его как коллекционер, чтобы на вырученные деньги купить другие [6].

Во всех указанных примерах суды привлекли граждан к административной ответственности либо признали законным такое привлечение, мотивируя тем, что оборот нацистских атрибутики и символики не направлен на их пропаганду (только в том случае, если он совершен в целях, не связанных с ней, включая, в частности, художественное творчество, научные исследования или подготовку материалов, в которых осуждается нацизм либо излагаются исторические события), если в размещенных материалах отсутствует информация, которая бы формировала негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма. Важным условием привлечения лица к административной ответственности является наличие документально установленных доказательств по делу об административном правонарушении, на основании которых судья может вынести постановление об административном наказании.

В завершении сделаем некоторые выводы и предложения, касающиеся особенностей правоприменения по делам об административных правонарушениях, связанных с использованием запрещенной символики:

1) необходимо изменить требования к содержанию федерального списка экстремистских материалов для того, чтобы исключить размещение в нем и экстремистской, и нацистской символики, потому как в противном случае создаются предпосылки для привлечения лица к административной ответственности дважды за одно и то же административное правонарушение;

2) целесообразно рассмотреть вопрос о создании единого реестра символики (с ее описанием) организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о признании их экстремистскими или террористическими;

3) поскольку наиболее сложным при применении ст. 20.3 КоАП РФ является определение субъективной стороны правонарушения, считаем, назрела необходимость обобщения Верховным Судом Российской Федерации судебной практики о рассмотрении судами дел об административных правонарушениях, за совершение которых предусмотрена административная ответственность по ст. 20.3 КоАП РФ, включая примечание к названной статье.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

2. Официальный сайт Минюста России [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/activity/extremism> (дата обращения: 10.04.2022).

3. Павлов А.Н. Символы, запрещенные правом: особенности в некоторых правовых системах // Модернизация технологий юридической деятельности в правовых системах современности: актуальные проблемы: коллективная монография / МА. Дамирли [и др]; ред. и предисл. М.А. Дамирли, М.Л. Давыдовой. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2013. 336 с.

4. Постановление Бабаюртовского районного суда Республики Дагестан по делу № 5-2184/2021 от 22 июня 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudbyneresheniya.rf/60690285> (дата обращения: 10.04.2022).

5. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 17 июля 2017 г. № 5-АД 17-33 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

6. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 января 2018 г. № 5-АД17-109 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2022).

7. Постановление Вожегодского районного суда Вологодской области по делу № 5-139/2020 от 05 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudbyneresheniya.rf/54667053> (дата обращения: 10.04.2022).

8. Постановление Добринского районного суда Липецкой области по делу № 5-147/2021 от 14 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudbyneresheniya.rf/58576602> (дата обращения: 10.04.2022).

9. Постановление Заводского районного суда города Кемерово по делу № 5-1776/2020 от 11 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudbyneresheniya.rf/55193847> (дата обращения: 10.04.2022).

10. Постановление Конаковского городского суда Тверской области по делу № 5-166/2020 от 16 октября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudbyneresheniya.rf/54608538> (дата обращения: 10.04.2022).

11. Постановление Ленинского районного суда города Красноярск по делу № 5-2606/2021 от 10 августа 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudbyneresheniya.rf/61940222> (дата обращения: 10.04.2022).

12. Постановление Новоильинского районного суда Кемеровской области по делу № 5-770/2020 от 26 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudbyneresheniya.rf/55529220> (дата обращения: 10.04.2022).

13. Постановление Октябрьского районного суда города Липецка от 22 мая 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: судебныерешения.рф (дата обращения: 10.04.2022).

14. Постановление Октябрьского районного суда города Липецка по делу № 5-147/2021 от 14 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: судебныерешения.рф (дата обращения: 10.04.2022).

15. Постановление Петрозаводского городского суда Республики Карелия по делу № 5-6039/2021 от 14 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: судебныерешения.рф/61234799 (дата обращения: 10.04.2022).

16. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июня 2015 г. № 574 «Об утверждении Правил определения перечня организаций, указанных в частях третьей и четвертой статьи 6 Федерального закона "Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов", а также атрибутики и символики этих организаций» // *Собрание законодательства РФ*. 2015. № 25. Ст. 3657.

17. Постановление Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югра по делу № 5-10580/2020 от 6 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: судебныерешения.рф/55084422 (дата обращения: 10.04.2022).

18. Постановление Центрального районного суда города Новокузнецка Кемеровской области по делу № 42RS0№-58 от 19 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: судебныерешения.рф (дата обращения: 10.04.2022).

19. Постановление Центрального районного суда города Новокузнецка Кемеровской области по делу № 42RS0№-33 от 27 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: судебныерешения.рф (дата обращения: 10.04.2022).

20. *Пошелов П.В.* Особенности правоприменения по делам о правонарушениях экстремистской направленности // *Административное право и процесс*. 2021. № 12.

21. *Сенчихин С.П.* О значении юридической техники при конструировании анти-экстремистских административных составов правонарушений // *Российская юстиция*. 2020. № 9.

22. *Сигарев А.В.* Законодательство о противодействии экстремизму: требуется не либерализация, а модернизация // *Российская юстиция*. 2021. № 1.

23. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утв. Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

24. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // *Собрание законодательства РФ*. 2020. № 22. Ст. 3475.

25. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // *Собрание законодательства РФ*. 1995. № 21. Ст. 1928.

26. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 3. Ст. 145.

27. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 30. Ст. 3031.

28. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 11. Ст. 1146.

29. Федеральный закон от 1 марта 2020 г. № 31-ФЗ «О внесении изменения в статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // *Собрание законодательства РФ*. 2020. № 9. Ст. 1123.

РАЗДЕЛ IV.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РФ

Абросимов И. И.,

старший преподаватель

*кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России,
г. Нижний Новгород*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СТАЦИОНАРНОЙ СУДЕБНО- ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы назначения и производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы, приводятся примеры неоднозначного толкования процессуальных норм, регламентирующих данное следственное действие, смешения института стационарной судебно-психиатрической экспертизы и производства по применению принудительных мер медицинского характера.

Ключевые слова: стационарная судебно-психиатрическая экспертиза; ходатайство следственных органов; перевод в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях; производство о применении принудительных мер медицинского характера.

УПК РФ лишь в общих чертах регламентирует помещение обвиняемых в психиатрический стационар для проведения судебно-психиатрической экспертизы, поскольку в ч. 1 ст. 435 названного кодекса указано, что по ходатайству органов предварительного расследования суд переводит указанных лиц в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

В практической деятельности органов расследования возникают вопросы о порядке применения указанной нормы, поскольку остается непонятным:

– что имеется в виду законодателем под медицинской организацией, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, и может ли в случае помещения в нее лица для проведения стационарной су-

дебно-психиатрической экспертизы данная организация оказывать ему психиатрическую помощь (проводить лечение);

- следует ли одновременно с ходатайством в суд отменять меру пресечения в виде заключения под стражу и в целом следует ли принять по данной мере какое-либо решение;

- по окончании нахождения лица в стационаре следует ли повторно избирать меру пресечения или она сохраняет свое действие во время срока нахождения лица в стационаре;

- следует ли в ходатайстве следственных органов перед судом о переводе обвиняемого в психиатрический стационар определять срок помещения лица в медицинскую организацию, указывать ее вид, конкретное наименование психиатрического стационара, а также условия, согласно которым определяется данная медицинская организация – место производства предварительного расследования или место жительства лица, направляемого на экспертизу;

- является ли по своей сути судебное решение постановлением о назначении экспертизы или процессуальным документом, создающим условия для реализации вынесенного органами предварительного расследования решения о проведении экспертного исследования?

Не внесло ясности в рассматриваемую проблематику и решение Конституционного суда, оформленное постановлением от 24 мая 2018 г. № 20-П по делу о проверке конституционности норм ст. 435 УПК РФ [3].

Органы предварительного расследования системы МВД России по Нижегородской области, как показывает анализ изученных нами уголовных дел, в ходатайстве в суд, как правило:

- указывают просьбу о помещении подозреваемого (обвиняемого) в психиатрический стационар соответствующей медицинской организации;

- срок помещения лица в стационар не указывают;

- вопрос о мере пресечения в отношении помещаемого лица не рассматривают.

Анализ решений, принимаемых судом по итогам рассмотрения ходатайства следственных органов о помещении обвиняемого в медицинскую организацию, позволяет констатировать:

- в решении суда вслед за содержанием ходатайства следственных органов указывается, что подозреваемый (обвиняемый) помещается в психиатрический стационар соответствующей медицинской организации. Либо судом принимается решение о даче согласия соответствующему должностному лицу органа расследования на помещение лица в стационар;

– судом устанавливается срок проведения экспертизы, который не должен превышать 30 суток со дня фактического помещения подозреваемого (обвиняемого) в стационар.

Вместе с тем в практике существуют проблемы, не разрешенные Конституционным Судом РФ в указанном Постановлении, которые касаются как сроков нахождения лица в стационаре, так и возможности принудительного лечения помещенного на экспертизу лица фактически до принятия решения о применении принудительных мер медицинского характера.

При помещении лица на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу органы предварительного расследования должны исходить из содержания ряда нормативных актов, регламентирующих порядок нахождения лица в стационаре медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь. В качестве таковых следует рассматривать закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-I «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Федеральный закон РФ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Закон о психиатрической помощи в качестве отдельных действий в отношении лица, помещенного в психиатрический стационар, рассматривает психиатрическое обследование и освидетельствование, а также профилактику и диагностику психических расстройств. В ряде случаев к лицу могут быть применены лечение и медицинская реабилитация, если будет выявлено, что лицо страдает психическими расстройствами.

Закон о государственной судебно-экспертной деятельности устанавливает возможность помещения лица на срок не более 30 суток с предельно возможным продлением этого срока дважды еще на 30 суток, с предельно возможным его содержанием для проведения экспертизы в 90 суток.

Отметим, что в Постановлении Конституционного Суда РФ рассматривается ситуация, когда лицо содержалось в условиях изоляции при проведении повторной судебно-психиатрической экспертизы в течение более 5 месяцев.

В изученных нами судебных решениях о помещении привлекаемого к уголовному преследованию лица в психиатрический стационар указывалась точка зрения данного лица на рассматриваемое судом ходатайство следственных органов и его согласие (несогласие) с позицией органов расследования.

Кроме того, во всех изученных нами судебных решениях констатировалось, что обвиняемый нуждается в проведении стационарной судебно-психиатрической экспертизы. Этот вывод суда основывается на заключении амбулаторной экспертизы, в которой в качестве итогового вывода указано, что лицо нуждается в стационарной судебно-психиатрической экспертизе.

С указанными формулировками, полагаем, нельзя согласиться, поскольку:

- в отношении лица осуществляется уголовное преследование и органы предварительного расследования имеют обязанность по установлению обстоятельств предмета доказывания;

- мнение лица, в отношении личности которого вынесено ходатайство следственных органов и принимается судебное решение о назначении стационарной экспертизы, не влияет на принимаемое судом решение;

- с учетом сомнения в психической полноценности лица говорить о том, что оно нуждается в стационарной экспертизе, вряд ли возможно.

В силу указанных обстоятельств в ходатайстве следственных органов и судебном решении необходимо указывать, что решение о проведении стационарной судебно-психиатрической экспертизы обусловлено не тем, что обвиняемый (подозреваемый) в ней нуждается, а тем, что этого требуют нужды установления всех обстоятельств предмета доказывания и, в частности, такое обстоятельство, как сведения, характеризующие личность обвиняемого.

Применительно к вопросу действия меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого, помещенного в стационар для проведения экспертизы, как в научной теории, так и на практике нет единого мнения.

В ряде случаев следственные органы и суд в тексте заявленного ходатайства и при его рассмотрении вопрос о мере пресечения не рассматривают, поскольку согласно положениям ст. 109 УПК РФ время нахождения лица в стационаре при проведении экспертизы включается в срок содержания под стражей.

С другой стороны, нам известны примеры того, что на время содержания под стражей судом принимается решение об отмене меры пресечения.

Кроме того, в практической деятельности имеются примеры, когда суд, рассматривая ходатайство следственных органов, принимал решение

о переводе обвиняемого в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, подменяя тем самым применение принудительных мер медицинского характера.

Примером обоих указанных выше случаев стало уголовное дело, по которому была назначена и в последующем проведена повторная стационарная судебно-психиатрическая экспертиза в отношении обвиняемого Куртина А.В., согласно заключению которой он нуждается в направлении на принудительное лечение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа до выхода из указанного болезненного состояния с последующим направлением на судебную психолого-психиатрическую экспертизу для решения диагностических и экспертных вопросов [2].

В данном случае имеется в виду то, что следователь получил заключение повторной судебно-психиатрической экспертизы, согласно которой он должен был инициировать производство о применении принудительных мер медицинского характера. Вместо этого следователь с согласия руководителя следственного органа возбудил перед судом ходатайство о переводе обвиняемого в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, до выхода его из болезненного состояния с последующим направлением на судебную психолого-психиатрическую экспертизу.

Солнцевским районным судом г. Москвы данное ходатайство удовлетворено, содержащийся под стражей обвиняемый Куртин А.В. переведен в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Мера пресечения в виде заключения под стражу указанным судебным решением отменена по доставлению обвиняемого в медицинскую организацию.

Следует также подчеркнуть, что адвокат обвиняемого заявил ходатайство о признании постановления суда о переводе его подзащитного в медицинскую организацию незаконным и необоснованным, поскольку все возможные по делу следственные действия с обвиняемым выполнены, обстоятельства совершения преступления установлены в полном объеме, в связи с чем по уголовному делу необходимо производство о применении принудительных мер медицинского характера в порядке, предусмотренном ст. 439 УПК РФ, а не производство повторной стационарной психиатрической экспертизы в порядке, определенном ст. 435 УПК РФ.

Проверив представленные материалы, обсудив доводы апелляционной жалобы и выслушав мнение участников процесса, суд апелляционной инстанции приходит к выводу о том, что оснований для отмены либо изменения обжалуемого судебного постановления не имеется.

В своем постановлении суд апелляционной инстанции указал, что согласно ч. 1 ст. 435 УПК РФ при установлении факта психического заболевания у лица, к которому в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, по ходатайству следователя с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателя с согласия прокурора, суд в порядке, установленном статьей 108 УПК РФ, принимает решение о переводе данного лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Ходатайство следователя о переводе обвиняемого Куртина А.В. в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, до выхода его из болезненного состояния с последующим направлением на судебную психолого-психиатрическую экспертизу отвечает требованиям ст. 435 УПК РФ; представлено с согласия надлежащего должностного лица.

Судом исследовались все доводы и обстоятельства, которые в соответствии с требованиями ст. 435 УПК РФ необходимы для принятия решения о помещении лица, при установлении факта психического заболевания у него, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Выводы суда, положенные в основу принятого по ходатайству следователя решения с указанием установленных в ходе судебного заседания фактов и обстоятельств, надлежаще мотивированы в постановлении и не вызывают у суда апелляционной инстанции сомнений в их правильности, поскольку в постановлении суда они надлежаще мотивированы и основаны на материалах, подтверждающих законность и обоснованность принятого решения, соответствуют требованиям закона.

Суд принял решение с учетом экспертного заключения от 12 марта 2018 года № 190, согласно которому у обвиняемого Куртина А.В. имеются признаки соответствующего психического расстройства и он, как представляющий опасность для себя и для окружающих, нуждается в направлении на принудительное лечение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

При этом, решая вопрос о помещении Куртина А.В. в психиатрический стационар до выхода из болезненного состояния в порядке ч. 1

ст. 435 УПК РФ, суд в полном соответствии с требованиями закона проверил наличие достаточных данных о событии преступления и причастности к нему Куртина А.В.

Вместе с тем вопросы доказанности преступления, в совершении которого обвиняется Куртин А.В., и допустимости доказательств, в том числе экспертного заключения, не могут являться предметом данного судебного рассмотрения, поскольку при рассмотрении ходатайства в порядке ст. 435 УПК РФ суд не вправе входить в обсуждение вопросов о виновности лица, наличии состава преступления, квалификации действий и доказанности вины, поэтому, оценивая доводы жалобы адвоката, в этой части суд апелляционной инстанции не может признать их состоятельными.

Вопреки доводам жалобы совокупность представленных материалов позволила суду принять обоснованное и объективное решение по ходатайству следователя в порядке ст. 435 УПК РФ. Оснований для истребования дополнительных материалов, о чем указывается в жалобе, у суда первой инстанции не имелось.

Кроме того, как следует из представленных материалов уголовного дела, следователем была назначена повторная стационарная психиатрическая судебная экспертиза с учетом того, что после проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы обвиняемым была предпринята попытка суицида, что потребовало проведения в его отношении повторного экспертного исследования для уточнения клинического диагноза и решения экспертных вопросов.

Данных, свидетельствующих о процессуальных нарушениях при рассмотрении судом ходатайства следователя о переводе обвиняемого в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, до выхода его из болезненного состояния с последующим направлением на судебную психолого-психиатрическую экспертизу, а также прав обвиняемого Куртина А.В. в представленных материалах не имеется.

Судебное заседание проведено с соблюдением принципов состязательности и равноправия сторон. Ходатайство следователя рассмотрено судом с участием обвиняемого Куртина А.В., его законного представителя и защитника.

Вопросы, связанные с ходом расследования, оценкой доказательств, проведения процессуальных действий, вынесенных тех или иных процессуальных актов, о чем подробно указывается в жалобе адвоката, в период

досудебного производства отнесены законом к компетенции следователя, руководителя следственного органа. Исследование вышеуказанных вопросов судом производится при судебном разбирательстве по уголовному делу, по существу, в период судебного следствия. Процедура обжалования тех или иных действий и процессуальных актов органов уголовного преследования, затрагивающих конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства при досудебном производстве, регламентирована ст.ст. 29, 125 УПК РФ.

Не соглашаясь с доводами жалобы о необходимости применения к Куртину А.В. принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном ст.439 УПК РФ, суд апелляционной инстанции отмечает, что в соответствии с требованиями ст. 439 ч. 1 п. 2 УПК РФ следователь по окончании предварительного следствия выносит постановление о направлении дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера. Вместе с тем из представленных материалов следует, что экспертным заключением психическое состояние Куртина А.В. на период, относящийся к инкриминируемому ему деянию, не установлено, что до выхода Куртина А.В. из болезненного состояния невозможно установить, совершил ли он общественно опасное деяние в состоянии невменяемости либо психическое расстройство наступило у него после совершения преступления, что при таких обстоятельствах исключает возможность направления уголовного дела в суд в порядке п. 2 ч. 1 ст. 439 УПК РФ для решения вопроса о применении в отношении Куртина А.В. принудительной меры медицинского характера.

В силу указанных обстоятельств судом апелляционной инстанции постановление Солнцевского районного суда г. Москвы от 12 апреля 2018 года о переводе содержащегося под стражей обвиняемого Куртина А.В. в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях до выхода его из временного болезненного состояния, с последующим направлением на судебную-психолого-психиатрическую экспертизу, оставлено без изменения, а апелляционная жалоба – без удовлетворения. Аналогичная, по сути, ситуация сложилась при рассмотрении апелляционной жалобы Верховным судом Республики Адыгея, который оставил без изменения постановление Теучежского районного суда Республики Адыгея о переводе подозреваемого из ПФРСИ при ИК-1 УФСИН России в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях специализиро-

ванного типа с интенсивным наблюдением до его выхода из временного болезненного состояния [1].

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что не всеми правоприменителями уяснены сущность и значение разных уголовно процессуальных институтов: производства о применении принудительных мер медицинского характера и направления лица в медицинскую организацию для проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы.

Отчасти к тому имеются нормативные предпосылки, связанные с изменением в 2013 году текста статьи 435 УПК РФ, когда психиатрический стационар в тексте анализируемой статьи заменен на медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Кроме того, как представляется, в рассматриваемой ситуации не в полной мере учтены основания для принудительного лечения и оказания психиатрической помощи, регламентированные законом РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

Рассмотренные в нашей статье примеры свидетельствуют о необходимости более подробного законодательного закрепления порядка назначения и проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы в тексте уголовно-процессуального закона, поскольку толкование правоприменителями имеющихся норм УПК РФ является неоднозначным, ведет к необоснованному ограничению конституционных прав граждан, отсутствию единства в судебно-следственной практике.

Список источников

1. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Адыгея от 13 сентября 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <http://судебныерешения.рф/62317567> (дата обращения: 21.03.2022).

2. Апелляционное постановление Московского городского суда от 28 мая 2018 года по делу № 10-9310/18 [Электронный ресурс]. URL: <http://судебныерешения.рф/40921331> (дата обращения: 21.03.2022).

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2018 года № 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298717/ (дата обращения: 21.03.2022).

Власова С. В.,

*кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России,
г. Нижний Новгород*

Власов Д. А.,

*секретарь судебного заседания
отдела обеспечения судопроизводства Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции,
г. Нижний Новгород*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В рамках данной статьи сделана попытка изложить авторскую позицию относительно преобразования доказывания по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности с акцентом на цифровизацию технологии доказывания.

Ключевые слова: цифровизация; доказывание; цифровая информация.

Фактор цифровизации имеет, на наш взгляд, глобальное значение для всей уголовно-процессуальной системы, включая институты обвинения и доказывания. Цифровые технологии, по нашему мнению, выступают не просто в виде технического приложения или как средства умножения или преобразования одной из двух классических технологий доказывания: следственной или состязательной, но ведут к их конкуренции, в еще более острой форме, чем ранее. Цифровые технологии тотализируют следственный уголовно-процессуальный механизм и превращают следственную модель доказывания в одно из средств управления человеком авторитарным государством [4; 3; 5; 6]. Только будучи встроенными в состязательную, гуманитарную модель уголовного судопроизводства, цифровые технологии окажут позитивное влияние на формирование доказательств. Высказанное выше предположение не является, разумеется, бесспорным. Хотя его разделяет ряд исследователей [1], которые полагают, что внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство должно повлечь за собой:

– отказ от следственной формы доказывания и соответствующих ей техник фиксации и передачи информации в уголовно-процессуальной системе;

– допущение к уголовно-процессуальному доказыванию всех заинтересованных в исходе спора участников дела; это так называемая «популяризация доказывания»;

– одновременно с этим неизбежна «дегуманизация» доказывания на этапе получения информации и предварительной ее проверки – через внедрение машинной обработки информации и принятия проектов процессуальных решений;

– монополизацию должностного обвинения, то есть качественное расширение предмета частного обвинения или даже популяризация обвинения до восстановления модели «народного обвинения»¹.

Несмотря на кажущуюся фантастичность подобных теоретических построений, нужно признать сам факт неизбежной трансформации следственной модели реагирования государства на преступления. И, как мы полагаем, исходя из положений классической процессуальной теории, действительная трансформация системы противодействия преступности предполагает реформу именно этих процессуальных институтов. Обвинение и доказывание обвинения – это энергичное ядро уголовного судопроизводства. От их развития зависит качество всей уголовно-процессуальной системы и эффективность противодействия преступности.

Что касается модели доказывания, то прежде всего, на наш взгляд, надо отказаться от следственного стандарта формирования доказательств. В практической плоскости это означает отказ от протокола следственных действий, монополией на составление которых обладает следователь. Это анахронизм, это средство консервации изживших себя уголовно-процессуальных отношений, в которых доминирует следователь.

Надо честно признаться самим себе, что значение протоколов таких следственных действий, как осмотр электронных носителей информации, в познавательном плане ничтожно. Информационный вклад следователя-исследователя в формирование доказательства из цифровой информации ничтожен. Следователь (даже с приставкой кибер) бессилён в раскрытии «компьютерных преступлений». Для обращения с цифровой информацией нужны технические знания специалиста – инженера-программиста². Если это так, тогда зачем нужен следователь, зачем нужно предварительное

---

¹ Введение нового публичного – негосударственного обвинения – народного обвинения, что означает возможность выдвинуть обвинение любому лицу в общественных интересах.

² Перспективным мы видим создание узкоспециализированных правоохранительных органов, в которых вместе работают технари и оперативные сотрудники криминальной полиции. По этому пути пошли многие страны. Например, в Великобритании созданы National Hi-Tech Crime Unit (Национальное объединение по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий), SFO (*Serious Fraud Office* – Агентство по расследованию серьезных мошенничеств). В Нидерландах – это Целевая группа по электронным преступлениям в составе группы по борьбе с высоким уровнем преступности (NHTCU) в Национальном полицейском агентстве Нидерландов.

следствие как деятельность по формированию «уголовно-процессуальных доказательств»?

Средствами фиксации стороной фактических данных (цифровой информации) могут быть как «протоколы» (которые будут пригодны в делах об обычных преступлениях), так и любые технические средства. Информация, пригодная для принятия судом решения по уголовному делу, может храниться и передаваться любыми носителями (электронными носителями), равно как и через любые технические каналы связи.

В этой связи мы предлагаем отказаться от традиционного понимания «уголовного дела»¹ как «процедурного», «эстафетного» [2] знания, создаваемого следователем и передаваемого им судье. Презюмируемое истинным *знание*, содержащееся в «уголовном деле» («история, рассказанная о преступлении следователем»), служит источником внутреннего убеждения судьи для принятия решения по делу. Заметим, что процесс формирования внутреннего убеждения судьи происходит в рамках стадии назначения судебного заседания, регулируемого главами 33, 34 УПК РФ, в отсутствие, как правило, реальной конкуренции со стороны противной стороны.

Между тем «уголовное дело» есть только внешнее выражение господства следователя в уголовно-процессуальном доказывании и в уголовно-процессуальной системе. Источник следственной власти – в технологии доказывания, в следственной трактовке законом доказательства и доказывания. Их надо пересмотреть и перейти на состязательную позицию, а именно: «уголовно-процессуальным доказательством» считать не следственным, а исключительно *судебным феноменом*, доказывание также должно пониматься как судебная, а не следственная (внесудебная) деятельность. Речь идет о том, чтобы передавать власть на установление юридических фактов от следователя судье. На судье необходимо замкнуть технологию формирования доказательств-фактов. Получать цифровую информацию о предмете спора (обвинения) может следователь, а наряду с ним любой иной субъект, вступившей в дело в качестве стороны

---

¹ Альтернатива традиционному понятию уголовного дела дается нижегородскими процессуалистами в созданной ими концепции доказательственного права: «Уголовное дело – обособленное уголовное производство, ведущееся прокурором, органом уголовного преследования и судом с участием стороны защиты, предметом которого является предположение о совершении одного или нескольких деяний, запрещенных уголовным законом. Материалы уголовного дела – совокупность носителей информации, собранных на данный момент органом, ведущим уголовное дело. Сторона защиты ведет аналогичное дело защиты, материалы которого могут быть представлены суду в качестве доказательств и использованы для иных целей» [см.: 7, с. 25].

или третьего лица. Но формируется из этой информации доказательство только в судебном заседании при перекрестном исследовании источников и содержания информации (цифровой).

Следственный стандарт допустимости судебных доказательств должен быть заменен на судебный стандарт оценки судей по своему внутреннему убеждению полезности цифровой информации, аутентичность которой подтверждена техническими средствами, для установления юридически значимых обстоятельств по рассматриваемому уголовному делу.

Цифровая информация, представленная в электронном виде, должна быть принята судом при принятии процессуального решения, если аутентичность этой информации будет подтверждена в судебном заседании техническими и уголовно-процессуальными средствами. Каждая из сторон в суде обязана по требованию другой стороны или суда открыть источник происхождения сведений, представляемых ею в качестве доказательств, и доказать отсутствие неправомерного вмешательства в содержание этих сведений во время владения информацией (источником информации). При необходимости должна быть предъявлена не вызывающая разумных сомнений *цепь законных владений цифровой информацией*¹. Именно этот критерий допустимости выходит на первый план при использовании в доказывании цифровой информации [7, с. 45].

Суд не вправе отказать в проверке фактических материалов, представленных общественным обвинителем и полученных им, в том числе с использованием специальных технических средств негласного получения информации. При подтверждении в судебном заседании достоверности полученных таким способом сведений они признаются допустимыми доказательствами.

Таким образом, мы предлагаем переходить на открытую, состязательную модель получения-передачи информации, в центре которой судебный орган и судоговорение. Все досудебное производство может быть оцифровано. Однако принятие процессуальных решений должно оставаться за людьми. Судью надо информировать не через «уголовное дело», как набор производных² источников доказательств, а через устную речь, в которой стороны могут *представлять и выявлять смысл полученной ими цифровой информации*.

---

¹ «Цепь законных владений» – порядок процессуального документирования цифровой информации, имеющей доказательственное значение, который обеспечивает сохранность цифровой информации при передаче ее на всех этапах доказывания вплоть до судебного органа, рассматривающего дело по существу или по отдельному спорному вопросу [см.: 7, с. 26].

² «Производных» от следователя.

Список источников

1. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
2. Александров А.С., Босов А.Е., Терехин В.В. Доказывание в суде присяжных: *dedictovs. dere* // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5(16). С. 90–104.
3. Власова С.В. Влияние цифровых технологий на уголовную юстицию // Реформирование судебной системы в России: история и современность : сб. науч. тр., посв. 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Ч. II / под ред. А.В. Бондара, В.В. Ершова, Ю.В. Журавлевой, Р.В. Ярцева. Н. Новгород : Изд-во «Автор», 2018. С. 309–314.
4. Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9–18.
5. Власова С.В. Цифровая составляющая новой уголовной политики // Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Ф.Р. Шарифзода. Душанбе : Изд-во «ЭР-граф», 2018. С.84–87.
6. Власова С.В. Цифровая трансформация уголовно-процессуальных функций обвинения и доказывания // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения): в 3 ч. Ч. 3. М. : РГ-Пресс, 2019. С.284–288.
7. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней (статья 4.1.«Недопустимость показаний и фактического материала как доказательств»). 304 с.

Волчкова А. А.,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

АНТИФЕЙКОВЫЕ НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Аннотация. В статье анализируются законодательные новеллы об уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации, посягающее на общественную безопасность (ст. 207¹, 207² УК РФ). На основе исследования позиций Верховного Суда России и правоприменительной практики раскрыты объективные и субъективные признаки преступлений, проведено разграничение смежных составов.

Ключевые слова: уголовная ответственность; распространение; публичное; заведомо ложная информация; коронавирус.

Государственные гарантии своевременного и достоверного информирования общества о потенциальных угрозах являются одним из важнейших инструментов обеспечения национальной безопасности. Указанные гарантии обеспечиваются системой права, особую роль в которой играют уголовно-правовые нормы.

Ранее не встречающаяся новая коронавирусная инфекция (COVID-19), вспыхнувшая во всем мире в 2020–2021 годах, актуализировала вопрос о необходимости повышения эффективности уголовно-правовой защиты общества от недостоверной информации. 1 апреля 2020 года законодатель криминализовал публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК), а также заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК).

Новые нормы были призваны ликвидировать пробельность закона, который до их введения предусматривал в ст. 237 уголовную ответственность за сокрытие или искажение информации о событиях, фактах или явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей либо для окружающей среды только в случае, если деяние совершалось лицом, обязанным обеспечивать население и органы, уполномоченные на принятие мер по устранению такой опасности, указанной информацией.

Для разграничения вышеуказанных преступлений со смежными составами, в частности с клеветой, необходимо точно устанавливать основной объект преступного посягательства. Объектом новых преступлений являются общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности в области информированности об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, об общественно значимой информации.

Если у виновного не было намерений спровоцировать панику среди населения, нарушить правопорядок, а объектом преступного посягательства выступает честь и достоинство конкретного лица (или лиц), содеянное квалифицируется по ст. 128¹ УК РФ как клевета.

Так, например, рабочий одного из предприятий г. Уссурийска Приморского края был привлечен к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 128¹ УК РФ (клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих) за размещение в сети Интернет видео с недостоверной информацией о заболевших коронавирусной инфекцией сотрудниках организации [4].

Предметом преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК, выступает информация о чрезвычайных ситуациях, среди которых эпизоотии, эпидемии, иные обстоятельства как следствия катастроф, аварий, неблагоприятных явлений природы, стихийных бедствий, представляющих опасность для человека.

В диспозиции ст. 207² УК законодатель говорит об общественно значимой информации, дефиницию которой в кодексе не раскрывает, делегируя правоприменителю возможность самостоятельного толкования. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как общественно значимую характеризует информацию, создающую угрозу причинения вреда здоровью и жизни человека, угрозу имущественного ущерба, угрозу массового нарушения общественного порядка общественной безопасности либо угрозу нормального функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, объектов энергетики, промышленности или связи, а также кредитных организаций [9, ст. 15.3].

Схожесть терминологии, используемой при конструировании статей 207¹ и 207² УК РФ, ставит вопрос о соотношении предметов преступлений, о конкуренции между собой рассматриваемых составов. Верховный Суд РФ уточняет, что информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, бесспорно относится к общественно значимой информации, то есть является ее частью. Поэтому публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, о которой идет речь в ст. 207¹ УК, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека, смерть или иные тяжкие последствия, образует состав преступления, предусмотренный ст. 207² УК. При отсутствии последствий содеянное образует преступление, предусмотренное ст. 207¹ УК РФ [1].

Оба преступления имеют сходства и в объективной стороне, совершаются в форме публичного распространения заведомо ложной информации под видом достоверной, а в ст. 207², кроме того, характеризуются последствиями и прямой причинно-следственной связью между ними.

Публичное распространение информации подразумевает неограниченный перечень адресатов (возможность доступа двух и более лиц). Форма выражения может быть различной: в средствах массовой информации, на собрании, расклеивание листовок, вывешивание плакатов и т. п.

Как публично расценивается распространение заведомо ложной информации в массовой рассылке сообщений абонентам мобильной связи, с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров (Telegram, Viber, WhatsApp и т. п.). Верховный Суд России для установления признака публичности предлагает учитывать обстановку, способ, место и другие обстоятельства распространения информации [2].

Так, например, житель города Радужный Ханты-Мансийского автономного округа в мае 2020 года записал видеообращение с информацией о несуществовании новой коронавирусной инфекции, о недостоверности российской тест-системы по диагностике инфекции и с призывами к игнорированию населением разработанных государственными органами правил индивидуальной защиты. Помимо общих фраз, демонстрирующих недоверие автора публикаций к действиям властей, он сообщил, что в ряде государств СНГ, а также в нашей стране гражданам выплачивают крупное денежное вознаграждение за подтверждение у них болезни, за согласие на указание коронавирусной инфекции как причины смерти родственника независимо от фактического заболевания. Также видеообращения содержали ложную информацию о том, что по указанию властей даже умершим от других причин, в том числе погибшим в результате дорожно-транспортных происшествий, в качестве причины наступления смерти указываются последствия новой коронавирусной инфекции. Преследуя цель спровоцировать страх и панику среди пользователей сети Интернет, виновный, используя свой мобильный телефон, разместил изготовленные им видеообращения на своей странице в одной из социальной сетей, открытой для просмотра неопределенным кругом лиц, то есть распространил заведомо ложную информацию об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, под видом достоверной. Указанные действия были квалифицированы следственными органами по ст. 207¹ УК РФ [3].

Поскольку в нашей стране к уголовной ответственности может быть привлечено только физическое лицо, юридическое лицо, распространившее такую информацию в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, при наличии признаков состава подлежит административной ответственности по ст. 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации».

Обязательным условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 207¹, 207² УК РФ является установление прямого умысла виновного. Лицо, достоверно зная, что распространяет заведомо ложную,

изначально не соответствующую действительности информацию, желает ее распространить. Добросовестное заблуждение о ложности информации исключает квалификацию по рассматриваемым статьям.

Также необходимо установить, что ложной информации умышленно был придан вид достоверных сведений. К такому выводу можно прийти, если исследовать способы и формы ее изложения (фейковые ссылки на высказывания официальных должностных лиц, на публикации в официальных источниках, демонстрация несуществующих документов, поддельных видео- и аудиозаписей, использование документов и записей, имеющих отношение к иным фактам или событиям, и т. п.). Поэтому преступным может признаваться только такое создание и (или) размещение (в том числе репост) в сети Интернет (на своей странице в социальных сетях или страницах других пользователей) ложного контента, когда будет установлено, что лицо действовало с прямым умыслом, то есть сознавало, что размещенная им под видом достоверной информация является ложной, и имело цель довести эту информацию до сведения других лиц.

Так, например, к уголовной ответственности по ст. 207¹ УК РФ привлечена Т. за распространение ложной информации о массовом вывозе из обсерватора Москвы тел людей, якобы погибших от коронавирусной инфекции. Установлено, что мотивом виновной явилась корыстная заинтересованность в увеличении числа подписчиков группы в социальной сети, что позволило бы получать прибыль от размещения в ней рекламы [5].

Особенностью субъективной стороны ст. 207² УК РФ является неосторожное отношение к наступившим последствиям: вреда здоровью человека (ч. 1), смерти или иных тяжких последствий (ч. 2).

Таким образом, юридическая оценка распространения заведомо недостоверной информации заключается в установлении объекта посягательства, признаков объективной и субъективной стороны, а также субъекта. Специфичность объективных и субъективных признаков позволяет разграничить смежные составы преступлений между собой, а также с административными правонарушениями.

Вышеуказанные антифейковые новеллы уголовного законодательства призваны усилить информационную безопасность нашего общества, бесспорно, их принятие является своевременным и востребованным.

В ноябре 2021 года Председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин на одной из конференций, посвященной значению права в обеспечении благополучия человека, заявил, что ведомством

за 2021 год возбуждено 60 уголовных дел по фейковым сообщениям в отношении мер против ковида, по 34 из которых расследования завершены [6].

Анализ следственной и судебной практики указывает на корысть как основной мотив рассматриваемых преступлений. Так, в октябре 2021 года был осужден к обязательным работам сроком на 200 часов житель Санкт-Петербурга, который в апреле 2020 года на своем канале в социальной сети разместил для публичного просмотра видеосюжет, содержащий заведомо ложные сведения о разработке и применении на территории нашей страны вакцины от новой коронавирусной инфекции COVID-19, использование которой человеком приводит к летальному исходу. Указанные действия он совершил с целью повышения количества просмотров размещаемого контента, преследуя коммерческие цели [7]. Аналогичный приговор вынесен жительнице Москвы, у которой мотивом распространения заведомо недостоверных сведений о якобы тайном вывозе в ночное время из медицинского учреждения тел умерших от коронавирусной инфекции, явилась корыстная заинтересованность в увеличении круга подписчиков группы в социальной сети, что позволило бы получать прибыль от размещения в ней рекламы. Виновной было назначено наказание в виде 6 месяцев исправительных работ [8]. Полагаем, что в случае установления корыстного мотива совершения указанных преступлений было бы более целесообразным назначать в качестве наказания штраф.

Выражаем надежду, что новые нормы, призванные усилить защиту интересов общества от недостоверной информации в условиях чрезвычайной ситуации, окажутся эффективным средством противодействия фейковому контенту.

Список источников

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.
2. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.
3. Официальный сайт Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1481062> (дата обращения: 10.03.2022).
4. Официальный сайт Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1461092> (дата обращения: 11.03.2022 г.).

5. Официальный сайт Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1468103> (дата обращения: 12.03.2022).

6. Официальный сайт Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1632060/> (дата обращения: 18.03.2022).

7. Официальный сайт Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1617509> (дата обращения: 18.03.2022).

8. Официальный сайт Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1532049> (дата обращения: 18.03.2022).

9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 165.

Грачев С. А.,

кандидат юридических наук, доцент,

*доцент кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России,
г. Нижний Новгород*

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ, ОГРАНИЧИВАЮЩЕГО КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН

Аннотация. В статье анализируется сущность и содержание судебного решения о санкционировании проведения следственного действия, ограничивающего конституционные права граждан. Делается вывод о том, что в некоторых случаях полученные в результате рассматриваемых следственных действий объекты, содержащие конституционно охраняемую тайну, доступ к которой не охватывался рассматриваемым судебным решением, не могут быть исследованы без дополнительного судебного санкционирования.

Ключевые слова: конституционные права граждан; судебное решение; ходатайство следственных органов о проведении следственного действия; охраняемая законом тайна; следственные действия.

Судебное решение, принимаемое на основании рассмотрения ходатайства следственных органов и материалов уголовного дела, призвано констатировать возможность ограничения конституционных прав граждан в ходе производства следственного действия. Вместе с тем

возникает вопрос о том, какие конституционные права граждан могут ограничиваться в случае положительного решения суда по ходатайству следственных органов?

Ответ на этот вопрос не столь однозначен, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, в нормах Конституции РФ лишь перечисляются права, требующие особого режима защиты, и закрепляется возможность их ограничения в случаях, предусмотренных федеральным законом. С другой – федеральный закон, в качестве которого для уголовного судопроизводства выступает УПК РФ, не предусматривает обязанности указывать в ходатайстве следственных органов, а вслед за ним и в судебном решении, конкретные права граждан, которые могут быть ограничены в рамках проведения планируемого следственного действия.

Анализ норм УПК РФ, регламентирующих порядок ограничения личной тайны при производстве следственных действий, позволяет констатировать, что законодатель при формулировании соответствующих норм имеет в виду не саму тайну (личную тайну конкретного вида), предполагаемую к ограничению, а объект, потенциально содержащий такую конфиденциальную информацию. В качестве наиболее характерного примера рассматриваемой нами проблематики является жилище при проведении в нем осмотра или обыска.

Так, ст. 177 УПК РФ устанавливает необходимость получения согласия проживающих в жилище лиц на его осмотр либо получение на это судебного решения. При этом предполагается, что в ходе осмотра жилища будет ограничена его неприкосновенность. Отметим, что о личной тайне иного вида (например, переписки, телефонных или иных переговоров), которая может быть затронута при производстве рассматриваемого следственного действия, речи в анализируемой норме УПК не идет. Таким образом, остается открытым вопрос о том, как следует поступить в случае обнаружения в жилище объекта-носителя, содержащего иную личную тайну.

Аналогичным образом нормы ст. 185 УПК РФ предусматривают порядок осмотра, наложения ареста на почтовые отправления и их выемки. Несмотря на то, что в названии анализируемой нормы речь идет об ограничении тайны переписки, возможность выемки почтовых отправлений, то есть данный порядок предположительно должен касаться всех возможных процессуальных действий с носителями тайны переписки, содержание анализируемой нормы определяет порядок ограни-

чения указанной тайны лишь при задержании почтовых отправлений в учреждении связи. В указанной ситуации открытым остается вопрос о том, как следует поступать органам уголовного преследования при обнаружении почтовых и иных отправлений, а по сути – любой переписки граждан вне учреждений связи.

Статьи 186 и 186.1 УПК РФ регламентируют получение информации, содержащей личную тайну телефонных и иных переговоров. Тем не менее содержание данной нормы регламентирует ограничение рассматриваемой личной тайны человека лишь в процессе ведущихся переговоров между фигурантами уголовного дела, то есть в рамках срока предварительного расследования по уголовному делу либо получения указанной информации от операторов связи. Следует ли вторгаться в тайну телефонных и иных переговоров, объект-носитель которой обнаружен и изъят в ходе производства следственных и иных процессуальных действий, непосредственно не направленных на ограничение рассматриваемой личной тайны, УПК РФ также не регламентируется.

Это, в частности, вызывает как на практике, так и в теории множество вопросов, на которые единого ответа не имеется.

Более-менее сформировалась практика использования в дальнейшем результатов обыска в жилище, согласно которой объекты, изъятые при проведении данного следственного действия, санкционированного судом, используются в качестве доказательства без каких-либо ограничений. Они осматриваются, по ним назначаются экспертизы, в дальнейшем результаты этих производных от обыска следственных действий принимаются как следственными, так и судебными органами в качестве допустимых доказательств. Фактов обжалования стороной защиты результатов проведенных следственных действий, даже затрагивающих иную (прямо не санкционированную судом в решении о производстве обыска) тайну, нами обнаружено не было.

В частности, если в ходе обыска изымается компьютерная техника, устройства мобильной связи или иные носители электронной информации (содержащие тайну переписки, переговоров и т. п.), то вопросов допустимости полученных из них доказательств не возникает даже в тех случаях, когда санкционированный судом обыск не проводился в целях изъятия данных объектов, в ходатайстве следственных органов указанные носители информации не указывались, то есть перед производством обыска их изъятие органами предварительного расследования не предполагалось.

В данном случае, как представляется, правовые позиции суда и следственных органов следующие: все, что было изъято в ходе санкционированного судом следственного действия, может быть использовано в доказывании без дополнительного судебного санкционирования, независимо от того, содержат или нет полученные в ходе последующих следственных действий доказательства личную тайну иного вида, вопрос об ограничении которой в судебном решении не поднимался.

Применительно к толкованию положений других статей УПК РФ, устанавливающих процессуальный порядок ограничения конституционных прав граждан, ситуация несколько иная. Единообразия в понимании того, каким образом следует поступать в соответствующих ситуациях досудебного производства, нет.

Ряд авторов, исследовавших порядок ограничения тайны переписки, полагают, что судебное решение для осмотра, наложения ареста на почтовые отправления и их выемку необходимо получать только в том случае, когда указанные отправления находятся в юрисдикции учреждений связи. В случаях, когда отправления уже доставлены, судебного решения не требуется [6, с. 46; 1].

Другие считают, что внесудебный порядок ограничения указанного права вступает в противоречие с Конституцией РФ, Конвенцией о защите прав и свобод человека и международной практикой развитых демократических государств не предоставляет требуемых гарантий для защиты личных прав во всех случаях [2].

Конституционный Суд РФ 25 января 2018 г. в определении № 189-О [3] сформулировал правовую позицию о том, что если мобильный телефон был изъят в ходе досмотра, осмотрен как предмет и подвергнут компьютерной экспертизе, при которых положения УПК РФ не нарушались, то полученные доказательства в виде переписки, ведущейся с помощью мобильного устройства, допустимы. По сути, данным решением Суда подчеркивается, что порядок ограничения личной тайны человека в судебном порядке касается лишь тех случаев, когда объект – носитель тайны находится в соответствующем объекте (жилище, учреждении связи, банке и т. п.), изъятие из которого регламентируется УПК РФ. Таким образом, Конституционный Суд поддержал первую точку зрения указанных нами авторов. Тем не менее мы не можем согласиться с указанной позицией, поскольку считаем, что личная тайна не утрачивает своей сути при перемещении ее объектно-носителя из одного места в другое, тем более что это может быть заин-

тересованными лицами сделано искусственно, при нежелании связываться с громоздкой процедурой судебного санкционирования.

Вместе с тем правоприменители в аналогичных, по сути, ситуациях поступают диаметрально противоположно. Так, Ленинский районный суд г. Владикавказа отказал в удовлетворении ходатайства следователя о даче согласия на осмотр памяти мобильного устройства, изъятого вне судебного санкционирования, указав, что на процессуальные действия с мобильным устройством судебного решения не требуется. Также суд подчеркнул, что судебное решение следует получать для доступа следователя к рассматриваемой информации исключительно при нахождении рассматриваемых сведений в пределах сетей связи (у провайдера, на почте и т. д.) [4].

Иную позицию занимает Нижегородский районный суд г. Нижнего Новгорода, положительно рассматривая ходатайства следователей следственной части ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области о получении согласия на доступ к «облачным» хранилищам информации в сети Интернет. При этом судом санкционировались осмотры указанных «облачных» хранилищ, несмотря на то, что такой осмотр при буквальном толковании положений УПК РФ судебного решения не требует.

Таким образом, ни у правоприменителя, ни в научной дискуссии нет единой точки зрения на сущность и содержание конституционных прав граждан применительно к месту их нахождения и процессуального порядка ограничения во всех возможных случаях.

Это подтверждается и тем, что отсутствует сложившаяся следственно-судебная практика в вопросе о том, санкционирует ли решение суда об ограничении конституционных прав граждан все возможные виды личной тайны, наличие которых возможно в конкретном месте планируемого к производству следственного действия или нет?

Поясним этот вопрос на примере: в случае обнаружения и изъятия в ходе обыска в жилище гражданина А. сотового телефона гражданина Б. (в электронной памяти которого предположительно может иметься переписка гражданина Б.) следует ли получать судебное решение на ограничение тайны переписки владельца мобильного устройства? Следует ли учитывать то обстоятельство, является ли владелец сотового телефона фигурантом расследуемого дела или нет? Распространяется ли полученное судебное решение (по ограничению неприкосновенности жилища) на возможность ограничения иной личной тайны гражданина

А. в случае обнаружения и изъятия в ходе обыска, например, его мобильного устройства с перепиской в социальных сетях или переписки посредством писем на бумажном носителе?

Весь комплекс указанных вопросов правоприменителем, как правило, не рассматривается. Согласно имеющейся следственной практике, которая была нами установлена в ходе интервьюирования следователей ОВД, все объекты – носители информации, даже ограниченного распространения и затрагивающие конституционные права граждан, полученные в ходе санкционированного судом следственного действия, могут осматриваться и исследоваться без каких-либо дополнительных судебных решений.

С подобным подходом мы согласны не в полной мере, поскольку судебное решение, которое было получено для ограничения, например, неприкосновенности жилища, автоматически не распространяется на возможность ограничения тайны переписки или телефонных переговоров. Тем не менее, обосновывая необходимость проведения обыска, органы предварительного расследования представляют доказательства, свидетельствующие о возможном нахождении в обыскиваемом помещении предметов преступного посягательства, орудий совершения преступления или иных объектов, могущих иметь значение для уголовного дела. В качестве последних могут быть рассмотрены мобильные устройства, в электронной памяти которых имеется переписка между абонентами или журнал входящих и исходящих звонков. Эти сведения относятся не к содержанию тайны неприкосновенности жилища, а к иной личной тайне. Поэтому в случаях, когда органы предварительного расследования в своем ходатайстве в суд о производстве обыска указывают объекты, подлежащие отысканию и изъятию, которые могут содержать иную личную тайну, и в ходе следственного действия они изымаются, тогда дальнейшие процессуальные действия с указанными объектами не должны требовать дополнительного судебного решения.

Вместе с тем УПК РФ не ограничивает органы предварительного расследования в изъятии только тех объектов материального мира, которые указаны в ходатайстве и составленном на его основании судебном решении. В частности, ст. 182 УПК РФ позволяет должностному лицу, проводящему обыск, на месте проведения следственного действия «отбирать» предметы и решать вопрос об их изъятии.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что при проведении следственных действий (не обязательно подлежащих судебному санкционированию) могут быть изъяты не только предметы, для отыскания и изъятия которых они проводятся, но и любые объекты, относительно которых у должностного лица органа уголовного преследования имеются основания считать их значимыми для установления обстоятельств предмета доказывания.

В указанной связи полагаем, что судебное решение должно по возможности касаться не только места проведения следственного действия, но и вида личной тайны, которая может быть ограничена в ходе данного следственного действия. Если же это условие не выполнено (проводилось следственное действие, не требующее судебного санкционирования, либо судебным решением было ограничено конституционное право, не относящееся к изъятому объекту), то органы предварительного расследования обязаны получить судебное решение для ограничения личной тайны, необходимость ограничения которой возникла в ходе проводимого следственного или иного процессуального действия.

Подобный подход к ограничению конституционных прав граждан имеется в деятельности правоохранительных органов США.

В частности, сотрудниками ФБР был задержан и на основании судебного решения обыскан подозреваемый в хранении детской порнографии. При обыске у подозреваемого был изъят смартфон, в электронной памяти которого при беглом осмотре сотрудником ФБР были обнаружены файлы с сексуальной эксплуатацией детей. Это явилось основанием для получения ФБР дополнительного судебного решения на обыск мобильного устройства в целях его осмотра [5].

Данный пример свидетельствует о том, что органы уголовного преследования США получают судебное решение для ограничения конституционных прав граждан во всех случаях, когда отсутствует санкция на ограничение именно того права, которое предполагается ограничить при проведении планируемого процессуального действия.

Считаем, что и суды судебной системы Российской Федерации должны обратить внимание органов уголовного преследования на необходимость обеспечения конституционных прав граждан, верховенство норм Конституции РФ, имеющей высшую силу и прямое действие. При решении вопросов доказательственного значения материалов уголовного дела в ходе рассмотрения дела по существу, предшествующего и по-

следующего судебного контроля за законностью действий органов расследования, оценивать представленные материалы с точки зрения указанных положений. Также со своей стороны суды должны принимать к рассмотрению все ходатайства следственных органов на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, даже тогда, когда УПК РФ прямо не регламентирует необходимость соответствующей санкции для этого следственного действия.

При оценке законности и обоснованности проведенных по уголовному делу следственных действий указывать в ходатайстве следственных органов и в судебном решении конкретные виды личной тайны, ограничение которой является законным и обоснованным, не всегда целесообразно. Однако в отдельных случаях делать это необходимо.

Список источников

1. *Багмет А.М., Скобелин С.Ю.* Пределы ограничения конституционных прав граждан в ходе осмотра сотовых телефонов участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 6. С. 97–103.

2. *Даниленко И.А., Васильев Н.В.* Соблюдение конституционных прав личности на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений при осмотре мобильного устройства (российский и зарубежный опыт) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 10. С. 150–157.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 30.06.2022).

4. Постановление по материалу № 3/7-125/17 Ленинского районного суда г. Владикавказ РСО-Алания от 14.06.2017 // Архив Ленинского районного суда г. Владикавказ РСО – Алания за 2017 год.

5. Решение Федерального окружного суда США Южного округа Огайо от 03.10.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://assets.documentcloud.org/documents/4951289/iPhone-X-Face-IDSearch-in-Ohio.pdf> (дата обращения: 30.06.2022).

6. *Яковлев А.Н.* Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 42–48.

Казнина И. А.,
*кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
г. Нижний Новгород*

СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ ПО ЖАЛОБАМ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье анализируется судебское усмотрение и его влияние на принятие решения судьей по вопросам, входящим в его компетенцию, а также представлены результаты опроса граждан и их отношения к судебной власти. Судебное усмотрение рассматривается как с положительной, так и отрицательной стороны через призму жалоб участников уголовного процесса на несправедливость принятого решения судьей нижестоящего суда.

Ключевые слова: судебское усмотрение; судебное усмотрение; жалобы; внутреннее убеждение; участники уголовного судопроизводства.

Действующий Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержит норму, которая позволяет судье, присяжным заседателям, прокурору, следователю, дознавателю оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью [5] (ст. 17 УПК РФ). В одной норме употребляются такие оценочные категории, как «внутреннее убеждение», «совесть». И это, мы считаем, вполне оправдано, ведь любая человеческая деятельность не может существовать вне этого. При этом нам хотелось бы поразмышлять о таком не существующем в праве, но имеющем место в практике явлении, как судебское усмотрение. Именно судебское усмотрение неразрывно связано с внутренним убеждением и совестью судьи, который принимает то или иное решение.

Следует оговориться, что автор, так же, как и Н.О. Машинникова, разделяет эти понятия, хотя на первый взгляд они кажутся тождественными. Так, внутренне убеждение – это внутреннее отношение судьи, сложившиеся в результате мыслительной деятельности в процессе работы по решению того или иного вопроса, входящего в его компетенцию. Внутреннее убеждение не может быть чем-то ограничено, в свою очередь, судебское усмотрение – это решение суда, не противоречащее нормам материального и процессуального права, реализующееся в рамках

полномочий, предоставленных субъекту правоприменительной деятельности, но ограниченное законом [2, с. 830].

По нашему мнению, понятие внутреннего убеждения шире, чем судебское усмотрение. Как мы понимаем, в судебной практике могут складываться ситуации, когда убеждение одно, но решение следует принимать исключительно в рамках закона, вот тогда-то и начинает работать совесть и судебное усмотрение. Конечно, внутреннее убеждение влияет на судебское усмотрение, но последнее сдерживает его в рамках закона. Как видно, существует тонкая грань между внутренним убеждением и судебским усмотрением, главное, чтобы судебское усмотрение не превращалось в судебский произвол под маской усмотрения.

Вопрос о том, что такое судебское усмотрение является не новым, но тем не менее продолжает оставаться дискуссионным; так, до настоящего времени законодателем не дано четкого его определения. Различные авторы определяют его как свободу суда (Ю.А. Тихомиров), выбор из нескольких альтернатив (А. Барак), особый вид правоприменительной деятельности (О.А. Папкова), право на доработку и даже исправления закона с учетом требований справедливости (И.А. Покровский) [1]. Прежде всего, мы согласны с тем, что судебное усмотрение – это «специальный интеллектуальный волевой аспект правоприменительной деятельности судьи...» [1].

Наибольший интерес у нас вызывает судебское усмотрение при разрешении жалоб участников уголовного процесса в связи с тем, что большинство работ ученых-процессуалистов посвящены судебскому усмотрению при разрешении дела по существу в первой инстанции. В стороне остается судебское усмотрение при разрешении жалоб, связанных с пересмотром дела в апелляционном порядке, в данном случае кассация и надзор нами не будут затронуты, так как, по нашему мнению, усмотрение непосредственно связано со справедливостью принятия решения по конкретному вопросу. Именно вопросы справедливости входят в полномочие суда апелляционной инстанции (ст. 389.9 УПК РФ), в то же время мы не можем отрицать тот факт, что и на других судебных стадиях уголовного процесса присутствует судебное усмотрение.

Так, Уголовно-процессуальное законодательство (гл. 16 УПК РФ, ст. 123–126) дает возможность участникам уголовного процесса обратиться с жалобой на действия (бездействие) и решения должностных лиц, ведущих предварительное расследование, к руководителю следственного органа, к прокурору или в суд.

Вместе с тем анализ итогов разрешения жалоб показывает, что эффективность этой работы со стороны руководителей следственных органов, прокуроров и судов разная. Жалобы, по которым носителями ведомственного контроля было отказано в их удовлетворении, впоследствии зачастую удовлетворяются прокурорами либо в судебном порядке. При обращении с жалобами степень доверия участников уголовного процесса склоняется в пользу прокурорского надзора и судебного контроля [4, с. 93]. Однако в настоящее время наблюдается тенденция утраты доверия судебным органам, как раз ввиду наличия у судей возможности варьировать своими решениями в силу различных обстоятельств.

Так, в 2018 году «Независимым исследовательским центром» был проведен опрос практически 1,5 тысячи россиян в различных субъектах Российской Федерации с целью получения общественного мнения о российской судебной системе. Выяснилось, что **половина опрошенных россиян (50%) в разной степени не доверяют российской судебной системе** в целом; 34%, напротив, доверяют в разной степени; 14,6% – затруднились ответить; 1,4% – выбрали свой вариант ответа. При этом **более половины опрошенных россиян (56,5%) в разной степени не довольны уровнем объективности и непредвзятости судов; большинство опрошенных, среди тех, кто сталкивался с работой судов (а это – 39,4%), ответили, что суд оказался несправедливым, а 62,3% респондентов уверены, что судебная система в России зависима** [3].

В чем же причина такого отношения к деятельности судебных органов в нашей стране? Практически половина опрошенных заявили о коррупции в судах (**44,6%**), и практически одинаковые показатели разделились между волокитой и бюрократизмом (**24,8%**), о зависимости судей от других органов власти (**23,5%**), а также о невозможности добиться справедливого решения, так как судья принимает его не по закону, а по «своему внутреннему убеждению» (**23%**) [3]. Как видно, значительное число граждан считает наличие внутреннего убеждения и, как следствие, усмотрения отрицательным явлением и приравнивает его к другим негативным факторам.

Чтобы полноценно оценить картину о роли судейского усмотрения, необходимо посмотреть на решения, которые принимаются апелляционной инстанцией, связанные с отменой решений нижестоящих судов, допустивших несправедливые решения в части назначения несоизмеренного наказания, так как именно этот показатель отражает судейское усмотрение. Мы не берем нарушения, связанные, например, с несоответствием

изложенных в приговоре выводов фактическим обстоятельствам дела или неправильным применением уголовного законодательства, так как их причиной является не усмотрение, а некомпетентность, незнание или неопытность судьи.

Возвращаясь к категории справедливости, следует отметить, что в 2019 году были изменены приговоры мировых судей в связи с несправедливостью назначенного наказания подсудимому – 0,3 тыс., или 6,8 % (в 2018 году – 0,4 тыс., или 7,0 %). При этом в 2019 году решения судей районных судов изменены по причине несправедливости назначенного наказания подсудимому – 1,2 тыс., или 7,4 % (в 2018 году – 1,5 тыс., или 8,4 %). Данные показатели говорят о том, что судьи принимают решения по своему усмотрению, а вышестоящий суд – по своему, и в данном случае никак нельзя говорить о нарушении закона, так как сам закон, в данном случае Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ), определяет только верхнюю границу наказания, всё, что до неё – это уже усмотрение судьи исходя из обстоятельств дела, вопрос лишь в том, как применяется это усмотрение. Сразу на ум приходит высказывание Парацельса о том, что «всё есть яд и всё есть лекарство. Только доза делает лекарство ядом и яд лекарством» [6]. Только в меру примененное судебное усмотрение будет служить во благо правосудию, выход за его пределы неизбежно приводит к судебному произволу.

Законное право судьи по своему усмотрению принимать решение о размере наказания, в том числе не соглашаясь с судьей первой инстанции, приводит граждан к мысли о том, что требуется плата за нужное решение [3], и мы это видели в результатах опроса, но тут же возникает вопрос, а как же тогда совесть и влияет ли ее наличие на принятие судьей решения. По мнению автора, наличие в законах (как в УПК РФ, так и в УК РФ) диспозитивных норм всегда является коррупциогенным фактором, но следует отметить, что без возможности вариации поведения принимать решение по каждой конкретной ситуации просто невозможно, ведь каждая разрешаемая судом ситуация/проблема/ индивидуальна и обладает только ей присущими особенностями. В связи с этим «искоренение» судебного усмотрения, по нашему мнению, является нецелесообразным.

Несмотря на то, что в нашей стране появляется все больше противников судебного усмотрения, мы считаем, что необходимо изменять не закон, ставя судей в жёсткие правовые рамки, а следует менять вообще отношение граждан к правосудию, укреплять их правосознание. В свою

очередь государству следовало бы максимально тщательно подходить к отбору кандидатов на должности судей, оценивать их не только с точки зрения компетентности, но и добропорядочности. Именно в нем и заключается положительная характеристика судейского усмотрения. Как выход из сложившейся ситуации может быть рассмотрен на законодательном уровне вопрос о выборности судей гражданами России [3].

В завершение нашего рассуждения хотелось бы согласиться с Е.О. Лукиной, которая дает, по нашему мнению, наиболее полное определение судейского усмотрения и определяет его как «осуществляемый в процессуальной форме специальный интеллектуальный волевой аспект правоприменительной деятельности судьи, предполагающий представление ему в нормативно обоснованных случаях полномочий по выбору решения в пределах, установленных правовыми нормами, исходя из принципов права, целей судебной власти, конкретных обстоятельств спора, интересов сторон, а также основ *справедливости, добросовестности и разумности*» [1] (курсив мой – *И.К.*). Только с учетом этих составляющих можно говорить о судейском усмотрении в ходе принятия итоговых и промежуточных решений исключительно в положительном аспекте.

Список источников

1. Лукина Е.О. Понятие судейского усмотрения // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 277–279. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/315/71957/> (дата обращения: 27.09.2021).
2. Машишниковая Н.О. Роль усмотрения суда в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета 2018. Т. 28, вып. 6. С. 828–834.
3. Отношение россиян к судебной системе (итоги всероссийского опроса) // Независимый исследовательский центр. [Электронный ресурс]. URL: <http://исследовательский-центр.пф/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnoj-sisteme-itogi-vsrossijskogo-oprosa/?ckattempt=1> (дата обращения: 27.09.2021).
4. Тутикова И.А. Перенастройка правового механизма рассмотрения и разрешения жалоб участников досудебного уголовного производства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3 (41). С. 93–96.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
6. Цитаты выдающихся деятелей медицины [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2018/11/22/6521> (дата обращения: 27.09.2021).

Кравец Ю. П.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ И ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИИ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о формировании экономического общественного правопорядка в России и государственном регулировании экономики. Рассматриваются отдельные аспекты роли прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции и легализации (отмыванию) денежных средств, приобретенных преступным путем или в результате совершения преступления.

Ключевые слова: экономический правопорядок; правовое государство; противодействие коррупции; борьба с легализацией (отмыванием) денежных средств; координационная функция прокуратуры.

В настоящее время в России продолжается взятый стратегический курс, направленный на формирование и строительство правового государства. Приоритетное значение в этом процессе имеют охрана и защита конституционных прав и свобод граждан, а также безопасность общества и государства.

Однако формирование правового государства возможно только в условиях развитой рыночной экономики. Рыночной экономике свойственна цикличность развития, характерными чертами которой являются подъемы и спады производства, спроса и предложения, всплески инфляции и т. п., поэтому необходимо государственное регулирование экономических отношений. Принципы рыночной экономики должны пронизывать всё российское законодательство, в том числе и уголовное право.

Цель государственного регулирования экономики – обеспечение реализации и защита публичных интересов, таких как оборона и безопасность государства, права и свободы человека и гражданина, интересы социально уязвимых слоев населения, охрана окружающей среды. Без государственного вмешательства в экономику невозможно обеспечить гарантии прав и свобод человека и гражданина, закрепленные Конституцией РФ [1].

В.К. Мамутов обоснованно полагал, что целью правового регулирования экономики является формирование экономического публичного правопорядка, под которым понимается господствующий в обществе уклад материального производства, основанный на положениях конституции, нормах права, моральных принципах, деловых правилах и обычаях, одобренный высшей законодательной властью в стратегических экономических решениях, обеспечивающий гармонизацию частных и публичных интересов, создающий партнерские и добропорядочные взаимоотношения в хозяйствовании [2].

Формирование правового экономического порядка непосредственно связано с воздействием права на экономические рыночные отношения. Такое воздействие права на экономику может быть позитивным, способствующим нормальному функционированию экономики и ее росту, и негативным, тормозящим развитие экономики и не способствующим экономическому росту.

При функционировании частного предпринимательства происходит своего рода диалектическое противоречие, которое проявляется в следующем: с одной стороны, отмечается легализация частного предпринимательства, а с другой стороны, его стремление выйти за пределы правового поля. Это два аспекта одного и того же объективного процесса – роста и развития частного предпринимательства. Эти обстоятельства делают необходимым государственное регулирование экономической, в том числе предпринимательской деятельности. При этом, как представляется, государственное регулирование предполагает государственную поддержку и защиту, а также государственный контроль за субъектами предпринимательской деятельности.

Правовой основой государственного регулирования экономики являются нормы Конституции РФ: о социальном государстве (ст. 7); о гарантиях единого экономического пространства, поддержке конкуренции, защите различных форм собственности (ст. 8); о запрете монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции (ст. 34) и т. д. Однако следует подчеркнуть, что нормы Конституции РФ, отражающие основные аспекты государственного регулирования экономики, пока еще не нашли в действующем законодательстве своего полного и последовательного развития. Поэтому считаем, что возникла необходимость вновь вернуться к вопросу о принятии Предпринимательского кодекса Российской Федерации, в котором можно предусмотреть публично-правовые правила предпринимательской деятельности, определить пределы вме-

шательства государства в экономику, закрепить гарантии прав субъектов экономической и предпринимательской деятельности.

Следует полностью согласиться с мнением исследователей рыночных экономических отношений в России о том, что в легальном определении предпринимательской деятельности, данном в части 3 пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ, значение прибыли гиперболизировано, поскольку другие цели предпринимательской деятельности в законе не названы [3].

В соответствии со ст. 34 Конституции РФ предпринимательская деятельность представляет собой конструктивную созидательную деятельность, направленную не только на получение прибыли, но и на определенные общественно полезные цели, то есть носит социально значимый характер и имеет публично-правовой характер. Поэтому полагаем, что в легальном определении предпринимательской деятельности необходимо отразить общественно полезные цели и публичные интересы предпринимательской деятельности. В противном случае понятие предпринимательской деятельности, предусмотренное в Гражданском кодексе РФ, не будет соответствовать современным требованиям рыночного экономического законодательства.

Другие исследователи подчеркивали, что проблема нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности в современных условиях имеет особую значимость. Государство призвано стимулировать создание инфраструктуры рынка, условий для его нормального функционирования. Рыночная экономика невозможна без хорошо продуманной и отлаженной правовой системы. Эти функции выполняют гражданское и другие отрасли права, регулирующие имущественные и личные неимущественные отношения; административное и уголовное право, охраняющие общественные отношения и предусматривающие санкции за их нарушение. Гражданское право и иные отрасли права являются основой для разработки содержания и структуры законодательства об административной и уголовной ответственности за проступки и преступления в сфере экономики [4].

Затрагивая аспекты стратегического развития российской экономики, Д.А. Медведев отмечал, что траектория экономического роста в период 2018–2024 годов сформулирована в Указе Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Особое место занимают национальные проекты, связанные с укреплением конкурентоспособно-

сти экономики. Эти направления – производительность труда и поддержка занятости, наука, цифровая экономика, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, международная кооперация и экспорт – должны обеспечивать ускорение технологического развития, способствовать созданию высокопроизводительного экспортоориентированного сектора, внедрению цифровых технологий в экономике и социальной сфере, заключаются в обеспечении устойчивого роста благосостояния и конкурентоспособности как каждого человека, каждой семьи, так и всего общества и государства [5].

В этой связи повышается роль и значение прокуратуры как федерального надзорного органа в укреплении законности и правопорядка. Прокурорский надзор как раз и является одной из важнейших гарантий защиты прав и свобод граждан, законных интересов юридических лиц и добросовестного предпринимательства.

При этом надзорная деятельность прокуратуры должна быть максимально эффективной и направленной на реальное укрепление законности и правопорядка.

На прокуратуру, кроме осуществления надзорных функций, возложена координация деятельности правоохранительных органов по борьбе и противодействию преступности. Данная функция прокуратуры закреплена в статье 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [6].

Сущность координации заключается во взаимосогласовании, упорядочении деятельности различных органов по достижению общей цели. Правоохранительные органы России: прокуратура, полиция, ФСБ, таможенные органы, налоговые органы, органы СВР, ФСО, Государственной противопожарной службы МЧС России, а также подразделения Федеральной Службы судебных приставов и Федеральной службы исполнения наказаний – имеют общие цели и задачи в сфере борьбы с преступностью и осуществляют свою деятельность независимо друг от друга своими специфическими формами и методами в пределах установленной для каждого из них компетенции.

Однако в современных условиях для создания надлежащего противодействия коррупционной преступности и легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем или в результате совершения преступления, требуется объединение усилий, согласование действий всех органов правоохранительной системы, что и достигается посредством осуществления координационной

деятельности. Эти преступления носят международный характер и требуют сплоченных усилий всех правоохранительных органов и даже отдельных государств.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре РФ» Генеральному прокурору РФ и подчиненным ему прокурорам отводится роль координатора деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, то есть организатора выработки и реализации совместных согласованных с другими правоохранительными органами мер по выявлению, раскрытию, расследованию, пресечению и предупреждению преступлений, по принятию мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

На федеральном уровне Генеральный прокурор РФ осуществляет взаимодействие в международных отношениях с правоохранительными органами стран Европы и всего мира, в том числе в области международного сотрудничества по борьбе с преступностью. Генеральный прокурор РФ возглавляет Координационный Совет прокуроров СНГ. В рамках этого Совета осуществляется сотрудничество органов прокуратуры, входящих в его состав, в сфере обеспечения законности, борьбы с преступностью, координации деятельности правоохранительных органов.

Координационная деятельность правоохранительных органов необходима для повышения эффективности борьбы с преступностью, а также для обеспечения всестороннего анализа состояния преступности, ее структуры и динамики, прогнозирования тенденций развития, изучения практики выявления, расследования, раскрытия, предупреждения и пресечения преступлений. Результатом таких действий является выполнение федеральных и региональных программ борьбы с преступностью, разработка совместно с другими государственными органами, научными учреждениями мероприятий по предупреждению преступлений и правонарушений, подготовка предложений по улучшению правоохранительной деятельности, по совершенствованию правового регулирования деятельности по борьбе с коррупционными преступлениями и легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем или в результате совершения преступления.

В соответствии с федеральным централизованным построением прокуратуры РФ ее органы осуществляют полномочия по координации деятельности правоохранительных органов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

На федеральном уровне участниками координации являются Генеральная прокуратура РФ, Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности, другие ведомства правоохранительных органов. В связи с образованием федеральных округов и функционированием в каждом из них отделов Генеральной прокуратуры РФ в настоящее время осуществляется координация деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности на уровне федеральных округов.

На региональном уровне роль координатора деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью выполняют прокуроры субъектов РФ, а в состав участников координации входят военные и иные специализированные прокуроры и руководители правоохранительных органов, функционирующих на территории субъекта РФ.

На муниципальном уровне работу по координации выполняют прокуроры городов, районов и приравненные к ним прокуроры, а также руководители соответствующих правоохранительных органов, осуществляющие деятельность по борьбе с преступностью на данной территории.

Для обеспечения экономического роста и формирования в России публичного экономического правопорядка имеет большое значение борьба с легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем или в результате совершения преступления.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 года № 32 [7] «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» дается единообразное толкование и разъяснение многих признаков рассматриваемых преступлений.

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем, создает основу теневой экономики, причиняет вред экономической безопасности и финансовой стабильности государства, затрудняет раскрытие и расследование преступлений, обеспечивает возможность преступным группам (организациям) финансировать и осуществлять свою противоправную, в том числе коррупционную, деятельность.

Международное сообщество, стремясь выработать эффективные меры по предупреждению транснациональной легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем, приняло ряд документов, к которым относятся конвенции Организации Объединен-

ных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года, против транснациональной организованной преступности 2000 года, против коррупции 2003 года, конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 года и об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года. Международным сообществом применяются стандарты в области противодействия отмыванию денег Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ).

В пункте 1 данного постановления прямо сказано, что предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, являются денежные средства или иное имущество, незаконное приобретение которых является признаком таких составов преступлений, как получение взятки, хищение.

В связи с изменением законодательства и возникшими в судебной практике вопросами в Преамбулу постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 февраля 2019 года № 1 [8] «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» были внесены актуальные изменения следующего характера: «Международное сообщество, стремясь выработать эффективные меры по предупреждению транснациональной легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем, приняло ряд документов, к которым относятся конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 года, против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года, против коррупции от 31 октября 2003 года, конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 года, об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года. Международным сообществом применяются стандарты в области противодействия отмыванию денег Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)» [9]. Пункт 1 постановления Пленума был дополнен важной информацией о том, что исходя из положений статьи 1 Конвенции

Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать, в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), в том числе биткоин, приобретенных в результате совершения преступления.

В России введен в действие с 01.01.2021 года Федеральный закон «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» от 31.07.2020 года № 259-ФЗ [10]. В данном законе даются определения понятий криптовалюта и блокчейн. Криптовалюта обозначается в законе как «цифровая валюта». Под ней понимается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

При этом понятия «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта» не совпадают между собой по содержанию. Это не тождественные, а разные понятия. Цифровыми финансовыми активами являются цифровые права по эмиссионным ценным бумагам, долевого вложению в непубличное АО, денежные требования. Их первостепенное отличие – существование обязанного лица (эмитента).

Цифровой валютой называют электронные деньги, привязанные к национальной валюте, драгоценным металлам, используемые для покупки реальных товаров и услуг. Она не является денежной единицей РФ либо иностранного государства, однако может применяться как средство платежа. К ней относятся биткоин, эфириум, лайткоин, прочие монеты, запущенные на блокчейне. По отношению к ним отсутствует обязанное лицо.

Согласно статье 14 указанного ФЗ, криптовалютой в России запрещено расплачиваться за предоставленные товары и услуги. Она признается имуществом, поэтому сделки с ней нужно декларировать. Всем физиче-

ским лицам, российским, иностранным компаниям с 1 января 2021 года надо предоставлять в налоговые органы отчет о полученном праве распоряжения криптовалютой, в том числе через третьих лиц, проведенных действиях, ее остатках. Подача декларации носит обязательный характер при сделках в криптовалюте, сумма которых превысит 600 000 рублей в год. В РФ выпуск цифровых финансовых активов возможен только через занесенных в реестр Центробанка операторов.

Поскольку криптовалюта в РФ признана имуществом, с ней можно производить любые не запрещенные российским законодательством сделки, а именно: покупку, владение, продажу, обмен, залог, майнинг. Однако запрещен прием монет в качестве оплаты за реализуемые товары, произведенные работы, предоставленные услуги.

Если криптовалюта признана действующим российским законодательством имуществом, то на нее распространяются налоговые правила, применяемые к имуществу. Она подлежит обложению НДС/Л. Ставка НДС/Л в России составляет 13 %, а с годового дохода свыше 5 миллионов рублей – 15 %.

Согласно информационно-разъяснительному письму Минфина РФ от 24 августа 2020 года № 03-03-06/1/73953, криптовалюта подлежит обложению налогом на прибыль. Так как в главе 25 Налогового кодекса РФ не указан особый порядок налогообложения прибыли, полученной от транзакций с криптовалютой, она облагается им в общем порядке, то есть из суммы полученного дохода вычитается сумма, потраченная на покупку криптовалюты.

Налоговые и финансовые органы могут причислить майнинг к предпринимательской деятельности. Для определения собственника криптовалюты в целях налогообложения понадобится раскрытие сведений о владельце криптокошелька, совершенных сделках купли-продажи. Установление цены валюты аналогично с установлением стоимости доходов в иностранной валюте – она подлежит перерасчету в рубли.

В России в 2022 году должен появиться цифровой рубль. Это не новая валюта. Ее не нужно будет обменивать по какому-то курсу. Номинал цифрового рубля будет абсолютно эквивалентен номиналу бумажного или того, что находится на банковской карте. Цифровой рубль – это еще одна форма денег. Ее эмитентом будет Центробанк России, то есть цифровой рубль – это деньги на счете, только не в банке, а в виртуальном кошельке. При этом ЦБ РФ считает, что конвертировать из одного вида в другой крипторубль будет также просто, как снять купюры через банкомат.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 года № 24 [11] «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» предусмотрены важные разъяснения, необходимые для правильной квалификации коррупционных преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, в том числе в отношении мелких взяток, уголовная ответственность за которые была введена в России в 2016 году. При этом следует обратить внимание на часть 2 статьи 291.2 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за получение взятки, дачу взятки, совершенные лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1 Уголовного кодекса. Комментирование этой уголовно-правовой нормы требует особого подхода исходя из законодательной конструкции диспозиции данной нормы.

Определенный интерес представляет норма, предусмотренная частью 5 ст. 291.1 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. В соответствии с действующим уголовным законодательством лицо, совершившее посредничество во взяточничестве, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и пресечению преступления и добровольно сообщило о совершенном преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело.

Согласно Федеральному закону «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ [12] (в редакции ФЗ от 06.03.2022 г. № 44-ФЗ) деятельность по противодействию коррупции базируется на таких основных принципах, как законность, неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений, приоритетное применение мер по предупреждению коррупции и других принципов.

В соответствии с частью 6 статьи 5 указанного ФЗ Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры в пределах своих полномочий координируют деятельность органов внутренних дел РФ, органов ФСБ, таможенных органов РФ и других правоохранительных органов по борьбе с коррупцией. Действующее антикоррупционное законодательство устанавливает значительный перечень основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции (статья 7 ФЗ), всего 21 направление, среди которых обозначено устранение необоснованных запретов и ограничений, особенно в области экономической деятельности.

В статье 8 ФЗ «О противодействии коррупции» установлена обязанность представления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданами, претендующими на замещение определенных государственных должностей, и лицами, замещающими должности государственной службы. В соответствии со статьей 8.1 данного ФЗ лица, занимающие должности, включенные в перечни, установленные нормативными правовыми актами РФ, обязаны представлять сведения о своих расходах в порядке, установленном Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ [13]. При этом осуществляется контроль за соответствием расходов их общему доходу за три последних года, предшествующих совершению сделки.

В ФЗ «О противодействии коррупции» введена новая статья 8.2, предусматривающая контроль за законностью получения денежных средств при проведении проверок достоверности и полноты сведений о доходах. Такие проверки проводятся прокурорами. Данное правило введено Федеральным законом «О внесении изменений в статью 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности» и ФЗ «О противодействии коррупции» от 6 марта 2022 года № 44-ФЗ [14, с. 31].

Следует упомянуть еще один нормативный правовой акт, направленный на предупреждение коррупции, – это Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ [15] (в редакции ФЗ от 11.10.2018 г. № 362-ФЗ). В статье 1 этого ФЗ указано, что коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции. Как правило, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов проводится прокуратурой РФ в порядке и согласно методике, определенных Правительством РФ. Антикоррупционная экспертиза также проводится Федеральным органом исполнительной власти в области юстиции.

К коррупционным преступлениям следует относить и преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринима-

тельской деятельности» [16]. Использование виновным своего служебного положения как должностного лица государственного органа или влияния и авторитета, вытекающих из занимаемой им должности, для представления организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, определенных льгот и преимуществ или покровительства в иной форме (протекционизма) – это центральный объективный признак рассматриваемого состава преступления.

Однако в действующей редакции ст. 289 УК РФ практически не применима. С целью совершенствования законодательной конструкции нормы, предусмотренной ст. 289 УК РФ, и обеспечения ее реального применения на практике, вносится предложение об изменении формулировки диспозиции данной нормы и изложении её в новой редакции: «Учреждение должностным лицом лично или через доверенное лицо коммерческой или некоммерческой организации с целью осуществления предпринимательской, банковской, страховой или иной экономической деятельности, а равно участие на возмездной основе в управлении такой организацией в любой форме, либо участие в предпринимательской деятельности в качестве индивидуального предпринимателя без образования юридического лица вопреки запрету, установленному законом, если эти деяния повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства».

В предлагаемой редакции статья 289 УК РФ будет более надежно выполнять функции уголовно-правовой охраны установленного законом порядка организации и осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности от преступных посягательств, а также способствовать предупреждению коррупционных преступлений и противодействию легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем.

Предлагаем включить ст. 289 УК РФ в число коррупционных преступлений, перечень которых предусмотрен подпунктом «а» пункта 1 статьи 1 ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ. Данное преступление посягает также на установленный законом порядок организации и осуществления предпринимательской деятельности, в результате чего организация, созданная с использованием виновным своего служебного положения, незаконно ставится в привилегированное положение и способствует распространению коррупции.

Список источников

1. *Ларичев В.Д.* Правовые меры предупреждения преступности в сфере экономики // СПС «Консультант плюс».
2. *Лебедев К.К.* Некоторые вопросы соотношения экономики и права: отражение интересов частного капитала в законодательстве о предпринимательской и иной экономической деятельности // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: сб. науч. ст. // СПС «Консультант плюс».
3. *Медведев Д.А.* Россия 2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5–28.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «Консультант плюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «Консультант плюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 февраля 2019 года № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «Консультант плюс».
7. Уголовный кодекс Российской Федерации (в редакции ФЗ от 28.01.2022г. № 3-ФЗ) // СПС «Консультант плюс».
8. Федеральный закон РФ от 17 января 1992г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 01.07.2021 г) // СПС «Консультант плюс».
9. Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «Консультант плюс».
10. Федеральный закон РФ от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СПС «Консультант плюс».
11. Федеральный закон РФ от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СПС «Консультант плюс».
12. Федеральный закон РФ от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» // СПС «Консультант плюс».
13. Федеральный закон РФ от 6 марта 2022 года № 44-ФЗ «О внесении изменений в статью 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности» и ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «Консультант плюс».
14. Хозяйственное право / под ред. акад. В.К. Мамутова. Киев, 2002. 910 с.
15. *Шишкин С.Н.* Государственное регулирование экономики: предпринимательно-правовой аспект // СПС «Консультант плюс».

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОВТОРНОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЯНИЯ

Аннотация. В статье приводится краткий анализ форм учета повторных преступлений и административных правонарушений, предусмотренных действующим УК РФ, раскрываются вопросы, связанные с применением данных норм в практической деятельности.

Ключевые слова: множественность преступлений; рецидив; судимость; неоднократность; совокупность; общественная опасность деяния и личности виновного; назначение наказания.

В теории уголовного права повторное совершение противоправного деяния охватывается понятием множественности преступлений, под которой в самом общем виде понимается совершение одним лицом двух или более преступлений.

Тема настоящей публикации сформулирована несколько шире, поскольку уголовному закону известны формы учета не только повторных преступлений, но и административных правонарушений.

Действующий уголовный закон предусматривает две формы множественности преступлений: совокупность (ст. 17 УК РФ) и рецидив преступлений (ст. 18 УК РФ).

Помимо предусмотренных Общей частью рецидива и совокупности преступлений, анализ норм Особенной части УК РФ позволяет выделить еще несколько форм учета повторных противоправных деяний:

1. Совершение преступления лицом, ранее совершившим тождественное административное правонарушение, так называемые составы с административной преюдицией (ст.ст. 151.1, 212.1, ч. 2 ст. 314.1, 215.4, 284.1 УК РФ и др.).

2. Совершение преступления лицом, имеющим судимость за совершение однородного преступления (ч. 2 ст. 116.1, ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135, ст. 204.2, ч. 2 ст. 264.1, ч. 1 ст. 284.1 УК РФ и др.).

3. Неоднократность (ст.ст. 116.1, 151.1, 154, 157, 171.4, 180, 212.1, 215.4, 314.1 УК РФ). В ряде приведенных норм неоднократность связывается с административной наказанностью за совершение тождественного административного правонарушения (ст.ст. 151.1, 157, 171.4, 212.1, 215.4,

ч. 2 ст. 314.1), а в ряде статей под неоднократностью понимается повторное совершение действий, образующих объективную сторону того или иного деяния (ст.ст. 154, 180 УК РФ).

4. Систематичность (ст.ст. 117, 151, 171.2, 232, 241 УК РФ), под которой, как правило, понимается совершение действий, образующих объективную сторону деяния, более двух раз.

В контексте данной публикации остановимся на тех формах учета повторных противоправных деяний, за которые лицо уже понесло наказание – административное либо уголовное.

Обзор редакций УК РФ за период его действия с 1996 г. по настоящее время показывает крайнюю непоследовательность законодателя по вопросу привлечения к уголовной ответственности за совершение повторного противоправного деяния.

Так, если в УК 1960 г. предусматривались такие формы множественности, как повторность, неоднократность, систематичность, промысел, совокупность преступлений, совершение преступления особо опасным рецидивистом, то УК 1996 г. первоначально выделял три формы множественности преступлений в нормах Общей части: неоднократность, совокупность, рецидив, в нормах Особенной части также предусматривались квалифицирующие признаки, обусловленные фактом прежней судимости.

Однако Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ все положения уголовного закона о неоднократности были признаны утратившими силу, включая неоднократность как квалифицирующий признак, с тем, чтобы лицо, отбывшее наказание, но имеющее судимость и совершившее аналогичное преступление, не подпадало под действие соответствующего квалифицирующего признака статьи Особенной части УК РФ, а действия лица, совершившего несколько преступлений, предусмотренных одной уголовно-правовой нормой, квалифицировались по совокупности преступлений. Таким образом, предполагалось, что наказание лицу, ранее судимому и совершившему новое преступление, будет назначаться в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 68 УК РФ, а лицу, совершившему несколько однородных преступлений, – в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 69 УК РФ [12].

С внесением изменений Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ уголовный закон отказался и от учета прежних судимостей за совершение отдельных преступлений в качестве квалифицирующего признака преступления.

В отличие от УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г., которые содержали положения о привлечении лица к уголовной ответственности после наложения административного взыскания за совершение такого же правонарушения, УК РФ 1996 г. отказался от использования административной преюдиции в связи с неоднозначной оценкой этого института в науке уголовного права, его несоответствия принципам уголовного права.

Действующий УК РФ также видоизменил понятие особо опасного рецидивиста, поскольку при его использовании происходил недопустимый перенос тяжести уголовной ответственности на свойства личности преступника, что противоречит принципу равенства граждан перед законом.

В связи с этим предполагалось, что оценка степени общественной опасности преступления, совершенного лицом, ранее неоднократно судимым за умышленные преступления, будет даваться не лицу, его совершившему, а деянию, которое может быть признано совершенным при рецидиве преступлений.

Однако со временем все нормы, предусматривающие учет обстоятельств, характеризующих личность виновного, в качестве конструктивных либо квалифицирующих признаков преступления, вернулись в УК РФ.

Так, Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. №14-ФЗ вернул судимость за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних в качестве квалифицирующего признака в ст.ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ. Последующие Федеральные законы дополнили перечень статей, в которых судимость предусмотрена в качестве квалифицирующего признака (ч. 2 ст. 204.2, ч. 2 ст. 116.1, ч. 2 ст. 264.1, ч. 2 ст. 264.2, ч. 1 ст. 284.1 УК РФ и др.) [13].

Начиная с 2011 г. и до последнего времени УК РФ продолжает пополняться составами преступлений с административной преюдицией.

Такая непоследовательность законодателя обусловлена тем, что сложившаяся еще в советском уголовном законодательстве парадигма, утверждающая, что явление общественной опасности находит свое проявление в деянии, а не в деятеле, так или иначе сталкивается с необходимостью учета свойств личности при оценке повторного противоправного поведения [1].

Общий смысл вносимых в уголовный закон изменений выражен Конституционным Судом РФ следующим образом: если само по себе совершение преступления лицом, уже имеющим судимость, повышает его общественную опасность безотносительно к виду преступления, то это рас-

сматривается в нормах Общей части УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Если же влияние прежней судимости на общественную опасность нового преступления расценивается законодателем как выходящее за рамки обычного, в том числе по причине характерного для конкретного вида преступлений высокого уровня специального рецидива, судимость указывается в качестве относящегося к субъекту преступления квалифицирующего признака состава преступления [7].

Аналогичным образом Конституционный Суд РФ подходит и к оценке ранее совершенного административного правонарушения по делам с административной преюдицией. Как указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 10 февраля 2017 года №2-П, устанавливая уголовную ответственность за повторное совершение лицом однородных (аналогичных) правонарушений, законодатель исходит из того, что многократное совершение таких правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционного значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно-наказуемым деяниям [8].

Из приведенных правовых позиций Конституционного суда РФ следует, что повторное совершение лицом преступления либо административного правонарушения повышает общественную опасность самого деяния. Но если состояние административной наказанности и судимости характеризуют степень общественной опасности деяния, они фактически включаются в основание уголовной ответственности, тогда как согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления.

Конституционный Суд РФ, предупреждая возможность такого толкования, отмечает, что административная наказанность является не элементом объективной стороны состава преступления, а специальным признаком субъекта преступления. Указывает, что уголовная ответственность в составах с административной преюдицией связана с наличием у него состояния административной наказанности, – признака, характеризующего его как специального субъекта преступления [4; 5; 6].

Аналогичной позиции придерживается Пленум Верховного Суда РФ, согласно разъяснениям которого, изложенным в п. 10.3 постановле-

ния от 09 декабря 2008 г. № 25, привлечение лица к административной ответственности является не основанием уголовной ответственности, а условием, поскольку само по себе совершение административных правонарушений не является уголовно наказуемым и влечет административную ответственность [9].

Общественная опасность преступления в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ также определяется иными обстоятельствами, не связанными с совершением преступления лицом, имеющим судимость, а личность виновного учитывается при назначении наказания с целью его индивидуализации.

Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления.

Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления [11].

Таким образом, характер общественной опасности преступления определен законом и, следовательно, не зависит от личности виновного. При определении степени общественной опасности подлежат учету смягчающие и отягчающие обстоятельства, однако, как следует из вышеприведенного разъяснения, только те из них, которые относятся к совершенному преступлению, а не личности виновного.

В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 63 УК РФ и с учетом разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в п. 32 постановления от 22 декабря 2015 г. № 58, обстоятельства, относящиеся к признакам состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, должны учитываться при оценке судом характера общественной опасности содеянного. Однако эти же

обстоятельства, в том числе, характеризующие субъект преступления, не могут быть повторно учтены при назначении наказания [11]. Тем самым Верховный Суд РФ признает, что обстоятельства, характеризующие общественную опасность деяния, и субъект преступления, могут совпадать, но не могут учитываться одновременно. Сложность заключается в разграничении этих обстоятельств при назначении наказания.

Так, суды по-разному подошли к вопросу о наличии рецидива в действиях лиц, уклоняющихся от административного надзора.

В кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 22 сентября 2020 года Верховный Суд Российской Федерации высказал правовую позицию о недопустимости признания рецидива отягчающим обстоятельством в действиях лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, поскольку основанием административного надзора для таких лиц послужила судимость, которая не может повторно учитываться при признании в их действиях рецидива [2].

В то же время судебная практика не усматривает препятствий для назначения таким лицам вида исправительного учреждения как лицам, осужденным при рецидиве.

При назначении осужденным наказания по ст. 264.1 УК РФ суды в нарушение требований ч. 2 ст. 63 УК РФ зачастую повторно ссылаются на судимость за аналогичное преступление как на обстоятельство, учитываемое при назначении наказания [3].

К имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего Пленум Верховного Суда РФ относит лиц, имеющих непогашенную или не снятую в установленном порядке судимость за любое из совершенных в отношении несовершеннолетних преступлений, предусмотренных ч.ч. 3–5 ст. 131, ч.ч. 3–5 ст. 132, ч. 2 ст. 133, ст.ст. 134, 135 УК РФ. При этом также учитываются судимости за указанные преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет [10].

В свою очередь, в соответствии с п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. №58 (ред. от 18.12.2018) в случае совершения преступления против половой неприкосновенности потерпевших, не достигших четырнадцатилетнего возраста, квалифицированного по ч. 5 ст. 131 УК РФ или по ч. 5 ст. 132 УК РФ, лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, суд не вправе учитывать такую

судимость в качестве отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. "а" ч. 1 ст. 63 УК РФ [11].

В этой связи перед судами возникает вопрос о возможности назначения таким лицам наказания с применением ч. 2 ст. 68 УК РФ.

Необходимость учета свойств личности при назначении наказания не вызывает сомнений, однако вряд ли она требует столь избыточной законодательной регламентации в виде различных форм учета предыдущего противоправного поведения.

Отказ от использования административной наказанности и судимости в качестве признаков преступления в большей степени способствовал бы последовательному проведению принципа справедливости в уголовном праве.

Имеющиеся институты уголовного права и потенциал действующих санкций в полной мере позволяют реагировать на современный характер и тенденции преступности в конкретных исторических условиях, индивидуализировать наказание с учетом личности виновного.

Наказание за содеянное в любом случае назначается с учетом отягчающих обстоятельств, предусмотренных нормами Общей части УК РФ, среди которых рецидив преступлений, и с учетом личности виновного.

Список источников

1. *Гонтарь И.Я.* Категория общественной опасности в российском уголовном праве: история становления и современное понимание // История государства и права. 2008. №№ 1–4.

2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 сентября 2020 г. №91-УДП20-3-К3 [[Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=644955#FsXvoCTE9wVP3GNF> (дата обращения: 30.06.2022).

3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 марта 2021 г. №8-УД21-2-К2 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=661556#HS2xoCTGcD2zwKt2> (дата обращения: 30.06.2022).

4. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017 г. №1410-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Авраменко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=507244#k5VxoCT6EVFuM3Ka> (дата обращения: 30.06.2022).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. №2173-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рарова Ивана Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=516786#4OyxоCTG SZeTkCIs> (дата обращения: 30.06.2022).

6. Определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. №3398-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бараникова Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения"» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=570602#3wgxoCT29u6q6Lj01> (дата обращения: 30.06.2022).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. №3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов" в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=17068#xRf0pCTEZqZbirWN1> (дата обращения: 30.06.2022).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 года №2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=490591#bV90pCTPD7uZEf9> (дата обращения: 30.06.2022).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/ (дата обращения: 30.06.2022).

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 декабря 2014 г. № 16. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 30.06.2022).

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 30.06.2022).

12. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (посл. ред.) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/ (дата обращения: 30.06.2022).

13. Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ (посл. ред.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126735/ (дата обращения: 30.06.2022).

Михеев Д. С.,

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и административного права
Марийского государственного университета,
судья Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл,
г. Йошкар-Ола*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена проблемам правового регулирования института присяжных заседателей. Рассмотрены вопросы возможного совершенствования данного института на основе практики рассмотрения дел с участием присяжных заседателей в районном суде. Анализируются отрицательные аспекты института присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: суд присяжных; присяжный заседатель; уголовное судопроизводство; правосудие.

Расширение института рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, возложение соответствующих полномочий с июня 2018 года на районные суды порождает значительное количество дискуссий как в среде ученых, так и в сообществе практиков – судей, непосредственно рассматривающих данные уголовные дела. В научной литературе указанная форма правосудия воспринимается в основном как обоснованная и необходимая реальность, требующая лишь определенной «настройки». Так, Н.Н. Тутаринова высказывает мнение о том, что институт судов с участием присяжных заседателей пока не является совершенным, он заслуживает зачастую обоснованной и справедливой критики, но не с точки зрения вопроса «нужен ли он как таковой», а с позиции разрешения комплекса вопросов о том, «как необходимо организовать и усовершенствовать его деятельность» [10, с. 46]. Среди же юристов-практиков, в том числе судей, непосредственно участвующих в реализации данного вида правосудия, в подавляющем большинстве, напротив, преобладает негативная оценка.

По нашему мнению, следует согласиться с В.С. Кувшиновой в том, что суд с участием присяжных – это «неоднозначный и дискуссионный институт» [5, с. 201]. Причины несовершенства института суда присяжных видятся в его недостаточном правовом регулировании с учетом уже сформировавшейся значительной судебной практики, «обнажив-

шей» ряд существенных проблем. Считаем необходимым остановиться более подробно на некоторых из них.

Вызывает затруднение отбор кандидатов в присяжные при длительном периоде действия списков для формирования присяжных заседателей. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях» указанный список составляется исполнительно-распорядительным органом муниципального образования каждые 4 года из граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего муниципального образования. При этом закон не предусматривает обновление данных списков ранее указанного срока.

Как показала практика, данное обстоятельство приводит к тому, что на основании случайной выборки из списка присяжных заседателей сведения о необходимости явки в суд для собеседования для участия в качестве присяжного заседателя периодически направляются судом одним и тем же кандидатам повторно. Нередки случаи, когда они направляются уже умершим лицам, но находящимся в указанном списке. Данные обстоятельства вызывают у граждан, и без этого не обладающих высоким правосознанием, обоснованно негативную реакцию как к суду в целом, так и к суду присяжных в частности. А.Г. Левинсон, проводивший социологическое исследование общественного мнения относительно суда присяжных, отмечает, что имеющаяся в массовом сознании информация об отборе кандидатов в присяжные, об их роли в отправлении правосудия, их реальных обязанностях и правах крайне ограничена и зачастую неверна [6, с. 170].

Практика Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл, в частности, показывает, что к окончанию четырехгодичного срока действия списков кандидатов из вызываемых 1000 граждан на отбор является не более 25–30 человек. При этом на скамью присяжных заседателей вынужденно попадают кандидаты уже несколько раз участвовавшие в отправлении правосудия в течение названного срока. Данная ситуация еще более усугубляется для малонаселенных центров, районов либо городов, в которых находятся городские суды, где при небольшой численности населения формирование коллегий присяжных и так проходит с затруднениями [4, с. 204].

Устранение данной проблемы видится в необходимости внесения назревших изменений в ст. 4 указанного Федерального закона от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ, а именно: сокращения четырехлетнего срока

действия списков кандидатов в присяжные заседатели муниципального образования и установление ежегодного (либо более частого) обновления указанных списков с целью исключения из него умерших лиц, а также лиц, выехавших для проживания за пределы соответствующего муниципального образования.

В соответствии со ст. 30 УПК РФ коллегия формируется из основных 6 присяжных заседателей в районном суде и из 8 присяжных заседателей в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа. В соответствии с ч. 5 ст. 343 УПК РФ, если при вынесении вердикта голоса присяжных разделились поровну, то принимается наиболее благоприятный для подсудимого ответ. Таким образом, законодатель фактически создал неоднозначную правовую ситуацию и тем самым predetermined заведомо оправдательный уклон принимаемых решений присяжными заседателями. Данное обстоятельство, по нашему мнению, не способствует объективности принимаемого решения, для чего должно быть изменено количество присяжных на нечетное число в ст. 30 УПК РФ, что устранил ущербность ситуации и будет способствовать справедливости принимаемого присяжными заседателями решения.

В ходе судебного следствия возникают вопросы по перечню доводимой до присяжных информации. В соответствии со ст. 337 УПК РФ в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями. Данные о личности подсудимого исследуются лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления. Проведение судебного следствия при указанных ограничениях, не позволяющих доводить полную информацию до присяжных, постоянное реагирование судьи на высказанные случайно или умышленно сведения сторонами процесса, свидетелями, которые не могут в силу закона доводиться до присяжных, формирует у присяжных заседателей ложное мнение о том, что от них умышленно что-то скрывают. При этом к окончанию судебного следствия присяжные, как правило, отмечают, что им не хватает предоставленной информации. Кроме этого, процессуальные нарушения в части умышленного или случайного доведения запрещенной информации до присяжных, даже в случае соответствующего реагирования на них председательствующим

щим судьей, могут явиться одним из существенных оснований для отмены вынесенного приговора.

Для устранения указанных препятствий, упрощения самой процедуры ведения судебного следствия с участием присяжных, создания более объективной картины в их глазах видится необходимым расширение перечня информации, которая может доводиться до присяжных заседателей.

Обращает на себя внимание проблема ограниченной возможности отмены или изменения приговора, вынесенного с участием присяжных заседателей. В соответствии со ст.ст. 389.25, 389.27 УПК РФ приговор, вынесенный на основании вердикта присяжных заседателей, не предусматривает изменения или отмены судебного решения в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции. В соответствии со ст. 348 УПК РФ вердикт присяжных заседателей является обязательным для председательствующего судьи. При этом отсутствие какой-либо мотивировки принятого решения присяжными заседателями, равно как и возможности обжаловать оправдательный вердикт даже в случае его явного несоответствия или прямого противоречия имеющимся доказательствам по делу (в отличие от решения, вынесенного профессиональным судьей) не способствует объективности принятого решения. В какой-то мере подрывается авторитет судебной власти, ее основополагающие конституционные принципы.

Проводя исторические параллели анализируемого института, просматриваются схожие взгляды на него, имевшие место 150 лет назад. Так, с начала 1870-х годов консервативная публицистика навесила данному виду суда ярлык «суд улицы», поскольку вопреки ожиданиям состав присяжных в окружных судах оказался крестьянским [2]. Крестьяне, прежде чем на что-нибудь решиться или решить какое-нибудь дело, долго носятся, думают, что исследуют его со всех сторон, но вдруг, утомившись, бросают все свои изыскания и произносят решение согласно лишь с душевным настроением [1]. Другой мотив действия царского правительства, направленного на ограничение этого института, – «оправдательный синдром» присяжных. Частые оправдательные приговоры присяжных выносились даже в тех случаях, когда подсудимый сознавался в содеянном [11, с. 158].

На современном этапе можно констатировать, что на скамье присяжных заседателей, как правило, присутствуют лица из разных слоев

населения, различных сфер деятельности, с разным образовательным уровнем, которые, как и прежде, в большинстве своем не обладают юридическими познаниями и нормы права знают лишь поверхностно. Они также зачастую выносят вердикт, руководствуясь собственным жизненным опытом и эмоциями.

Количество обвинительных вердиктов, вынесенных присяжными в XIX веке, было примерно сопоставимо с количеством обвинительных приговоров судов сословных представителей. Так, например, в 1890 году данные показатели составляли 66 % и 69 % соответственно. На современном этапе данные цифры резко контрастируют. Так, в Республике Марий Эл с 2018 года по 2021 год районными судами было вынесено 6 оправдательных вердиктов, что составляет 46 % от общего количества дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей. При этом общее число оправдательных приговоров, вынесенных районными судами Республики Марий Эл, составило только 28, что составляет 0,32 % от общего числа рассмотренных дел [9]. Высокий процент оправдательных приговоров, вынесенных с участием присяжных заседателей, подтверждается и сведениями Судебного департамента Российской Федерации, что составляет от общего числа рассмотренных дел в Российской Федерации с участием присяжных заседателей в 2017 году – 17 %, в 2018 году – 12 %, в 2019 году – 24 % [4, с. 202–203].

Приведенные статистические данные, свидетельствующие о значительном количестве вынесенных оправдательных приговоров по делам, рассмотренным именно с участием присяжных заседателей, не говорят однозначно о том, что все они являются действительно справедливыми, соответствующими совершенным деяниям.

Присяжному заседателю, являющемуся, по сути, простым обывателем, в большинстве своем не имеющим опыта сопоставления доказательств (документов, экспертных заключений, протоколов следственных действий, свидетельских показаний), фактически предлагается провести серьезный анализ представленных доказательств, на основании которого ответить на вопросы, в том числе о виновности либо невиновности подсудимого. Данные требования часто являются непосильными для человека, не имеющего соответствующей квалификации, опыта и надлежащей подготовки, которыми в свою очередь обладает профессиональный судья, прошедший многостороннюю проверку по различным критериям, в том числе и на способность вынесения подобного рода решений. Поэтому возникающие у присяжного заседателя

сомнения, даже при наличии достаточных доказательств виновности подсудимого, ложно трактуются им как необходимость вынесения оправдательного вердикта. Встречаются случаи вынесения оправдательного вердикта просто вследствие жалости к подсудимому.

Многие присяжные признаются, что выносят оправдательное решение по мотиву страхов и боязни [3, с. 120]. Юридически не подкованные присяжные заседатели нередко поддаются влиянию защиты, что напрямую может сказаться на исходе дела [12, с. 615]. Присяжные зачастую не обладают юридическими познаниями и опытом, достаточным для определения ими фактических обстоятельств дела и доказательств, необходимых для принятия решения. Часто они ограничиваются услышанным [8, с. 26]. Юридическая неосведомленность присяжных заседателей существенно затрудняет принятие ими решения либо приводит к ошибочному усмотрению [7, с. 38].

Указанные обстоятельства прямо противоречат основополагающим принципам уголовного права: неотвратимости наказания за совершенное преступление, законности, равенства всех граждан перед законом. Кроме этого, не следует забывать и о правах потерпевшего, который, как правило, в результате совершенного преступления лишился близкого человека и в случае вынесения оправдательного приговора утрачивает право на компенсацию причиненного ему морального и материального вреда.

Высказываемыми суждениями о том, что народ является источником не только законодательной или исполнительной, но и судебной власти, в связи с чем через институт присяжных следует обеспечить демократический характер уголовного судопроизводства и его направленность на реализацию публичных интересов народа России [10, с. 49], фактически подменяется конституционная норма о доступе потерпевшего к правосудию, подразумевающего доступ к правосудному, справедливому, профессиональному, мотивированному судебному решению. Трудно представить, например, что конституционная норма о праве каждого на медицинскую помощь может означать оказание помощи в некоторых случаях не профессиональными врачами, а случайными людьми, не обладающими соответствующими специальными познаниями.

В современных реалиях, в которых Россия, преодолевая трудности, создаваемые США и «коллективным западом», твердо и уверенно выбирает свой собственный путь развития, утверждение о том, что нашей

стране необходимо перенять ценный опыт западных стран в области суда присяжных в период, когда правосудие не может встать на ноги [3, с. 120], по нашему мнению, является крайне сомнительным и малопримемым. В связи с чем, наряду с вопросами совершенствования законодательства в указанной сфере, представляется возможным пересмотреть в целом целесообразность наличия института присяжных заседателей в Российской Федерации.

Список источников

1. *Варфоломеев Ю.В.* Николай Константинович Муравьев: научная биография: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов. 2007. 517 с.
2. Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта.
3. *Гамидов А.М., Яхьяев Г.К.* О значимости института присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 6. С. 119–120.
4. *Карякина З.И., Чугунова Г.И.* О некоторых вопросах к требованиям, предъявляемым к присяжным заседателям. // Аграрное и земельное право. 2021. № 9 (201). С. 202–205.
5. *Кувшинова В.С.* Эффективность института суда присяжных на примере районных судов // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4. С. 211.
6. *Левинсон А.Г.* Образ суда присяжных в массовом сознании и возможные меры коррекции этого образа // Закон. 2021. № 5. С. 165–171.
7. *Марькин В.Н.* Суд присяжных в России: перспективы реформирования // Юридическая наука. 2015. № 1. С. 37–41.
8. *Скрипов С.В.* Пределы исследования доказательств судом с участием присяжных заседателей // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 21–27.
9. Статистические сведения Судебного департамента Республики Марий Эл за 2018–2019 гг. [Электронный ресурс]. URL: usd.mari.sudrf.ru/modules.php?name=stat (дата обращения: 30.06.2022).
10. *Тутаринова Н.Н.* Суд с участием присяжных заседателей как средство эффективной правовой защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений // Российский судья. 2022. № 2. С. 45–50.
11. *Шахрай С.М., Краковский К.П.* Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. М. : Кучково поле. 2014. 536 с.
12. *Щекотина М.М.* Реформа суда присяжных в России: за и против // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 2. № 5 (22). С. 614–616.

Петрянин А. В.,

доктор юридических наук, профессор,

*директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета,
г. Нижний Новгород*

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И НОВАЯ СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ, НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье представлено авторское видение влияния положений новой стратегии национальной безопасности на состояние, содержание и дальнейшее развитие уголовного законодательства. Отмечено, что уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности являются наиболее эффективными. Изменение внутренних и внешних угроз повлекли за собой симметричную, ответную реакцию в виде изменения курса современной уголовной политики в области обеспечения безопасности основ конституционного строя.

Ключевые слова: безопасность; национальная безопасность; уголовный кодекс; уголовная политика; противодействие; основы конституционного строя.

Национальная безопасность: что скрыто за этими словами? Всего лишь два слова, а они имеют огромную силу для осуществления защиты человека, народа, нации и целого государства. Обеспечением безопасности человечество было озадачено на всех этапах своего развития. Например, одним из первых исследователей, обратившим свое внимание на рассматриваемый феномен, стал Томас Гоббс. Он утверждал, что одной из причин, которая заставляет нападать людей друг на друга, является собственная безопасность [2, с. 113–117]. Ознакомившись с его книгой, можно сделать вывод: все, что нас окружает, что делаем мы и делает для нас государство, создается для охраны и защиты индивида, человека. Идею безопасности Т. Гоббса разделяли английские философы Фрэнсис Бэкон и Джон Локк.

Понимание безопасности как основной функции государства через сто лет нашло свое продолжение в трудах французов – философа-просветителя Дени Дидро, философа Анри Тири Поль Гольбаха и философа-материалиста Клада Адриана Гельвеция, а также английских представителей классической политэкономии Адама Смита и Давида Рикардо.

В России в понятие национальной безопасности на первоначальных этапах развития исследуемого направления были вложены характеристики, разработанные за рубежом. Оно не было адаптировано под особенности развития, строения и угрозы нашей страны. Поэтому употребление

западных терминов часто либо вообще не носит содержательного смысла, либо понимание процессов и явлений, обозначенных ими, для нас носило несколько искаженный смысл [4, с. 3–20].

В настоящее время базовые юридические характеристики безопасности изложены в Федеральном законе «О безопасности» [8]. В предшествующем Законе РФ «О безопасности» [7], который считается началом формирования правовой системы национальной безопасности российского демократического правового государства [3, с. 51–57], содержался раздел «Основные положения» с одноименным понятием. Рассматривая безопасность как состояние защищенности от внутренних и внешних угроз, законодатель предложил унифицированный подход, позволяющий использовать базовые характеристики рассматриваемой категории во всех сферах правового регулирования, тем самым предусматривая совершенно новый системный подход к обеспечению национальной безопасности, определяя основные объекты безопасности, а именно: личность с ее правами и свободами; общество с точки зрения материальных и духовных ценностей; государство – конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность.

В 2021 году Президентом России была утверждена очередная Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [6] (далее – Стратегия), в которой отражены долговременные стратегические задачи и приоритеты в осуществлении политики национальной безопасности, определены основные направления деятельности всех структур по обеспечению общенациональных интересов. В ее основу были заложены положения новой редакции Конституции Российской Федерации и майских указов. Это, конечно же, повлекло существенную модернизацию уголовного законодательства, что можно представить, в том числе в развитии направлений уголовно-правового противодействия экстремисткой деятельности.

Учитывая, что экстремизм характеризуется высочайшим уровнем организации, не имеющим территориальных границ, в последние два-три года наблюдается активизация деятельности уполномоченных на то органов в пресечении группового формата совместной протестной деятельности. Примером может стать реакция государства на деятельность молодежных деструктивных движений. Так, в 2020 году запрещена деятельность «АУЕ»¹ на территории Российской Федерации [5]. В 2022 году

---

¹ «АУЕ» – это аббревиатура, раскрываемая как «Арестантский уклад един» или «Арестантское уркаганское единство».

к террористическому [1] отнесено движение «Колумбайн»¹. Эти движения построены на пропаганде криминальных установок, агрессивного поведения и подмене классических ценностей, определяющих развитие личности, общества и государства.

Полагаем, что это новый формат эволюционирования экстремистской деятельности, идеологи которой нашли новые способы активного вовлечения в нее наиболее подверженного вербовке контингента с учетом соответствующих возрастных и психологических характеристик.

Такому контингенту необходим социальный лифт, позволяющий получать уважение окружающих и самореализовываться. Они его и находят в деятельности взятых для рассмотрения движений.

Полагаем, что сегодня политика нашего государства нацелена на опережение и пресечение такого рода угроз, исходящих от экстремизма и терроризма на более ранних стадиях, что методологически не только оправдано, но и стратегически эффективно. Это можно представить на примере ст.ст. 205⁴, 205⁵, 282¹ и 282² УК РФ.

Криминализация не только организации деятельности террористических или экстремистских сообществ и организаций, но и склонение, вербовка, а также иное вовлечение прямо подтверждает высказанный выше тезис.

Считаем, что такая модернизация корреспондируется с основными положениями Стратегии национальной безопасности РФ, в рамках которой экстремизм и терроризм отнесены к наиболее опасным угрозам.

Подводя итог, отметим, что современное состояние в области обеспечения национальной безопасности указывает на необходимость дальнейшей модернизации современного уголовного законодательства, взявшего под охрану наиболее значимые ценности. На примере обеспечения безопасности основ конституционного строя это может быть представлено в криминализации обучения экстремистской деятельности и склонения к экстремистской деятельности.

Список источников

1. Верховный Суд Российской Федерации признал «Колумбайн» террористической организацией [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=70034347> (дата обращения: 06.03.2022).

---

¹ «Колумбайн» – деструктивное движение, пропагандирующее массовые вооруженные нападения в учебной среде.

2. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М. : Соцэкгиз, 1936. С. 113–117.

3. Кардашова И.Б. Конституция Российской Федерации как основной источник обеспечения национальной безопасности // Вестник Управления прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 51–57.

4. Матвеев А.В., Матвеев В.В. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. № 1 (5). С. 3–20.

5. Решение Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 года по делу № АКПИ20-514с // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsr.f.ru/lk/practice/cases/10730656> (дата обращения: 06.03.2022).

6. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

7. Федеральный закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446 «О безопасности» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

8. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

Рогова А. А.,

кандидат юридических наук,

*преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России,
г. Нижний Новгород*

СУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК ОБЖАЛОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ О ВОЗБУЖДЕНИИ И ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В данной статье анализируется предмет судебного контроля при обжаловании процессуальных решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела, анализируются связанные с этим правоприменительные проблемы, предлагаются пути оптимизации осуществления данного вида судебного контроля.

Ключевые слова: судебной контроль; обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ; постановление о возбуждении уголовного дела; постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Возбуждение уголовного даёт старт процессуальному производству по делу. Как отмечает С.Б. Россинский, «...проводимая в строго определенном законом порядке, осуществляемая под надзором прокурора,

предполагающая возможность судебного обжалования, завершающаяся изданием обоснованного и мотивированного правоприменительного акта об «открытии» нового досудебного производства стадия возбуждения уголовного дела – это существенная процессуальная гарантия обеспечения законности всего дальнейшего предварительного расследования и судебного разбирательства» [10].

Обжалование действий органов уголовного преследования на этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела является важной гарантией 1) обеспечения прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (ч. 1 ст. 6 УПК РФ); 2) защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 2 ст. 6 УПК РФ). Нормативно данная гарантия закреплена в ст. 125 УПК РФ, в которой сказано, что постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные их действия (бездействие) и решения, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суд.

Анализ положений данной статьи позволяет сделать вывод о том, что обжалованию подлежат, во-первых, процессуальные решения (постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, постановление о прекращении уголовного дела, постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица [9, п. 2] и др.); во-вторых, действия (бездействие) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Из этого следует, что при обжаловании *постановления* предметом судебного контроля является законность и обоснованность принятого процессуального решения (для постановления о возбуждении уголовного дела – это наличие законного повода и основания для возбуждения уголовного дела, для постановления об отказе в возбуждении уголовного дела – законного основания для отказа в возбуждении уголовного дела) [9, п. 14, 16].

Вместе с тем, в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [9] (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ) сказано, что «судья не вправе давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания

сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы подлежат разрешению в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела». Отсюда вопрос: как суду, не выходя за рамки, очерченные Постановлением Пленума Верховного суда РФ, в которых должен осуществляться судебный контроль, обеспечить доступ к правосудию тем, кому необоснованно было отказано в возбуждении уголовного дела, или как защитить конституционные права того, в отношении которого необоснованно было возбуждено уголовное дело?

Данная неопределённость порождает сомнительные в своей правильности судебные решения. Так, С.Б. Россинский, С.А. Роговая отмечают, что «в подавляющем большинстве «отказных» постановлений суды обосновывают свое решение лишь одним-единственным аргументом – несоответствием предмета обжалования п. 3.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [11]. Один лишь факт многократного рассмотрения Конституционным судом РФ жалоб [8; 6; 5], касающихся вопросов обжалования процессуальных решений, принятых в порядке ст. 125 УПК РФ, свидетельствует о необходимости качественного урегулирования данной проблемы.

Так, на наш взгляд, вопрос определения предмета судебного контроля, осуществляемого в порядке ст. 125 УПК РФ, напрямую связан с пониманием предмета доказывания на стадии возбуждения уголовного дела.

Как известно, УПК РФ не содержит чёткого перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках доследственной проверки. Формулировка «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления» – оценочная, поэтому как в науке, так и в практической деятельности нет единства в её толковании.

По данному вопросу Верховный суд Российской Федерации пояснил, что УПК РФ не предусмотрено «требование об обязательности выяснения уже на стадии возбуждения уголовного дела всех обстоятельств происшедшего события, содержащего признаки преступления» [3]. Аналогичное положение содержится и в Определении Конституционного суда РФ [4].

Таким образом, стадией возбуждения уголовного дела законодатель умышленно прочертил границу между тем, что нужно доказать для начала уголовного производства и что можно оставить для доказывания «на

потом». В этой ситуации житейское восприятие обоснованности или необоснованности возбуждения (отказа в возбуждении) уголовного дела не редко диссонирует с решением правоприменителя, что, как следствие, приводит к судебному обжалованию процессуальных решений должностных лиц.

Дополнительные разногласия вносят отдельные решения Конституционного Суда РФ. Так, Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что судья, рассматривая жалобу по правилам статьи 125 УПК РФ (по буквальному смыслу которой он обязан проверить законность и обоснованность обжалуемого действия (бездействия) или решения), «не должен, во избежание искажения сути правосудия, ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от оценки фактической обоснованности обжалуемых действий (бездействия) и решений» [7]. «Иное делало бы невозможной оценку судом законности и обоснованности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, ставило бы решение суда по этому вопросу в зависимость от позиции стороны обвинения, свидетельствовало бы о непроверяемой презумпции законности, обоснованности и мотивированности принятого ею процессуального решения, об окончательности и неоспоримости ее выводов относительно обстоятельств, послуживших причиной обращения с заявлением о преступлении, относительно квалификации деяния и выбора основания для отказа в возбуждении уголовного дела, противоречило бы целям уголовного судопроизводства, роли суда как органа правосудия» [7]. В другом своём Определении Конституционный суд РФ указал, что «при рассмотрении жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, суд не имеет оснований для исследования материалов, подтверждающих или опровергающих факт совершения преступления, по признакам которого возбуждено уголовное дело» [5].

Фактически Конституционный суд РФ в своих решениях дал противоположные друг другу толкования ст. 125 УПК РФ. Также с разъяснениями Конституционного суда РФ расходятся и отдельные положения Постановления Пленума Верховного суда РФ. Данное обстоятельство требует унификации практики высших судебных органов.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о видах решений, принимаемых судом при рассмотрении жалоб на постановление о возбуждении (отказе в возбуждении) уголовного дела. Ответив на него, можно сделать вывод о том, как судебное решение, принятое в порядке ст. 125 УПК РФ,

влияет на окончательный результат, за которым, по сути, и обращается заявитель.

В соответствии с ч. 5 ст. 125 УПК РФ по результатам рассмотрения жалобы судья выносит одно из следующих постановлений: 1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение; 2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

В ч. 7 ст. 148 УПК РФ сказано, что, признав отказ в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, судья выносит соответствующее постановление, которое направляет для исполнения руководителю следственного органа или начальнику органа дознания, и уведомляет об этом заявителя. В постановлении судье следует указать, что он обязывает это должностное лицо устранить допущенное нарушение (п. 21 Постановления Пленума Верховного суда РФ). Вместе с тем судья не вправе предопределять действия должностного лица, осуществляющего расследование, отменять либо обязывать его отменить решение, признанное им незаконным или необоснованным (п. 20 Постановления Пленума Верховного суда РФ). Если судебное решение, принятое в порядке ст. 125 УПК РФ, не исполняется следственными органами, заявитель вправе обратиться с жалобой на их бездействие. В этих случаях судам также рекомендуется выносить частное определение (постановление) в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ, в котором обращать внимание должностных лиц на допущенные нарушения закона, требующие принятия соответствующих мер.

Таким образом, суд не вправе предопределить решение должностного лица. Его роль в рамках судебного контроля – признать действия должностных лиц законными либо незаконными и в последнем случае обязать должностное лицо устранить допущенное нарушение.

В соответствии с ст. 6 ФКЗ от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [12] вступившие в законную силу постановления федеральных судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Неисполнение постановления суда, а равно иное проявление неуважения к суду влекут ответственность, предусмотренную федеральным законом. Вместе с тем данный принцип не всегда реализуется.

Анализ судебной практики показывает, что нередко заявителям приходится преодолевать долгий и тернистый путь к правосудию. Проиллюстрируем сказанное на примере: заявитель обжалует незаконные действия должностных лиц в порядке ст. 125 УПК РФ. Суд удовлетворяет жалобу, однако решение не исполняется. Далее заявитель обжалует неисполнение решения суда. Нередко суд отказывает в удовлетворении жалобы, неверно ссылаясь на то, что жалоба уже была рассмотрена судом. Далее заявитель обжалует это судебное решение в апелляционном порядке. В случае удовлетворения суд отправляет его на новое судебное рассмотрение и т. д. [1; 2].

Возвращаясь к вопросу о конечном результате рассмотрения жалобы, напрашивается необходимость более быстрого и эффективного механизма исполнения судебного решения для обеспечения гражданам более оперативного и результативного доступа к правосудию.

Таким образом, сформулировав общие проблемы, возникающие при обжаловании процессуальных решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела, приведём наши конкретные предложения.

1. Исключить право обжалования постановлений о возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ. Таким образом, обязанность уголовного преследования, а также право выбора средств и тактики расследования остаётся за следователем, дознавателем и прокурором (ч. 1 ст. 21 УПК РФ). Суд лишь проверяет **законность действий** органов уголовного преследования при возбуждении уголовного дела, но не рассматривает вопросы его обоснованности. Обоснованность обвинения является предметом рассмотрения дела по существу в суде первой инстанции.

2. Предусмотреть право суда при обжаловании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела исследовать и оценивать фактический материал в полном объеме для получения вывода об обоснованности процессуального решения должностного лица. Так как при отказе в возбуждении уголовного дела утрачивается возможность заявителя на разрешение его заявления уголовно-процессуальным путём, тем самым блокируется доступ к правосудию. Суд, как орган, не зависящий от обвинения, является символом правосудия и должен обеспечивать защиту прав и интересов граждан.

3. Организовать более эффективный ведомственный контроль за исполнением судебных решений вплоть до привлечения виновных в неисполнении судебных решений к уголовной ответственности.

Список источников

1. Апелляционное постановление Московского областного суда от 06.11.2014 № 22к-6752/14 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

2. Апелляционное постановление Московского областного суда от 13.08.2015 по делу № 22К-5375/2015 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

4. Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2004 № 452-О «По жалобе гражданки Шевелевой Ларисы Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 803-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Санфирова Игоря Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

6. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 3386-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михайлова Константина Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

7. Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 № 5-О «По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

8. Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 № 894-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бабича Олега Васильевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

9. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

10. *Россинский С.Б.* Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 133–139.

11. *Россинский С.Б., Роговая С.А.* Предмет обжалования в суд действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры: от теории к практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 48–53.

12. Федеральный Конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

Стукалова Т. В.,

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Аменицкая Н. А.,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовно-процессуального права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО И РАЗЪЯСНИТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются законодательные и право-применительные проблемы функционирования правового института занятия высшего положения в преступной иерархии. Обосновываются предложения по совершенствованию правового и разъяснительного регулирования состава преступления в виде занятия высшего положения в преступной иерархии.

Ключевые слова: уголовный процесс; криминализация; преступная иерархия; лидер преступного мира; криминальный авторитет; доказывание; Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Организованная преступность в современный период представляет реальную угрозу национальной безопасности нашей страны. Федеральным законом от 01.04.2019 года № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» в Уголовный кодекс РФ было введено два состава преступления, связанных с занятием высшего положения в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ).

Отметим, что весной 2019 года, когда вводилась уголовная ответственность за криминальное лидерство, количество «воров в законе» составляло более 450 человек. В период с января по декабрь 2021 года количество доследственных проверок и возбужденных уголовных дел в соответствии со ст. 210¹ УК РФ составило 73, что на 5,2 % больше, чем за аналогичный предшествующий отчетный период 2020 года [1]. В 2021 году с обвинительным заключением было передано 32 уголовных дела (возрастание на 33,3 % по сравнению с аналогичным периодом за 2020 год). В 2021 году было выявлено 37 эпизодов занятия высшего положения

в преступной иерархии. Но проблема в том, что среди субъектов криминальных сообществ существуют и иные категории, признаваемые криминальными авторитетами, это, в частности, так называемые «положенцы», «смотрящие», «блатные», «авторитеты», «держатели общака». Перечень таких криминальных авторитетных положений выявлен нами в ходе исследования следственно-судебной практики в области привлечения к уголовной ответственности в соответствии со ст. 210¹ УК РФ.

Материальным и процессуальным проблемам применения ч.4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ посвящены отдельные научные исследования [2; 3], однако в настоящее время имеется неоднозначность и неясность толкования сущности деяния «занятие высшего положения в преступной иерархии», что влечет за собой возможность возникновения судебных ошибок при применении ч. 4 ст. 210 и ст.210¹ УК РФ, отсутствие единства следственно-судебной практики.

Так, первый приговор, который был вынесен по ст. 210¹ УК РФ Липецким областным судом, был оправдательным. По мнению липецкого судьи Татьяны Фроловой, подсудимый Гигиберия Тенгиз Омарович не подлежит уголовной ответственности, так как получил свой криминальный статус еще в 1997 г., соответствующие татуировки нанес лишь в 2011 г. (правило об обратной силе уголовного закона), а представленное обвинительное заключение не содержит конкретики относительно реализации им своих воровских полномочий.

Следует отметить, что отдельные признаки «авторитета и лидерства» в преступном сообществе (преступной организации) отражены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». Однако во время изучения следственно-судебной практики применения ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ нами был обнаружен ряд проблем. В связи с этим считаем необходимым внести дополнения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» либо принять новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ, регламентирующее уголовные и уголовно-процессуальные аспекты правового института занятия высшего положения в преступной иерархии, где должно быть отражено решение следующих проблемных вопросов следственно-судебной практики.

Первая проблема. Формулировка состава преступления в виде занятия высшего положения в преступной иерархии вызывает проблемы толкования. Также следует обратить особое внимание на то, что признаком преступления является, в соответствии со ст. 14 УК РФ, наличие общественно опасного деяния (действия или бездействия). Занятие высшего положения в преступной иерархии предполагает статус (положение), а не антиобщественное деяние. Таким образом, усматриваются нарушения принципов уголовного права (ст.ст. 6, 7 УК РФ), несоответствие основанию уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), несоответствие нормам института приготовления к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ), а также целям уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ). В связи с этим необходимо уточнение законодательной формулировки состава преступления ст. 210¹ УК РФ.

Кроме того, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ необходимо подробно юридически разграничить смежные составы преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ.

Вторая проблема. Правоприменитель затрудняется в определении субъекта преступлений в соответствии ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ. В частности, законодательно не определен перечень криминальных статусов, относящихся к «высшей лиге» преступной иерархии. Исходя из анализа следственно-судебной практики, к таковым относятся: «вор в законе», «положенец», «смотрящий», «держатель общака»; «авторитет», «блатной». Таким образом, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ должен быть изложен перечень криминальных статусов, относящихся к высшему положению в преступной иерархии.

Третья проблема. Правоприменителям не понятен момент начала и процедурный порядок возникновения статуса высшего положения в преступной иерархии («коронация», наделение «ворами в законе» других лиц статусом «смотрящего», «положенца» и др.). В связи с этим в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ должны найти отражение момент начала и процедурный порядок возникновения статуса высшего положения в преступной иерархии.

Четвертая проблема. Правоприменителям не понятен вид единого сложного преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ. В частности, указанное преступление является длящимся. В связи с этим в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ должен найти отражение вопрос отнесения ст. 210¹ УК РФ к категории длящихся преступлений.

Пятая проблема. Правоприменительно не ясен момент окончания занятия высшего положения в преступной иерархии, поскольку задержание лица не подразумевает окончание преступления. Добровольный отказ лица от преступления юридической силы не имеет и может быть ложным. Криминальный авторитет может быть лишен статуса только в специально установленном криминальном порядке (на «воровской сходке»). Таким образом, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ необходимо отразить вопрос о моменте окончания преступления.

Шестая проблема. Правоприменитель затрудняется в определении перечня действий, которые свидетельствуют о занятии высшего положения в преступной иерархии. В этой связи предлагаем следующую возможную классификацию функций лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, подлежащую изложению в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ: I. Идеологически-воспитательные функции; II. Организационно-распорядительные функции, II.1. Осуществляет обоснованную внутреннюю кадровую политику организованной преступной группы или преступного сообщества (преступной организации) и их подразделений, II.2. Осуществляет упорядоченную внешнюю криминальную политику организованной преступной группы или преступного сообщества (преступной организации) и их подразделений; III. Административно-хозяйственные функции.

Седьмая проблема. Учитывая, что практически по всем уголовным делам по ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ производятся судебные экспертизы (*судебная психологическая, судебная фоноскопическая, судебная лингвистическая, судебная культурологическая*), то ввиду отсутствия в Российской Федерации Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» [4] Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении должен восполнить пробел в законодательстве и дать разъяснения некоторых криминальных жаргонизмов (*«воровское сообщество»; «член воровского сообщества»; «вор в законе» «воровская разборка»; «воровской сход»; «коронация», «малява», «прогон», «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» и др.*), а также описать возможные криминальные татуировки. Напомним, что указанный законопроект был снят с рассмотрения Государственной Думы Федерального Собрания РФ в апреле 1998 года.

Восьмая проблема. Поскольку во всех уголовных делах в качестве доказательств используются результаты оперативно-розыскной деятельности, то Пленум Верховного Суда РФ должен описать критерии допу-

стимости указанного источника доказательств по рассматриваемым категориям уголовных дел.

Таким образом, надлежащее и единообразное толкование Пленумом Верховного Суда РФ норм, закреплённых ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, позволит обеспечивать принципы уголовного и уголовно-процессуального права, в том числе принцип неотвратимости уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии; сделает возможным вынесение законных, обоснованных и справедливых приговоров, иных судебных решений.

Необходимо особенно подчеркнуть: ввиду того, что доказывание составов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, основывается в том числе и на результатах оперативно-розыскной деятельности, то необходимо вывести указанные нормы из подсудности суда с участием присяжных заседателей. Поскольку присяжные заседатели не могут надлежаще оценить процесс использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе, в частности юридически значимые результаты проведения таких оперативно-розыскных мероприятий, как «наблюдение», «оперативный эксперимент», «оперативное внедрение», то постановляют оправдательный вердикт. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, внести изменения в пункт 2 части второй статьи 30 УПК РФ путем указания на то, что статья 210¹ УК РФ неподсудна суду с участием присяжных заседателей.

Список источников

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Государственная статистика. Единый отчет о преступности за январь-декабрь 2021 год [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/form/10256> (дата обращения: 30.03.2022).

2. *Кашин М.С., Пантелеев Д.В., Пантелеев В.А.* Некоторые вопросы применения статьи 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации: материальные и процессуальные аспекты // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1 (62). С. 57–61.

3. *Новиков В.А.* Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии: освоение ответственности и субъект преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 732–738.

4. Проект Федерального закона № 94800648-1 «О борьбе с организованной преступностью» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=21973#o4aS7xSoPekNZYaq> (дата обращения: 30.03.2022).

Фоминых С. М.,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
Вятского государственного университета,
судья Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции,
г. Нижний Новгород*

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ПРИМЕНЕНИЕМ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ, ДОМАШНЕГО АРЕСТА И ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности судебного контроля за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий. Автор анализирует судебную практику, связанную с применением данных мер пресечения, с указанием основных ошибок в применении уголовно-процессуального законодательства, устранение которых повлекло вмешательство в судебные акты

Ключевые слова: апелляционный суд общей юрисдикции; судебный контроль; мера пресечения.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1] высшей ценностью государства является человек, его права и свободы. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Содержание под стражей, нахождение под домашним арестом и запретом определенных действий допускаются только по судебному решению, в связи с чем роль суда при применении данных мер пресечения – это соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина, которые гарантированы государством.

Наиболее важно при применении указанных мер пресечения обеспечить законность и обоснованность решений и действий органов уголовного преследования, ограничивающих конституционные и иные права граждан.

Функции, осуществляемые судом при заключении под стражу, применении домашнего ареста и запрета определенных действий, а равно и при решении вопроса о продлении данных мер пресечения, реализуются в соответствии с требованием соблюдения основных прав, гарантированных человеку и гражданину Конституцией РФ: это право на свободу и личную неприкосновенность, из которого следует, что никто не может быть лишен свободы иначе, как в случаях и в порядке, установленном законом.

В этой связи институт судебного контроля имеет существенное значение в уголовно-процессуальном праве России, без него невозможно современное уголовное судопроизводство.

При изучении проблем судебного контроля за применением мер пресечения в виде запрета определенных действий, домашнего ареста и заключения под стражу необходимо рассмотреть основные аспекты, тесно взаимосвязанные с правами участников уголовного судопроизводства. В их числе – необходимость участия защитника в судебном процессе, а также проверка обоснованности подозрения в причастности лица к совершению преступления.

Так, согласно п. 5 ч. 1 ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [7] участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Таким образом, при решении вопроса об обязательном участии защитника в судебном разбирательстве, исходя из буквального смысла положений п. 5 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, необходимо принимать во внимание не только санкции статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [8], но и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет с учетом положений Общей части УК РФ, а также то, что обязательное участие защитника предусмотрено только в случае, когда лицу может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет за одно преступление, а не за их совокупность, по которым на основании ст. 69 УК РФ возможно назначение окончательного наказания по совокупности преступлений в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет.

С учетом изложенного, практика как Верховного Суда Российской Федерации, так и нижестоящих судов, например, Шестого кассационного суда общей юрисдикции¹, когда обвиняемый отказывается от защитника, не связывая это с материальным положением, заключается в не назначении последнего в качестве участника судебного процесса со стороны защиты, в случаях, когда лицо обвиняется в совершении:

– преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, по которому, с учетом положений ч. 3 ст. 66 УК РФ, не может быть назначено наказание свыше 15 лет лишения свободы;

---

¹ См.: Дела № 43-УД22-2 А4 от 10.02.2022 г., № 7У-2314/2022 от 18.04.2022 г.

– нескольких преступлений, например, по п. «а» ч. 4 ст. 162, ч. 2 ст. 209 УК РФ, по совокупности которых может быть назначено окончательное наказание свыше 15 лет лишения свободы, при этом отдельно по каждому из них предусмотрено наказание до 15 лет лишения свободы.

Вместе с тем, при аналогичных обстоятельствах, в ряде случаев судьями Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции принимались решения о назначении защитника с указанием на то, что по совокупности преступлений обвиняемому возможно назначение наказания в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет¹, что, принимая во внимание вышеизложенное, представляется неверным.

Следующей немаловажной проблемой правоприменительной практики являются выводы судов, принимавших решения по вопросу продления меры пресечения, о виновности лица в совершении преступления, что является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона, влекущим изменение судебного решения.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [4] обращено внимание, что суд должен проверить как обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, так и наличие конкретных сведений, указывающих на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении.

Подозрение – это предположение о причастности лица к совершенному преступлению, причастный – имеющий непосредственное отношение к чему-либо, а обвинение – это утверждение о совершении определенным лицом преступления.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы.

В соответствии с ч. 4 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

---

¹ См.: Апелляционное определение от 23 июня 2021 г. № 55к-510/2021, апелляционное постановление от 10 февраля 2022 г. № 55к-94/2022

Согласно ст. 15 УПК РФ орган уголовного преследования ответственен за обоснованность подозрения (обвинения) и за инициативу (ходатайство перед судом) заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого), а суд – за решение вопроса о том, можно ли данного подозреваемого (обвиняемого) оставить на свободе, исходя из предъявленного обвинения (подозрения) и обстоятельств, перечисленных в статьях 97 и 99 УПК РФ.

Таким образом, до тех пор, пока уголовное дело не поступило в суд с обвинительным заключением и не стало разбираться по существу, рассмотрение вопроса о виновности лица на стадии избрания или продления действия меры пресечения до вынесения итогового судебного решения по делу означало бы вмешательство в «чужую» процессуальную функцию (уголовного преследования), «суд до суда».

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 02 июля 1998 г. № 20-П [2], от 23 марта 1999 г. № 5-П [4] и в ряде определений, в том числе от 01 ноября 2007 г. № 799-О-О [5] 17 июня 2008 г. № 733-О-П [6], подчеркнул, что, исходя из конституционного права каждого на рассмотрение его дела справедливым и беспристрастным судом, сделанные судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела выводы относительно наличия или отсутствия события преступления, виновности лица в его совершении, достаточности собранных доказательств, по иным вопросам, которые могут стать предметом дальнейшего судебного разбирательства, могли бы определенным образом связывать судью при принятии по этим вопросам соответствующих решений. То есть судья в таких случаях не должен участвовать в дальнейшем рассмотрении уголовного дела, чтобы не ставить под сомнение законность и обоснованность решения, которое будет принято по делу в конечном счете.

Указанная правовая позиция нашла свое подтверждение и в решениях судов общей юрисдикции. Так, Пятый кассационный суд общей юрисдикции указал, что судья К. на стадии предварительного следствия, рассматривая и разрешая ходатайство следователя о продлении срока содержания под домашним арестом обвиняемой Х.М.Я. установил, что преступления совершены ею группой лиц по предварительному сговору, в период нахождения в должности государственной служащей, тем самым до вынесения приговора в отношении обвиняемой судья К. установил факт совершения ею преступлений¹.

---

¹ См.: Кассационное определение от 26 февраля 2020 г. № 77-100/2020.

Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции пришел к выводу об исключении из постановления Верховного Суда Республики Татарстан от 21 октября 2019 г., продлившем обвиняемому Ш.Н.М. срок содержания под стражей, суждения об осуществлении последним преступной деятельности, совершении в составе преступного сообщества обвиняемым систематических высоко организованных преступлений разной направленности, в том числе корыстной, организацию массовой миграции иностранных граждан в Российскую Федерацию, о глубокой конспирации преступной деятельности¹.

Таким образом, учитывая, что высказанная судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела позиция относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности вывода о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности собранных доказательств определенным образом ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по делу и постановлении приговора или иного итогового решения, исключению из обжалуемых судебных решений подлежат любые суждения о виновности лица, выраженные в категоричной форме, такие как:

- что преступления совершены обвиняемым группой лиц по предварительному сговору, в период нахождения в определенной должности;
- об установлении и описании конкретных обстоятельств дела, а также анализе и оценке доказательств по делу;
- утверждения, что преступление совершено обвиняемым в состоянии алкогольного опьянения и общественно опасным способом, а также тому подобные выводы.

Вместе с тем, представляется неверной судебная практика по исключению из текста обжалуемых судебных постановлений выводов суда:

- о наличии данных, указывающих на причастность к совершенному преступлению обвиняемого;
- что материалами уголовного дела обоснованно подтверждается причастность подозреваемого к совершению вмененного ему преступления;
- что следствием представлены необходимые данные об имевшем место событии преступления и обоснованности подозрения в причастности к его совершению обвиняемого;
- об обоснованности подозрения (обвинения) в причастности лица к совершенному преступлению, поскольку данные формулировки не сви-

---

¹ См.: Апелляционное определение от 18 ноября 2019 г. № 55к-49/2019.

детельствуют о констатации судьей факта совершения обвиняемым преступления, а равно и виновности в нем.

Данная позиция нашла свое отражение и в решениях Верховного Суда Российской Федерации, который указал, что избрание в качестве меры пресечения допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Поэтому формулировка суда о том, что органы предварительного следствия располагают доказательствами, дающими основания обвинять Т.И.А. и Ф.А.Н. в совершении преступления, не свидетельствует о том, что судья, указавшая это в постановлении об избрании меры пресечения, то есть до вынесения итогового решения, высказала суждение о совершении данными обвиняемыми инкриминируемого им преступления, что поставило под сомнение ее беспристрастность при рассмотрении уголовного дела и справедливость приговора, постановленного под ее председательством в последующем¹.

Подводя итог, необходимо отметить, что роль судебного контроля апелляционной инстанцией за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий состоит в удостоверении законности и обоснованности решений (действий) органов уголовного преследования. В этой связи сделанные автором выводы направлены на усовершенствование механизма контроля за соблюдением прав обвиняемых, а также за законностью и обоснованностью как представленных в суд органами расследования материалов для продления мер пресечения, так и выносимых по данному вопросу решений судом первой инстанции.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.07.1998 № 20-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 28. Ст. 3393.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.03.1999 № 5-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1749.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения

---

¹ См.: Кассационное определение от 01 декабря 2020 г. № 7-УД20-7-К2.

под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2. Февраль.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 01.11.2007 № 799-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01112007-n-799-o-o-ob/> (дата обращения: 15.07.2022).

6. Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2008 № 733-О-П «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Торкова Андрея Авенировича частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 1.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Чурова А. Ю.,

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

УСЛОВИЯ ОБОСНОВАННОСТИ РИСКА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ

Аннотация. В настоящее время вопросы обоснованности риска поднимаются многими российскими и зарубежными учёными. В рамках настоящей работы область исследования ограничивается отраслью здравоохранения как наиболее остро ощущающей негативные последствия ошибок, связанных с правовой оценкой причинения вреда в условиях применения медицинским работником рискованных, малоисследованных методов оказания медицинской помощи. Значительная часть представителей уголовно-правовой доктрины отмечает, что, несмотря на признание в обществе того факта, что риск имманентно присущ медицинской деятельности, неоднозначность и лаконичность законодательного определения института обоснованного риска создает предпосылки для совершенствования его законодательных основ.

Ключевые слова: обоснованный риск; крайняя необходимость; сфера здравоохранения; пациент; медицинский работник; добровольное информированное согласие.

К особенностям медицинской деятельности с полным правом можно отнести ее рискованный характер. Риск связан с тем, что в ходе выполнения медицинских вмешательств может быть причинен вред жизни или здоровью пациента. При этом в законодательстве, регулирующем отношения в сфере здравоохранения, нет никаких упоминаний о профессиональном риске медицинских работников. Это ведет к тому, что пациенты предъявляют претензии к врачам, в том числе и в ситуациях, исключающих преступность деяния, а случаи привлечения медиков к уголовной ответственности множатся.

Вместе с тем при определенных обстоятельствах уголовный закон способен защитить медицинского работника. Когда врач действует в ситуации обоснованного риска, то ответственности медицинского работника не наступает, даже если его действия причинили вред здоровью пациента или привели к его смерти. Однако для того чтобы медицинский работник мог обоснованно рисковать при оказании медицинской помощи, необходимо, чтобы был соблюден целый ряд важнейших условий как указанных в статье 41 УК РФ, так и сформировавшихся в процессе профессиональной деятельности врачебного сообщества.

Статья 41 Уголовного кодекса РФ, содержащая основные условия обоснованности риска, применяется крайне редко, чаще правоприменители прекращают уголовные дела в связи с отсутствием в поведении лица признаков состава преступления. Следует отметить, что в каждой сфере деятельности имеется определенная специфика в реализации положений рассматриваемой нормы, однако некоторые условия правомерности поведения лица являются общими.

Основным признаком обоснованности риска законодатель назвал общественно полезную цель, к которой должен стремиться и медицинский работник при выполнении сопряженных с риском действий. При этом такая цель может быть связана как с благом отдельной личности, так и с интересами всего общества, а также должна быть одобряема и моралью, и правом. Общественную полезность цели можно оценить только применительно к конкретной ситуации. Понятие «общественно полезная цель» относится к оценочным категориям, поскольку правоприменителю предоставляются полномочия по установлению наличия или отсутствия факта социальной пользы, важности и целесообразности получения тех результатов, достижение которых определяло содержание рискованной деятельности лица. Примерами общественно полезных целей в медицине могут служить стремление изобрести новые лекарства, разработать и применить

перспективные методы лечения, вакцины для профилактики серьезных заболеваний, желание улучшить состояние больного, продлить его жизнь, улучшить качество его жизни, сократить время нетрудоспособности, избежать травматичных методов лечения и т. д. Закон не требует, чтобы цель была обязательно достигнута, главное, что все действия врача должны быть направлены именно на ее достижение.

Важнейшее требование к обоснованности риска – общественно полезная цель не может быть достигнута действиями, не связанными с риском. Еще в прошлом веке на это обращалось внимание М.С. Гринбергом, который рассматривал риск как создание опасности в целях достижения общественно полезного результата, который не может быть получен обычными, нерискованными средствами [1]. В уголовном праве понятие риска понимается в одном значении – как возможная опасность, что прослеживается и в правоприменительной практике. Правоприменители рассматривают любое рискованное действие в медицине как опасное. Обоснованный риск, безусловно, опасное поведение, но оправданное целесообразностью.

Риск имеет место тогда, когда медицинский работник не уверен в возможном результате совершаемых действий, однако у него есть выбор, в том числе возможность отказаться от совершения вообще каких-либо действий для реализации общественно полезной цели. В этом случае не будет научного прорыва в сфере медицины, состояние отдельного пациента не изменится, но и вред жизни и здоровью человека рискованными действиями врача причинен не будет. Следует отметить, что нередко, опасаясь наступления негативных последствий, медицинские работники предпочитают не рисковать, не вмешиваться в естественное течение болезни агрессивными методами лечения, не гарантирующими положительный результат. Правовых рисков медицинскому работнику в этом случае удастся избежать.

Вместе с тем у лица есть возможность достичь поставленной цели, выбрав среди альтернативных вариантов поведения наиболее оптимальный в конкретной ситуации, позволяющий минимизировать потенциальную опасность. В случае причинения вреда правоохраняемым интересам конкретного пациента устанавливается, могла ли поставленная общественно полезная цель быть достигнута нерискованными методами. Если поставленные врачом цели могли быть достигнуты не связанными с риском действиями, однако такой вариант медицинским работником

выбран не был, то при наступлении негативных последствий риск не может быть признан обоснованным.

Еще одно условие обоснованности риска связывается законодателем с возложением обязанности на лицо, допускающее рискованные действия, предпринять достаточные меры для предотвращения вреда пациенту. При обоснованном риске момент принятия решения и выполнение конкретных социально полезных действий разделены по времени, так как для успешной реализации поставленных целей врач должен своевременно создать необходимые условия, чтобы не допустить негативного развития событий. Оценить, насколько комплекс мер был обоснован и позволял минимизировать риски для здоровья или жизни пациента, могут только профессионалы. Вместе с тем временной фактор является важным подтверждением стремления медицинского работника избежать причинения вреда правоохраняемым интересам и позволяет разграничить обоснованный риск и крайнюю необходимость.

В период пандемии коронавирусной инфекции действия медицинских работников, направленные на снижение числа людей, пораженных новой вирусной инфекцией, и уровня летальности, нередко совершались в состоянии крайней необходимости, особенно в первоначальный период, когда отсутствовали рекомендации Министерства здравоохранения, содержащие описание симптомов этого нового вида заболевания и рекомендации по лечению. Медицинским работникам нередко приходилось применять, что не допускается законом [4], лекарственные средства вне инструкции, предназначенные для лечения совершенно других заболеваний, с одной целью – спасти или облегчить состояние конкретного больного. Экстренность и непредсказуемость ситуации не оставляли врачам резерва времени на размышления и согласования.

Вместе с тем разработка вакцины для профилактики коронавирусного заболевания и процесс вакцинации проводились в рамках обоснованного риска, поскольку специалисты не были связаны с необходимостью немедленного принятия решения о применении препарата, а смогли провести необходимые исследования и существенно снизить опасность для здоровья или жизни вакцинируемых граждан.

Помимо отмеченных непосредственно в ст. 41 УК РФ признаков обоснованности риска, в здравоохранении еще одним важным аспектом является наличие высокого уровня квалификации и соответствующего опыта профессиональной деятельности допускающего рискованные действия медицинского работника, о чем свидетельствует не только рабочий

стаж и наличие диплома о высшем медицинском образовании, но и сертификат специалиста или свидетельство об аккредитации врача по определенному направлению медицинской деятельности.

Применяя рискованные методы лечения, медицинский работник не должен нарушать нормативные требования, содержащиеся в российских законах и подзаконных актах, регулирующих отношения в сфере здравоохранения, а также в решениях этических комитетов и медицинских комиссий. Следует отметить, что, хотя не все криминологи придерживаются аналогичной позиции и считают возможным нарушение требований законодательства [6], этот аспект имеет существенное значение, поскольку позволяет отграничить обоснованный риск от крайней необходимости, при наличии которой допустимы нарушения законодательства в сфере здравоохранения, вызванные экстремальностью ситуации и желанием медицинского работника устранить серьезную опасность для здоровья и жизни пациента.

Этические аспекты применения института обоснованного риска нельзя не принимать во внимание. Во-первых, медицинский работник обязан оценить величину риска, исходя из того, что получаемая пациентом выгода должна значительно превосходить негативные последствия от применения новых медицинских методик и лекарственных средств. Во-вторых, крайне неэтично желание медицинского работника реализовать свои корыстные интересы, в частности принятие подношений от пациента за включение в перспективные исследования, направленные на лечение тяжело больных людей, за использование новых, более эффективных лекарственных препаратов или методов лечения. В-третьих, не допустимы карьерные, авантюрные соображения применения рискованных методов оказания помощи, стремление медицинского работника самоутвердиться, продемонстрировать свое превосходство над коллегами.

В этом плане интересен следующий пример из судебной практики, когда медицинский работник безосновательно рискует здоровьем пациента из желания самоутвердиться, хотя не обладает достаточной квалификацией в конкретной сфере медицины.

Врач-ординатор стоматологического отделения онкологического диспансера принял в своё отделение тяжелобольного раком промежуточного бронха с метастазами в лимфоузлы средостения. Он провёл пациенту трахеостомию и катетеризацию подключичной вены, через день им же была проведена гастростомия. Доктор отказался от помощи специалистов соответствующего профиля, которые в этом центре были. Впоследствии

выяснилось, что клинических показаний для трахеотомии не было, что гастростомия также не была обоснована клинически, более того, ее нельзя было проводить в связи с осложнениями от катетеризации подключичной вены. В итоге здоровью больного был нанесен тяжкий вред [3; 5].

В данном случае имелись как правовые, так и этические нарушения, не позволяющие согласиться с утверждениями защиты о состоянии обоснованного риска: врач не обладал достаточной квалификацией для проведения указанных медицинских вмешательств, поскольку не прошёл специализации по абдоминальной хирургии и по реанимационной терапии и не имел соответствующих сертификатов, хотя это является обязательным условием обоснованности риска; в поведении врача имелись этические нарушения, так как выгода больного от действий медицинского работника не превышала риск, которому он подвергался.

Для признания риска обоснованным чрезвычайно важно, чтобы медицинская организация, в которой проводятся исследования или применяются новые методы оказания помощи пациентам, отвечала нормативным требованиям по оснащённости оборудованием, лабораторной базой, научными кадрами, уровню квалификации персонала. В такой организации должны быть созданы условия для решения поставленных врачом целей по лечению конкретного пациента или пациентов, страдающих определённым заболеванием.

Риск в медицине, как уже отмечалось, сопряжен с опасностью для жизни и здоровья человека, именно поэтому обязательным условием его обоснованности является получение информированного добровольного согласия конкретного пациента на применение в отношении него рискованных вариантов медицинского вмешательства. На обязательность получения такого согласия указывается и в законодательстве, регулирующем отношения в сфере здравоохранения [4, ст. 20].

Следует отметить, что судебная практика рассматривает информированное добровольное согласие как базовый документ для правовой оценки ситуаций, в которых в результате медицинского вмешательства был причинен вред здоровью пациента. При этом информированное добровольное согласие не должно рассматриваться как индульгенция, выдаваемая пациентом лечащему врачу и уполномочивающая последнего на причинение больному вреда любой тяжести, даже и при рискованных медицинских вмешательствах, на что достаточно однозначно указал Верховный Суд Российской Федерации [2].

Как определено в законодательстве об основах охраны здоровья граждан, пациент дает информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. В данном случае информированность означает, что пациент в доступной для него форме был ознакомлен с тем, какие именно методики лечения будут применяться лечащим врачом, насколько применение этих методов опасно для здоровья или жизни пациента, имеются ли более щадящие и менее агрессивные виды лечения болезни пациента, какие результаты могут быть достигнуты при использовании конкретных медицинских вмешательств, какие ближайшие и отдаленные негативные последствия возможны. Пациента необходимо уведомить о его праве отказаться от предлагаемого варианта оказания медицинской помощи и о том, что помощь ему будет оказана более традиционными способами в результате отказа от рискованного варианта лечения. Нередко вместо врачей информирование пациентов проводят медицинские работники, относящиеся к среднему медицинскому персоналу. Представляется, что при подобном подходе, хотя он и допускается законом [4, ст. 20], пациент не получает необходимого для принятия взвешенного решения объема информации в силу недостаточного уровня подготовки представителей среднего медицинского персонала в конкретном вопросе.

Признак добровольности данного пациентом согласия связан с отсутствием какого-либо воздействия на человека, как физического, так и психологического, а также отсутствием зависимости от лиц, имеющих отношение к проводимым клиническим исследованиям, и самостоятельностью принятого решения.

Вместе с тем нередко медицинские работники игнорируют положения об обязательности получения информированного добровольного согласия, в том числе и тогда, когда ими предпринимаются рискованные действия без достаточных на то оснований. Так, в одном из российских офтальмологических центров при лечении макулярной дегенерации медицинскими работниками в полость стекловидного тела глаза пациентов делались инъекции препарата «Авастин». Исходя из инструкции, этот препарат применяется при лечении онкологических заболеваний. В данном случае его использование привело к утрате пациентами зрения [5]. Стремление медицинских работников помочь пациентам преодолеть тяжёлое заболевание очевидно, и именно это обстоятельство сподвигло их пойти на риск. Но в этой ситуации риск не может быть признан обоснованным, поскольку существовали альтернативные традиционные и безопасные способы лечения данного заболевания. Медицинские работники не смогли убедительно

обосновать целесообразность и научную обоснованность использования примененного метода лечения, так как в научной литературе какие-либо данные о применении этого лекарственного препарата для указанных целей отсутствовали и, самое основное, не было получено информированное добровольное согласие пациентов на этот вид лечения. Представляется, что в данном случае действия врачей содержат признаки такого преступления, как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (статья 238 УК РФ), что предполагает серьезную уголовную ответственность.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что для признания риска в медицине обоснованным он должен соответствовать достаточно обширному перечню требований. Однако уголовное законодательство не учитывает, да и не может учесть специфику всех видов трудовой деятельности. Применение исключительно положений уголовного законодательства в конкретной ситуации допускает различные, не совпадающие по содержанию варианты толкования. Для того чтобы минимизировать разночтение положений уголовного закона, представляется целесообразным внести коррективы в позитивное законодательство, в частности регулирующие отношения в сфере здравоохранения, отразив в нем наиболее значимые, присущие исключительно медицинской деятельности условия обоснованности риска.

Список источников

1. *Гринберг М.С.* Проблема производственного риска в уголовном праве. М. : Гостюриздат, 1963. 132 с.
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 18-КГ20-122-К4 от 22 марта 2021 года [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1988914 (дата обращения: 14.03.2022).
3. Персональная ответственность медицинских работников за преступления, связанные с оказанием медицинской помощи и медицинских услуг. Лекция // Правовые этюды в медицине [Электронный ресурс] // СМС «Национальная медицинская палата». URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=28569> (дата обращения: 14.03.2022).
4. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 14.03.2022).
5. *Чупрова А.Ю.* В ответе за услугу. Применение статьи 238 УК РФ в отношении медицинских работников. Консультация // Новосибирская областная ассоциация врачей [Электронный ресурс] URL: <http://www.noav.ru/?p=28197> (дата обращения: 14.03.2022).
6. *Шумков А.С.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

РАЗДЕЛ V.

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

Власичева В. В.,

кандидат филологических наук,

старший преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков КФ РГУП,

г. Казань

ОБРАЗ КОРРУПЦИИ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Семантические компоненты концепта «коррупция» рассматриваются на материале дефиниций современных толковых и энциклопедических словарей и Национального корпуса русского языка. Коррупция в сознании русского человека предстает в виде перманентного и привычного явления действительности. Находясь в одном ряду с такими понятиями, как воровство, махинации, беззаконие, мошенничество и криминал, коррупция описывается с помощью метафорических моделей, среди которых основными являются «болезнь», «беда», «грех», «монструозность».

Ключевые слова: коррупция; Национальный корпус русского языка; когнитивная матрица; метафорическая модель; дискурс.

Противодействие коррупции является одной из приоритетных задач Российской Федерации. Разрабатывается комплекс мер, направленных на повышение эффективности антикоррупционного просвещения, систематизации и актуализации антикоррупционной нормативно-правовой базы, вовлечения граждан и общественных институтов в борьбу с коррупцией. Очевидно, что комплексное изучение коррупции как социально-культурного феномена и правового архетипа российской действительности вносит свой вклад в решение проблемы, «определяющей ценностные установки сознания и поведения участников правовой коммуникации» [10, с. 751].

Освещение коррупции в лингвокогнитивном ракурсе является дополнением к уже имеющимся междисциплинарным исследованиям, направленным на изучение легитимно-правового и обывательского дис-

курса коррупции в семантическом пространстве русского языка, а также понимание сопутствующих ценностных ориентиров и установок российского общества.

По данным этимологического словаря под редакцией Н.М. Шанского, словоформа *корупция* в значении «порча, повреждение» была зафиксирована в 1736 г. в «Очерках по исторической лексикологии русского языка XVIII в.». Слово в современном орфографическом написании появилось в 20-е годы XX в. в результате заимствования из английского языка, где *corruption* «коррупция, подкуп» восходит к лат. *Corruptio* «порча, искажение», суффиксальному производному от глагола *corrumpere* «портить, развращать» [12, с. 335].

Анализируя определения термина «коррупция» в толковых словарях русского языка XX века, О.В. Барабаш указывает на определенные закономерности: наличие субъектов преступной деятельности, средств и мотивов коррупционных деяний [1, с. 224].

Рассмотрев дефиниции в ряде более современных словарей, можно отметить, что компоненты значения слова «коррупция» в начале XXI века не подверглись существенным изменениям (см. *таблицу 1*).

По-прежнему значительную роль играет мотив коррупционной деятельности – личное обогащение; подкуп выступает в качестве инструмента коррупции; субъекты и объекты процесса (продажные чиновники, политики, госслужащие) обозначаются и характеризуются эксплицитно или имплицитно. В то же время возникают новые словарные компоненты значения: коррупция предстает как явление, опасное для общества; подчеркивается роль коррупции как связующего звена между государственными и преступными структурами.

Законодательно закрепленное понятие коррупции подробно и точно отражает компоненты значения слова, представленные в современных словарях: злоупотребление служебным положением и полномочиями, дача и получение взятки, получение выгод физическими и юридическими лицами вопреки интересам общества и государства [11].

Целью нашего исследования является анализ употребления лексемы «коррупция» в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) и сопоставление полученных результатов с компонентами словарных дефиниций.

Материалом исследования послужило 1000 примеров, отобранных в основном подкорпусе НКРЯ методом сплошной выборки.

Таблица 1.

**Сравнительный анализ компонентов значений дефиниций
слова «коррупция» в словарных изданиях XXI века**

	<i>Словари-источники</i>				
	[6, с. 572]	[4, с. 460]	[7, с. 199]	[3, с. 987]	[5, с. 317]
<i>Участники:</i>					
– должностные лица	+	+	+	–	+
– служащие гос. аппарата	+				+
<i>Качества субъекта-объекта коррупционного процесса:</i>					
– продажность	–	+	+	–	+
<i>Метод:</i>					
– подкуп		+	+	–	+
– взятка	+++			–	–
– использование служебного положения				+	+
<i>Сущность коррупции:</i>					
– общественно опасное явление	–	–	–	+	+
– слияние государственных структур с криминалом	+			–	–
<i>Мотивация:</i>					
– личная выгода	+	–	–	+	–
<i>Направленность против общества и государства</i>	+	–	–	–	–
<i>Собирательное понятие</i>	+	–	–	–	+

В ходе исследования была выстроена когнитивная матрица, характеризующая коррупцию по признакам:

- темпоральность (*вечная, во все эпохи и времена, не исчезает*) [8];
- локация (*везде, повсюду, кругом, запредельная*) [8];
- конкретизация/персонализация (по уровням – *коррупция низов, среднего уровня, верхов; по субъектам – духовенства, армии, судов, высшего образования, медицины и т. п.*) [8];
- степень (*массовая, тотальная, всеобщая, масштабная, колоссальная и т. д.*) [8];

– виды (*бюрократическая, системная, бытовая, идейная, административная* и т. д.) [8];

– облик (*жуткая, чудовищная, отвратительная, фантастическая* и т. д.);

– экономические функции и последствия (*уничтожает конкурентоспособность экономики, увеличивает стоимость жилья, плодит нищету, сдерживает развитие производства* и т. д.) [8];

– политические функции: *угроза законодательства, инструмент политической борьбы, способ устранения политических оппонентов* [8] и т. д.

«Национально-культурная специфика концепта находит свое наиболее яркое воплощение в образах, привлекаемых для его описания» [9, с. 224]. Исходя из этого постулата и опираясь на исследования метафоричности феномена «коррупция» А.Н. Баранова [2], был выявлен ряд метафорических моделей концепта, из которых наиболее частотными являются:

– коррупция как болезнь: *раковая опухоль, язва, эпидемия, чума, парализует людей*. Например,

«Коррупция... как **паразит**, поселяется в здоровом организме»; «Эта часть госаппарата является рассадником коррупции, которая в России превращается в **эпидемию**» [8];

– коррупция как растение (сорное): *прорастает, плодит, процветает* [8];

– коррупция как грех: *порок, материальный разврат, грязь, грех* [8];

– коррупция как беда: *бич страны, беда России, острая (моральная, психологическая, социальная, номер один) проблема, опасность, нестабильность, мешает жить* [8] и т. п.

«А хаос и коррупция – это питательный **бульон для террора**» [8].

– коррупция как чудовище: *гидра, свирепствует, губит все, отвратительна, съедает, сжигает* [8] и т. п.;

Слово «коррупция» в корпусном дискурсе часто соотносится с криминальными действиями и вытекающими из них последствиями (воровство, взятки, беззаконие, махинации, мошенничество, преступность и др.).

«ФСБ как часть государства (не самого эффективного, погрязшего в коррупции, лжи, безнаказанном воровстве и прочих грехах) не может быть не замарана» [8].

Тем самым концепт «коррупция» когнитивно репрезентирован через вербальное отождествление с преступным деянием, что в ряде случаев ведет к восприятию социума как криминализованной структуры.

Однако при этом коррупция является органичной частью сознания россиян: она *царствует, господствует, институционализируется, уза-*

конивается, распространяется по всему обществу, являясь при этом *стержнем власти, нормой, методом руководства, неизбежным, формой общения, формирующей решения средой, образом жизни, наследием советского времени и детищем существующего строя* [8].

Отметим, что в отдельных случаях отмечается положительная роль коррупции: *«Получается, что коррупция помогает сохранять институт высшего образования»; «Тем не менее очень часто приходится слышать утверждение о том, что коррупция вовсе не зло, а благо»; «...рождение таких сверхэкономик, как американская или японская, сопровождалось крайне высоким уровнем коррупции»* [8].

Антикоррупционные действия связаны с метафорической моделью «коррупция как война»: с коррупцией *борются*, ее пытаются *подавить, пресечь, победить* [8].

Метафоры, используемые в политическом дискурсе, отражают культурное наследие и накопленный социальный опыт. Являясь эмоционально окрашенными лексическими единицами, метафоры, связанные с образом коррупции в русском языке, представляют комплекс органистических и рациональных метафорических моделей, в большинстве своем объединенных общим признаком – причинения вреда человеку. Концепт «коррупция» семантически репрезентирован в виде природной стихии/силы/сверхъестественного существа, которые уничтожают преграды на своем пути. В рамках накопленного опыта адаптации и выживания человечества вербальное представление коррупции и борьбы с ней фокусируется на первостепенных для человека аспектах, например: коррупция – болезнь: медицинский аспект; коррупция – растение: экологическая ниша; коррупция – грех: морально-поведенческий аспект и т. д.

Список источников

1. *Барабаш О.В.* Концепт «Коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 223–229.
2. *Баранов А.Н.* Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 70–79.
3. Большой российский энциклопедический словарь / шеф-ред. А.Е. Махов, Л.И. Петровская, В.М. Смолкин. М. : Большая Российская Энциклопедия, 2007. 1888 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2014. 1536 с.
5. *Борисов А.Б.* Большой юридический словарь. М. : Книжный мир, 2010. 848 с.

6. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1. А-Л. М. : АСТ, 2005. 1168 с.

7. *Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.* Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М. : ООО ИФ «Азбуковник», 2008. 1040 с.

8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 01.02.2022).

9. *Нурова Л.Р.* Концепт и понятие в когнитивной лингвистике // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2014. Т. 10. С. 222–226.

10. *Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И., Краснов А.В.* Дискурс коррупции в российском обществе // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15, № 4. С. 751–764.

11. Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 06.03.2022) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999/ab8d724f8bf68370600c266e63603f3c8a384341/ (дата обращения: 10.03.2022).

12. *Этимологический словарь русского языка / под рук. и ред. Н.М. Шанского.* Т. 8, вып. 2. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 472 с.

Малышева Е. Ю.,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЕЛЕОЛОГИИ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВА

Аннотация. В статье рассмотрены методологическое поле современной телеологии; телеология и проблемы механизма правового регулирования; телеология и проблемы юридической техники. Предложена авторская интерпретация горизонтальной и вертикальной методологии в целях обоснования аналитической юриспруденции.

Ключевые слова: телеология; цель – средство – результат; субъективное право; уровни исследования права; виды механизмов в праве; вертикальная и горизонтальная методология; аналитика в праве.

В праве считается традиционным и фактически неоспариваемым тезис о том, что все правовые явления можно объяснить исходя из причинно-следственных связей.

Рудольф Штаммлер, анализируя в свое время генетическое и систематическое рассмотрение права, пришел к противоположному выводу – о невозможности объяснения отдельных правовых явлений исходя из принципа «причинности». [8, с. 98]. Интересен, на наш взгляд, и вывод, который был сделан цитируемым автором в результате: «...закономерность существования и развития права – есть закономерность не причинная, а телеологическая» [8, с. 123].

Можно также с уверенностью констатировать, что причинно-следственный метод познания общественных явлений лежит и в основе нормативизма как такового, одновременно являясь антиподом метода телеологического (целевого). В свою очередь полагаем, что телеологический подход – подход для методологии права универсальный [4, с. 10].

Телеологический подход позволяет учитывать практически все школы права, включая нормативизм; объективные и субъективные составляющие права; позволяет исследовать право в широком смысле, то есть учитывать доправовую (ненормативную) сферу, а также условно названную послеправовую (ненормативную) сферу. [4, с. 14]. Более того, при исследовании отраслевых аспектов права использование телеологии позволяет сделать выводы, в частности, о неоднородности предмета правового регулирования; выделить несколько видов МПР.

Телеологический метод, в свою очередь, помогает несколько по-иному взглянуть и на соотношение дедукции и индукции при исследовании различных правовых явлений. Так, при приоритетном положении индукции цели права могут быть исключительно идеологическими (для публичных отраслей права это норма, но для частных отраслей – нон-сенс). При приоритетном положении дедукции цели дифференцированы не только по отраслям права (мы считаем, что дедуктивно нельзя даже ставить вопрос о цели в частных отраслях права, так как ее не существует; следует говорить о целях субъектов в базовых институтах отрасли права), но и явно дифференцированы отраслевые правовые средства, в результате действия которых достигается правовой результат.

В свое время известный философ Поль Рикер писал, что индуктивный путь является единственно доступным только в *начале* (курсив мой – Е.М.) исследования, потому что вопрос заключается именно в том, чтобы определить структуру, общую для различных модальностей символического выражения, но он предостерегал от излишней и неоправданной торопливости в стремлении все сводить к единству [6. с. 34].

На наш взгляд, в частных отраслях права (во всяком случае, в большинстве их дифференцированных институтов) превалирует не индукция, а дедукция. Если последнее утверждение признать верным, то это послужит отправным элементом для дальнейших исследований механизмов правового регулирования. Полагаем, что даже последовательность исследований должна быть иная, чем это традиционно предлагается представителями российской теоретической науки. Вначале (по Рикеру) индуктивно, а значит все же предварительно, определяются лишь общие структурные границы права (акцент на различных школах правопонимания; философских и этических корнях права; идеях и духе права; основных юридико-технических приемах), а при переходе к исследованию отраслей права используется только дедукция.

В чем же состоит «методологическое поле» современной телеологии? Первенство в применении этой конструкции принадлежит М.В. Керимову, который «в качестве результата развития и действия права видит так называемое «методологическое поле», состоящее из диалектического, обще- и частнонаучного, а также практически-преобразовательного уровней» [1, с. 36]. При этом он считает, что даже общенаучные методы при наложении на конкретный объект исследования нуждаются в «перешлапке», то есть приспособлении, конкретизации, уточнении...» [1, с. 58]. Ранее автором был предложен компромиссный вариант, который мы склонны отстаивать и сейчас – это замена единого МПР на модельный МПР с дальнейшей его дифференциацией как в общетеоретическом, так и в отраслевом аспектах [4, с. 135].

Полагаем, что логическая цепочка «цель – средство – результат», известная большинству наук, вполне может сочетаться с обозначенными выше основными предпосылками выработки нового подхода в исследовании современного МПР, который условно назван как «целевой» и «модельный».

С учетом телеологического подхода наше общее видение структуры модельного МПР представлено следующими соображениями.

1. Объявляя цель первым элементом модельного МПР, мы не можем не учитывать ее собственной **сложной структуры**: целевой субъект; особые целепостановочные субъективные права; непротивоправные интересы; защита прав, интересов и благ. Полагаем, что в каждой отрасли права только один целевой субъект, который может ставить отраслевые цели. Следует также обратить внимание на связь между концентрацией цели в

основном разделе соответствующей отрасли права и возможным главным (единственным) целевым субъектом.

2. Средства являются вторым связующим элементом модельного МПР. Мы понимаем их как исключительно фиктивные отраслевые законодательные конструкции, обеспечивающие юридико-техническую трансформацию правовой цели в отраслевой правовой результат. Они представлены в виде средств-субъектов, средств-объектов, средств-действий.

3. Юридической наукой до сего времени не разработан такой правовой объект, как результат МПР, в том числе остается открытым вопрос о вхождении его в МПР отдельным элементом или нахождении результата МПР за его пределами. Более того, постановка вопроса о результате МПР уже предполагает возможность логического переосмысления отдельных методологических аспектов с выделением трех автономных его сфер: «до-правовая» сфера, собственно сфера права, сфера «условно послеправовая».

Результат является заключительным и самым методологически сложным (спорным) элементом модельного МПР. Однако смеем предположить, что это в любом случае исключительно правовая материя, искусственно созданная правом. А если принять верным наш тезис о горизонтальном и вертикальном взаимодействии в праве и дифференциации МПР, то при целевом МПР правовой результат, что бы им ни было, обратно возвращается в правовую материю и проверяется в рамках другого МПР.

В содержательном обосновании современной телеологии немало важное место занимает и модернизованная вертикальная «уровневая» дифференциация, а также возможность параллельной и одновременной системной характеристики как по горизонтали, так и по вертикали, предложенная ранее Э.Г. Юдиным [9, с. 67].

Показательно, что современные работы, затрагивающие проблематику конкретизации уровней, используют традиционный для права инструментарий, малоприспособленный для обоснования инновационных изменений в праве (особенно его законодательного раздела).

Так, В.М. Сырых выделяет четыре уровня: **уровень простых явлений** (норма права, правонарушение, источник права и др.); **уровень системных образований** (правовые институты, подотрасли права); **уровень систем второго уровня** (отрасли права, система права, механизм правового регулирования); **уровень тотальной целостности** (право в целом) [7, с. 14].

Телеологический подход также позволяет исследовать правовые явления одновременно как **по горизонтали** (через **структуру модельного механизма правового регулирования** (далее – МПР): **цель – средства – результат**, минуя позиции нормативизма), так и **по вертикали** (**выделение уровней**).

Авторская позиция в отношении наличия вертикальных уровней при исследовании права с методологических позиций состоит в следующем:

– **базовый (традиционный) уровень**, основанный на аксиомах римского права и **приоритете вещного права**;

– **производный (факультативный) уровень**, основанный на общих посылах **наднациональности и национальной экономико-политической целесообразности**, проявляемый в законодательной легитимации новых искусственных субъектов права (ГНК, коллективные неправосубъектные участники), субъектов-суррогатов (государственно-частные партнерства, некоммерческие партнерства, государственные корпорации); новых производных объектов права (производные финансовые инструменты);

– **техно-уровень** (электронный, цифровой, биотехнологический), основанный на объективных результатах современной науки и техники, не реагировать на которые право не может.

Иллюстрацией заявленного в формулировке настоящей статьи тезиса в отношении практического использования телеологических моделей в современных правовых исследованиях, а также демонстрация применения тезиса о совмещении горизонтальной и вертикальной методологии могут послужить отраслевые работы автора, опубликованные ранее [2; 3; 5].

Заключительные тезисы-выводы сводятся к следующему.

1. Методологическое поле современной телеологии представлено тезисами: телеологический подход универсальный, так как позволяет выходить за пределы собственно правовой материи, проводить исследования вне рамок отраслей права, он по своей сути междисциплинарен; телеологический подход позволяет преодолеть консерватизм и замкнутость права путем особой цикличности, что дает праву возможность развиваться нелинейно и более прогрессивно, используя традиционные интерпретационные элементы.

2. Телеология и проблемы механизма правового регулирования: выделение модельного МПР; дифференциация видов МПР.

3. Телеология и проблемы юридической техники (средства права): правовые средства – это фиктивные правовые конструкции (легальные (законодательные) либо признаваемые таковыми в доктрине и (или) судебной практике), обозначенные формальными и (или) содержательными признаками, созданными и функционирующими в конкретной отрасли права, которые обеспечивают юридико-техническую трансформацию отраслевых целей в тот или иной присущий отрасли права прикладной результат.

4. Предложена авторская интерпретация **горизонтальной и вертикальной методологии с позиций телеологии** (горизонтальной – посредством использования модельного механизма правового регулирования; вертикальной – посредством выделения соответствующих уровней).

5. В целях обоснования **аналитической юриспруденции** считаем наиболее перспективными дальнейшие исследования в области вертикальной методологии посредством выделения **базового (традиционного) уровня, производного (факультативного) уровня и техно-уровня.**

Список источников

1. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М. : Изд-во Современного гуманитарного университета, 2009. 521 с.

2. Мальшева Е.Ю. Адаптация правовых средств в виртуальной правовой среде (постановка вопроса) // Совершенствование средств реализации и применения права: общетеоретический и отраслевые аспекты: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (г. Казань, апрель 2016 г.). Казань: Казанский филиал ФГБОУ ВО «РГУП». С. 105-110.

3. Мальшева Е.Ю. Значение методологической конкретизации для дифференциации механизма правового регулирования (на примере права интеллектуальной собственности) // Вопросы повышения эффективности судебной защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: сб. науч. ст. М. : РГУП, 2018. С. 38-54.

4. Мальшева Е.Ю. Телеология в праве (общетеоретический и гражданско-правовой аспекты): монография. 4 переизд. М. : РУСАЙНС, 2021. 184 с.

5. Мальшева Е.Ю., Степанова В.Е. К вопросу о реновации нормативизма в механизме правового регулирования: цивилистический аспект // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 2. С. 145-148.

6. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Московский философский фонд. М. : Academia-Центр, МЕДИУМ, 1995. 416 с.

7. Сырых В.М. История и методология юридической науки. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 463 с.

8. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1908. 144 с.

9. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М. : Наука, 1978. 391 с.

РАЗДЕЛ VI.

ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Глазырина Ю. А.,

консультант Верховного Суда Удмуртской Республики,

г. Ижевск

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕДИНЫХ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ (РЕЙТИНГА) РАБОТЫ ПРЕСС-СЛУЖБ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. Актуальным для современной информационной политики судебной системы в направлении взаимодействия с общественностью и средствами массовой информации остается вопрос определения единых критериев работы пресс-служб. В статье определяются количественные и качественные показатели работы пресс-служб при формировании их оценки (рейтинга), а также обозначаются проблемы, возникающие при их определении.

Ключевые слова: информационная политика судебной системы; рейтинг работы пресс-служб.

Одними из целей Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы [3] (далее – Концепция) являются гармонизация отношений судебной власти и общества и повышение уровня доверия к судебной системе. Ранее данные цели были закреплены в Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [7] и в Кодексе судейской этики [2].

Реализация поставленных целей невозможна без оперативного и объективного освещения деятельности судебных органов и органов судейского сообщества пресс-службами и сотрудниками, ответственными за взаимодействие с общественностью и средствами массовой информации (далее – СМИ).

Вопросы освещения деятельности судов, органов судейского сообщества неизменно находятся в фокусе внимания руководителей судебных органов, Совета судей Российской Федерации, научных сотруд-

ников и преподавателей [4, с. 29; 6, с. 38], представителей общественных организаций и регулируются широким массивом нормативных правовых актов: от Конституции Российской Федерации и федеральных законов до постановлений Пленума Верховного Суда [5] и ведомственных документов.

Так, в выступлениях на итоговых совещаниях и пленарных заседаниях председатель Совета судей Российской Федерации Момотов В.В. традиционно уделяет большое внимание вопросу освещения деятельности судов, органов судейского сообщества и подчеркивает стремление Совета судей страны создать новые возможности для формирования открытого диалога судебной власти с гражданским обществом, повышения качества такого взаимодействия, обеспечения профессионального информирования о деятельности судов [1]. В связи с чем становится актуальной разработка четких критериев определения рейтинга работы пресс-служб и внедрения системы оценки такой работы как основного показателя эффективности взаимодействия пресс-служб судебной системы с общественными институтами, гражданами и представителями СМИ.

Вопрос определения единых критериев оценки (рейтинга) работы пресс-служб и лиц, ответственных за взаимодействие с общественностью и СМИ, как и разработка типового положения о пресс-службе суда, органа судейского сообщества пока не решен и находится на стадии разработки.

Сложность решения данного вопроса обусловлена объективными причинами: с одной стороны, отсутствием единообразия в субъектах, выполняющих функции взаимодействия и освещения деятельности судов и органов судейского сообщества (пресс-службы, пресс-секретари, гражданские служащие, ответственные за это направление работы), с другой – разнородностью выполняемого ими функционала (развитие одного или нескольких направлений, работа только с сайтом или выход на социальные медийные площадки и т. д.).

Прежде всего, необходимо учитывать, что вопрос определения единых критериев оценки работы пресс-служб, пресс-секретарей и государственных гражданских служащих, ответственных за взаимодействие с общественностью и СМИ, целесообразно рассматривать в контексте общей служебной нагрузки по зафиксированным в штатном расписании ставкам, а также с учетом наличия или отсутствия в штате судов, управлений Судебного департамента в субъектах отдельных подразделений – пресс-служб. Очевидно, что объем и качество выполняе-

мой работы по этому направлению будет существенно отличаться у сотрудника, выполняющего данные функции на выделенной ставке пресс-секретаря, и государственного гражданского служащего, ответственного за взаимодействие с общественностью и СМИ, совмещающего эту работу с иной нагрузкой по должностному регламенту.

Кроме того, пресс-служба как отдельное структурное подразделение имеет больше возможностей для освещения деятельности судебного сообщества и взаимодействия с общественностью и СМИ, а значит, показатели и критерии оценки ее работы закономерно будут отличаться от показателей и критериев оценки работы отдельных пресс-секретарей и государственных гражданских служащих, ответственных за взаимодействие с общественностью и СМИ. Не случайно создание иерархической системы пресс-служб судов как самостоятельных, укомплектованных структурных подразделений с надлежащим уровнем профессиональной подготовки их сотрудников, введение института штатных пресс-секретарей, *освобожденных от иных функций* (курсив мой – Ю.Г.), по-прежнему остается основным (и во многом – нереализованным) шагом в повышении эффективности взаимодействия СМИ и органов судебной системы согласно указанной ранее Концепции.

Также Концепция предполагает введение в штат кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, областных и равных им судов не менее двух ставок работников, ответственных за взаимодействие с общественностью и СМИ, в штат районных (городских) судов (в зависимости от составности) и в штат управлений Судебного департамента – ставку освобожденного работника по взаимодействию с общественностью и СМИ.

Считаем, что решению кадрового вопроса в немалой степени будет способствовать утверждение норм служебной нагрузки сотрудников пресс-служб и пресс-секретарей по выполняемому или заданному объему работы.

В качестве возможных критериев оценки (рейтинга) пресс-секретарей и пресс-служб предлагаем использовать количественные и качественные показатели работы.

Количественные показатели

В этом блоке показателей окажутся те, что поддаются перечислению и подсчету, это своеобразный спектр деятельности пресс-служб и пресс-секретарей.

Среди количественных показателей можно выделить:

– количество подготовленных для СМИ, опубликованных/размещенных материалов (пресс-релизов о резонансных делах, событиях и мероприятиях в судебной системе региона, анонсов, разъяснений и т. д.), видеороликов, приложенных фото – на официальных сайтах, в социальных сетях, в СМИ за определенный период времени. Например, за квартал, как сейчас сдаются отчеты по форме В 14.1 в Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации;

– направления деятельности (роль пресс-секретаря в подготовке к изданию ведомственного печатного издания (журнала, газеты); в организации и проведении мероприятий просветительского, образовательного, профориентационного характера: экскурсий, встреч, практикумов, бесед со студентами и школьниками, модельных судебных процессов; в организации и проведении пресс-конференций, брифингов, круглых столов для представителей СМИ).

Важно отметить, что количественные показатели должны соотноситься с качеством выполняемой работы, без которого любая деятельность нивелируется и превращается в погоню за цифрами.

Качественные показатели

На наш взгляд, именно данный блок показателей является ведущим в разговоре об эффективности взаимодействия СМИ, общественности и органов судебной системы и судейского сообщества, поскольку он определяет не только тональность самого взаимодействия, но и конечный уровень доверия как его результат.

В блок качественных показателей могут быть включены:

– оперативность – своевременность предоставления информации (особенно по запросам СМИ по резонансным делам), по возможности – в день оглашения судебного акта/его резолютивной части в зале судебного заседания. По остальной информации – в разумные сроки исходя из специфики запроса;

– доступность изложения материала для представителей СМИ и граждан – информация должна быть изложена понятным языком, с необходимыми разъяснениями, не копировать текст судебного акта;

– полнота информации – отсутствие вопросов, уточнений, невыясненных обстоятельств и т. д.;

– качество подготовленных материалов (содержательность, отсутствие фактических, орфографических и стилистических ошибок; оформ-

ление письменной информации и материала в соответствии с требованиями культуры речи, правилами официально-делового стиля русского литературного языка, требованиями ГОСТ, инструкций и рекомендаций; при общении, интервью, устных ответах – соблюдение акцентологических и орфоэпических норм русского языка, невербальных и паравербальных правил коммуникации);

– наличие пула журналистов – значимый показатель трудоемкой и постоянной работы представителей пресс-служб, основанной на личных контактах, установлении профессиональных связей и формировании правовой культуры лояльных судебных репортеров;

– формирование общего положительного имиджа судебной системы того или иного региона как общий результат и главный показатель качественной работы пресс-служб и лиц, ответственных за взаимодействие с общественностью и СМИ (отсутствие негатива/способность нивелирования негатива в СМИ).

Повышению качества работы пресс-служб и пресс-секретарей, безусловно, будет способствовать постоянное повышение квалификации и профессиональных навыков, обучение, участие в онлайн-марафоне «Пресс-день судов», в конкурсах профессионального мастерства, организуемых советами судей и Управлениями Судебного департамента в субъектах, а также во Всероссийском конкурсе пресс-служб судов и органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации под эгидой Совета судей страны, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и редакции журнала «Судья».

Кроме того, организация и проведение конкурсов на лучшее освещение деятельности судов, мировых судей и органов судейского сообщества в СМИ также привлекает внимание представителей СМИ, журналистов к судебной тематике, стимулирует их и сотрудников судов к открытому диалогу, поиску новых форм общения в целях эффективного сотрудничества. Для рассмотрения представленных на конкурс материалов, их оценки и определения победителей могут создаваться комиссии, в состав которых наряду с представителями советов судей, Управлений Судебного департамента в регионах, преподавательского состава образовательных учреждений высшего профессионального образования входили бы и представители средств массовой информации и общественности, в том числе регионального Союза журналистов. Подобный положительный опыт существует во многих регионах, например, в Вологодской,

Курской, Оренбургской, Орловской, Смоленской, Ульяновской областях, Республиках Мордовии и Татарстан, Удмуртской Республике.

Подводя итог, отметим, что открытость и гласность судопроизводства, возрастающая потребность общества в объективном освещении резонансных дел и мероприятий в судебном сообществе диктуют необходимость скорейшей разработки необходимых инструментов работы пресс-служб, к числу которых относятся и критерии оценки (рейтинг) работы.

Не сомневаемся, что в рамках подготовки к X Всероссийскому съезду судей и разработки его итогового документа судебным сообществом многие обозначенные в статье вопросы будут решены, а единые критерии оценки (рейтинга) работы пресс-служб обретут законченную и оптимальную форму.

Список источников

1. Выступление Момотова В.В. на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации. 24.05.2022 // Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/46475> (дата обращения: 04.07. 2022).
2. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2. Февраль.
3. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 05.12.2019) // Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://www.ssrf.ru> (дата обращения: 04.07. 2022).
4. Орлова К.А. Взаимодействие судов с общественностью и средствами массовой информации как часть социализации правового статуса судьи // Администратор суда. 2016. № 1. С. 27–32.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Российская газета. 2012. 19 декабря.
6. Синцов Г.В. Правовое регулирование взаимодействия судов со средствами массовой информации // Администратор суда. 2016. № 4. С. 37–39.
7. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6217.

Яшина А. А.,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП,

г. Москва

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНЫХ КОММУНИКАЦИЙ СО СМИ В УСЛОВИЯХ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ НА 2020–2030 ГГ.¹

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы судебных коммуникаций, анализируются сформулированные на международном уровне рекомендации для судей по взаимодействию со средствами массовой информации (СМИ), определяются новые возможности и риски, связанные с соблюдением профессиональных стандартов поведения в условиях информационного общества. На основе международного опыта и лучших практик зарубежных стран предлагаются наиболее предпочтительные варианты судебных коммуникаций: институциональное использование социальных сетей, пресс-релизы, интервью и др.

Ключевые слова: судебные коммуникации; социальные сети; информационная политика судебной системы; цифровая судейская этика; взаимодействие судов со средствами массовой информации.

Долгое время правосудие ассоциировалось с принципами секретности и осмотрительности. Считалось неуместным и ненужным, чтобы судьи участвовали в публичном обсуждении, поскольку их комментарии могут подорвать независимость и авторитет судебной власти. В дальнейшем была признана необходимость улучшения связи между судами и общественностью, что привело к разработке принципа публичности. Но для поддержания доверия общественности к системе правосудия стали необходимы другие способы коммуникации. Эти новые задачи, возложенные на сотрудников судебных органов, ставят их в положение, в котором они должны находить новаторские способы сохранения своей беспристрастности и независимости [18].

Главной целью судебных коммуникаций является создание, укрепление и сохранение поддержки судебной системы путем демонстрации приверженности сектора своей миссии. Эта поддержка достигается за счет содержательного, профессионального общения между судами и их внутренними и внешними заинтересованными сторонами [16].

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00672.

Чтобы быть последовательно значимыми и профессиональными как в обычных операциях, так и в необычных условиях, судебные коммуникации должны обрабатываться обученными и назначенными представителями в соответствии с руководящими принципами, отражающими соответствующие стили для различных СМИ и отвечающими стратегическим целям и задачам судебной системы.

В Концепции судебной реформы 1991 г. главной задачей судебной реформы в Российской Федерации в том числе было признано обеспечение достоверности и повышение доступности информации о деятельности правоохранительных органов, судебно-правовой статистики [6]. 27 декабря 1991 г. принимается Закон РФ № 2124-1 «О средствах массовой информации» [1]. В конце XX века принимаются нормативные документы, более подробно регулирующие указанные вопросы, а именно: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 23.07.1999 № 72 «О мерах по информационному обеспечению деятельности судов, органов судейского сообщества и системы Судебного департамента» [8], а также Рекомендации «Об улучшении взаимодействия судов и средств массовой информации при освещении судебной деятельности», утвержденные Советом при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия. Эти документы можно назвать первым шагом, предпринявшим попытку к налаживанию взаимодействия между СМИ и судебными органами [13].

В данных документах отмечается, что «уровень взаимодействия судебной власти и СМИ пока не соответствует потребностям общества. Между судьями и журналистами зачастую нет взаимопонимания, складываются настороженные, а иногда и конфликтные отношения. С одной стороны, это объясняется позицией судов, склонных к информационной закрытости, а с другой – наличием поверхностных криминальных репортажей» [5]. Следует отметить, что по прошествии более 20 лет данные строки остаются все еще актуальными, и существующие проблемы по взаимодействию судов и СМИ не решены в полном объеме.

В начале XXI века в России принимается ряд нормативных актов, направленных на регулирование вопросов взаимодействия СМИ и судов, такие как Концепция информационной политики судебной системы Российской Федерации, принятая Постановлением Совета судей Российской Федерации от 16 ноября 2001 года № 60 [2], Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.02.2005 № 19 «О мерах по совершенствованию информационного обеспечения деятельности судов, орга-

нов судейского сообщества и системы Судебного департамента» [9], Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [11], Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [7].

В большинстве современных государств общественность получает информацию о судах преимущественно из СМИ. Все чаще информация о судах и системе правосудия в целом передается через новые медиа. Опрос общественной информации об оценке доверия к судам показал, что общество, особенно молодые люди, в значительной степени зависит от онлайн-новостей и социальных сетей в качестве источников информации [17].

Выход на новый уровень развития информационной среды, внедрение современных информационных и коммуникационных технологий в процесс судопроизводства, трансформация способов распространения информации, улучшение технического оснащения судов, необходимость повышения эффективности функционирования сайтов судов и государственных автоматизированных систем показали необходимость выработки новых направлений и задач информационной политики судебной системы Российской Федерации, в связи с чем Советом судей РФ была утверждена новая Концепция на 2020–2030 годы [3].

Важное значение в вопросе формирования основ и правил взаимодействия судов и СМИ имеют общепризнанные принципы и нормы международного права: Рекомендации Комитета Министров Совета Европы № (81) 7 от 14 мая 1981 г. «Относительно путей облегчения доступа к правосудию» и № (95) 12 от 11 сентября 1995 года «Относительно управления системой уголовного правосудия».

Весьма полезный опыт и для российских судей содержит Руководство по средствам массовой информации 2020 года, разработанное Национальной ассоциацией по управлению судами – National Association for Court Management (NACM) [14]. Вступительная глава Руководства по СМИ 2020 года для современных судов озаглавлена «Информирование суда о сообщении». С самого начала в этом Руководстве делается попытка донести, что общение суда со СМИ должно осуществляться в форме сознательных, целенаправленных сообщений, а не случайных, незапланированных замечаний. Глава 1 посвящена основам коммуникации, включая важные задачи в более широком контексте продвижения

целей и обязанностей судебной системы. Суды несут позитивную обязанность эффективно информировать о своей роли в обществе и фактической деятельности, чтобы общественность могла следить за отправлением правосудия и понимать его. Правильное обращение к СМИ необходимо не только для того, чтобы препятствовать спекуляциям, которые неизбежно возникнут в информационном вакууме, но и для активного противодействия кампаниям дезинформации, которые процветают в нашей современной реальности. В главе 2 «Составление эффективного пресс-релиза» рассказывается о том, как подготовить эффективные коммуникации в СМИ. Предлагаются соответствующие рекомендации по содержанию, стилю и форматированию.

В 2019 году Глобальной сетью честности и неподкупности судебных органов были приняты Руководящие принципы по использованию социальных сетей, которые предполагают институциональное использование социальных сетей судами. Авторы данного документа отмечают, что внедрение соцсетей в судебную деятельность может стать эффективным инструментом по усилению таких ценностей, как «а) доступ к правосудию; б) отправление правосудия, в частности в контексте эффективной работы судей и оптимизации сроков рассмотрения дел; в) подотчетность; г) прозрачность; д) доверие общества к судебной системе, понимание работы судей и судов, уважение к ним» [4].

Указанные положения отвечают главе 3 Руководства по СМИ НАСМ-2020, в которой исследуются проблемы институционального использования социальных сетей. Помимо обсуждения общих преимуществ использования социальных сетей, Руководство по СМИ определяет несколько распространенных платформ социальных сетей и способы коммуникации, для которых каждая из них может быть наиболее подходящей. Предлагаются практические рекомендации по использованию социальных сетей, например использование кодексов поведения и политики в социальных сетях с целью повышения эффективности обмена сообщениями в социальных сетях, одновременно снижая вероятность неловких или даже этически неприемлемых сообщений.

Следует отметить, что институциональное использование официальных страниц в социальных сетях закрепляется в числе задач развития информационной политики судебной системы до 2030 г., а именно увеличение количества информационных ресурсов судов. Отмечается необходимость использования аккаунтов в социальных сетях, информационного наполнения официального канала Верховного Суда Российской Фе-

дерации и других судов в YouTube, официальных страниц в социальных сетях за счет освещения актуальных правовых новостей, интервью с судьями и первыми лицами, представителями общественности, видеороликов о работе судей [3].

Существуют обстоятельства, при которых внимание СМИ и коммуникационное давление на суды сильнее, чем обычно. Такие обстоятельства являются предметом главы 4 Руководства по СМИ, в которой рассматриваются проблемы коммуникации и лучшие практики в контексте громких судебных процессов. Подчеркиваются проблемы планирования для достижения наилучших результатов. Рекомендации касаются преимуществ наличия правил или распоряжений для управления СМИ и связанных с ними проблем безопасности. Аналогичным образом отмечаются преимущества подготовки специального медиа-пакета для лучшего обслуживания представителей СМИ при одновременном снижении нагрузки на персонал суда. Глава завершается специальным дополнением, в котором рассказывается об уроках коммуникации, которые суды недавно усвоили во время пандемии коронавируса (COVID-19); например, исследования весной и летом 2020 года показывают, что социальные сети, такие как Twitter и Facebook, оказались единственным наиболее важным компонентом кризисных коммуникаций для многих иностранных судов.

НАСМ и ССРЮ поощряют суды проявлять позитивный подход и активную роль в управлении отношениями со СМИ. Медиа играет важную роль в информировании общественности о деятельности судов. Успешное выполнение целей и обязанностей судов в значительной степени зависит от общественного доверия к судам и поддержки других ветвей власти, без которых законность судебных решений может быть поставлена под сомнение, а ресурсы и условия, необходимые для независимости судебной власти, могут быть утрачены. Эффективная коммуникация с помощью традиционных и новых СМИ позволяет судам повысить свою воспринимаемую социальную ценность и общую эффективность [14].

Суды не могут предполагать, что СМИ понимают судебную систему. Времена специализированных репортеров, сведущих в юридических знаниях или, по крайней мере, поверхностно знакомых с судебной системой, прошли. Часто молодые, переходящие репортеры ничего не знают о судебной системе или ее правилах. Скорость обновления информации в социальных сетях вынуждает репортеров быстро публиковать статьи с помощью беглой проверки. Такая среда может привести к тому, что

общественность будет усваивать неверную информацию и получит ложное представление о суде.

Важно развивать и поддерживать профессиональные отношения со СМИ и, по возможности, придерживаться политики прозрачности и открытости при взаимодействии с журналистами. Многие обозреватели, освещающие деятельность судов, практически не разбираются в тонкостях судебной системы или вообще не имеют никакой подготовки. Представитель суда, возможно, должен быть экспертом и поэтому должен быть готов ответить на основные, а также сложные вопросы о деятельности суда и судопроизводстве. Учитывая большое разнообразие СМИ, доступных в настоящее время для общения в судах, те, кто будет выступать от имени судов, должны знать о сильных и слабых сторонах каждого СМИ, а также о том, какое средство лучше всего подходит для охвата определенной аудитории.

Институциональной проблемой коммуникации судов со СМИ является то, что взаимодействие осуществляется, прежде всего, пресс-секретарями или пресс-службами судов. Пресс-служба суда обычно не имеет статуса специального подразделения в аппарате суда, отвечающего за реализацию данного направления. В связи с чем следует поддержать позицию авторов, которые обосновывают необходимость создания «иерархической системы пресс-служб судов как самостоятельных, укомплектованных структурных подразделений с надлежащим уровнем профессиональной подготовки их сотрудников, введение института штатных пресс-секретарей арбитражных судов, судов общей юрисдикции, освобожденных от иных функций, при координации судьи по взаимодействию со средствами массовой информации» [12].

В заключение следует отметить, что в настоящее время судебные коммуникации с общественностью и СМИ осуществляются по нескольким направлениям: передача судебного сообщения; взаимодействие со средствами массовой информации; интервью со СМИ; подготовка эффективного пресс-релиза; институциональное использование судом социальных сетей; управление громкими судебными разбирательствами и чрезвычайными ситуациями.

На основании исследованных отечественных документов, используя международный опыт взаимодействия со СМИ, следует сделать следующие предложения и рекомендации по взаимодействию со СМИ:

– в каждом суде необходимо разработать План судебных коммуникаций, Правила взаимодействия с общественностью и СМИ;

– размещению подлежит простая, понятная информация о суде и его правилах на веб-сайте суда. СМИ по возможности следует направлять на официальный сайт суда;

– следует проводить образовательные встречи в судах, чтобы обсудить политику и процедуры (правила зала суда) или показать журналистам, как эффективно изучать судебные материалы;

– необходимо внедрять проведение круглых столов для СМИ/судей с целью предоставления информации, которая поможет средствам массовой информации освещать деятельность судов. Такие мероприятия также служат цели размещения судей и репортеров в одной комнате в обстановке, не связанной с залом суда, чтобы они могли лучше узнать друг друга;

– рекомендуется взаимодействие с местной ассоциацией адвокатов для проведения мероприятий, на которых судьи, адвокаты и СМИ собираются для обсуждения текущих вопросов (разумеется, не рассматриваемых в суде дел);

– введение в штат судебных органов ставки освобождённого работника по взаимодействию с общественностью и СМИ.

Список источников

1. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. № 32. 8 февраля.

2. Концепция информационной политики судебной системы Российской Федерации, принятая Постановлением Совета судей Российской Федерации от 16 ноября 2001 года № 60 [Электронный ресурс]. URL: <https://apkrfkod.ru/ /zakonodatelstvo/postanovlenie-soveta-sudei-rf-ot-16112001-n-60/> (дата обращения: 20.02.2022).

3. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339776/7327668c04c0470317b26d354e36cb828a4af319/ (дата обращения: 20.02.2022).

4. Необязательные руководящие принципы использования судьями социальных сетей [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/ji/resdb/data/2019/non-binding_guidelines_on_the_use_of_social_media_by_judges.html?lng=en&match=social%20media%20guidelines (дата обращения: 10.07.2021).

5. Об улучшении взаимодействия судов и средств массовой информации при освещении судебной деятельности. Рекомендации. Совет при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия. 11.02.99 [Электронный ресурс]. URL: business-pravo.ru (дата обращения: 20.02.2022).

6. Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1435.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.

8. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 23.07.1999 № 72 (ред. от 24.12.1999) «О мерах по информационному обеспечению деятельности судов, органов судейского сообщества и системы Судебного департамента» (утратил силу в связи с изданием Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.02.2005 № 19). Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.02.2022).

9. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.02.2005 № 19 «О мерах по совершенствованию информационного обеспечения деятельности судов, органов судейского сообщества и системы Судебного департамента». Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.02.2022).

10. *Сорокина И.В.* О взаимодействии арбитражных судов со средствами массовой информации в условиях концепции информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2020. № 1 (16). С. 50–52.

11. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6217.

12. *Фомина Л.Ю.* Взаимодействие судов со средствами массовой информации и общественностью в современных условиях: российский и зарубежный опыт // Правосудие в Республике Мордовия. 2021. № 25. С. 78–82.

13. *Щекотина Д.А.* Суды и СМИ: возможно ли их конструктивное взаимодействие? // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 4. С. 153–159.

14. A Media Guide for Today's Courts NACM / CCPIO 2020 // URL: https://www.ncsc.org/___data/assets/pdf_file/0022/55075/NACM-CCPIO-Media-Guide.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

15. Communications and the judiciary in England and Wales by Mike Wicksteed, Lisbon Network, ENCJ, 2008; Senior Judge cautions colleagues over courting publicity, opinion by Lord Neuberger, The Guardian, 16.03.2012.

16. Delivering Our Message: Court Communication Plan for the Judicial Branch of Florida (Tallahassee: Supreme Court of Florida, 2016), p. 4 // Court Communication Plan for the Judicial Branch of Florida (floridasupremecourt.org) (дата обращения: 18.02.2022).

17. GBAO Strategies, State of the State Courts: 2019 Poll (National Center for State Courts, survey conducted November 18-23, 2019) // URL: <https://www.ncsc.org/survey> (дата обращения: 18.02.2022).

18. Judicial Communication And Professional Ethics. Kroměříž, 23–26 June 2015 // JUDICIAL COMMUNICATION AND PROFESSIONAL ETHICS (ejtn.eu) (дата обращения: 27.02.2022).

РАЗДЕЛ VII.

ШКОЛА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Антипова Т. А.,
магистрант ЦФ РГУП,
г. Воронеж

Научный руководитель:
Хатуаев В. У.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ЦФ РГУП,
г. Воронеж

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОПРАВКИ 2020 Г. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Аннотация. В данной статье исследуются некоторые аспекты правового регулирования конфликта интересов на государственной гражданской службе в контексте конституционных новаций 2020 года о публичной власти и её должностных лицах.

Ключевые слова: публичная власть; государственная гражданская служба; конституционные новации; конфликт интересов; правовое регулирование.

Актуальный характер избранной темы обуславливается многими причинами, среди которых представляется целесообразным выделение необходимости качественного развития органов публичной власти, которая напрямую зависит от высокопрофессиональной деятельности всех должностных лиц в государстве, основанной на реализации принципов государственной службы, включающих в себя нормы нравственности и морали.

Гражданин, имеющий намерение поступить на государственную или муниципальную службу прежде всего должен определить свое личное отношение к ее несению, к служению государству и обществу, исполнению служебного долга и возложенных обязанностей, от качественного исполнения которых будет зависеть незыблемость основ государственного строя, поступательное развитие общества и государства. Как след-

стве, наличие личного интереса государственных и муниципальных служащих в рамках конкретной должности должно быть подчинено интересам государства.

Отметим, что актуальность темы нашла широкое отражение в учебной и научной литературе. Среди них можно выделить работы последних лет: Зеленов М.В., Богуславская Н.А. [3], Зиниша О.С., Иваненко И.Н., Крутова Я.А. [4], Алиева З.М., Алиева Э.А. [1] – и др.

Для целей настоящей статьи используется определение понятия «конфликт интересов», приведённое в Федеральном законе «О противодействии коррупции» [8, ст. 10]. Под таковым законодатель понимает «ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)».

Анализ правовых источников и литературы позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование вопросов, относящихся к конфликту интересов на государственной гражданской службе, осуществляется множеством нормативно-правовых актов различной юридической силы.

Представляется уместным начать их анализ с конституционных положений, изложенных в п. «т» ст. 71 Конституции Российской Федерации [5]. В этой части основного закона в 2020 г. закреплено положение о том, что в исключительном ведении Федерации находится «установление ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, в том числе ограничений, связанных с наличием гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, а также ограничений, связанных с открытием и наличием счетов (вкладов), хранением наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации».

Анализ приведённого текста основного закона показывает, что введение совокупности предусмотренных ограничений усиливает потенциальную возможность возникновения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе. В самом тексте Конституции РФ такие ограничения установлены для всех государственных должностных

лиц, в том числе сенаторов, судей, прокуроров, высших должностных лиц субъектов России и др.

В контексте темы нашего исследования федеральный законодатель, используя предоставленное конституционное право (п. «т» ст. 71 Конституции РФ), отдельные конституционные ограничения ввёл для государственных гражданских служащих в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [6]. (Здесь, в частности, установлено, что «гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе» при наличии «гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации» [6, ст. 16].

Аналогичное положение внесено и в Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [7, п. 7 ст. 13).

Дополнительно к сказанному в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [8] со ссылкой на Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [9] широкому кругу государственных и муниципальных должностных лиц запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что важный вектор развития получила стратегия развития законодательства, посвященного статусу лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, должности государственной и муниципальной службы. Теперь согласно новой редакции п. «т» ст. 71 Конституции РФ в исключительном ведении Российской Федерации находится не только «федеральная государственная служба», но и «установление ограничений для замещения

государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы...».

Иными словами, оставляя за субъектами РФ и муниципалитетами возможности по детализации правового регулирования государственной службы субъектов РФ и муниципальной службы, а также правового регулирования статуса лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ, и статуса лиц, замещающих муниципальные должности, к исключительному федеральному ведению отнесены ограничения для замещения и «политических», и «административных» должностей всех уровней публичной службы. Этим подчеркивается особая важность вопроса об укоренении в отечественной культуре современного прочтения лояльности, преданности национальному правопорядку должностных лиц, решивших связать свою судьбу с государственным служением.

Вместе с тем, рассматривая нормы ст. 71 Конституции РФ, нельзя не отметить наличие определенных недостатков. Так, в настоящее время наиболее распространенными являются два основных способа выражения правовых норм в рамках того или иного нормативного акта: абстрактный, в рамках которого те или иные нормы права формулируются посредством использования ряда обобщенных понятий, и казуистический способ, в рамках которого нормы права формулируются посредством перечисления определенных частных ситуаций, при этом происходит указание на отдельные обособленные индивидуальные признаки. При этом в юридической технике считается, что более высокому уровню юридической культуры соответствует как раз абстрактный способ, которого и должен придерживаться законодатель, формулируя конституционные нормы, так как данным нормам свойственна высокая обобщенность. Но вместе с тем в части конституционного закрепления запрета на наличие гражданства иностранного государства и запрета открывать и иметь счета, хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, для лиц, замещающих государственные должности, Закон о поправках [2] использовал казуистическое изложение правовых норм.

Подводя итог всему вышеизложенному в рамках данной статьи, можно сделать вывод о том, что нормы п. «т» ст. 71 Конституции РФ, безусловно, направлены на совершенствование системы правового регулирования противодействия возникновению конфликтов интересов на государственной и муниципальной службе. При этом с учетом появления новой категории «публичная власть» и «публичная служба», внесение

указанных изменений видится более чем оправданным. Вместе с тем следует отметить некую «казуистичность» изложения указанных норм, а именно: в п. «т» ст. 71 Конституции РФ конституционный законодатель не только закрепил общую норму об отнесении к Российской Федерации установления ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, но и счёл возможным пуститься в перечисление некоторых из возможных ограничений (при этом далеко не всех).

Список источников

1. *Алиева З.М., Алиева Э.А.* Пути предотвращения конфликта интересов на государственной службе // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 2 (124). С. 107–114.

2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

3. *Зеленов М.В., Богуславская Н.А.* Конфликт интересов на государственной службе: актуальные проблемы правового регулирования // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 31. С. 627–634.

4. *Зиница О.С., Иваненко И.Н., Крутова Я.А.* К вопросу о значении конфликта интересов на государственной службе в Российской Федерации и способах его предотвращения // Эпомен. 2021. № 55. С. 186–197.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 10.07.2022).

6. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

7. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 26.05.2021 г.) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

8. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

9. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174288/ (дата обращения: 10.07.2022).

Бабаев А. С.,

*магистрант ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Научный руководитель:

Хужин С. М.,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского процессуального права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ

Аннотация. На основе исследования института примирения в гражданско-процессуальном и арбитражно-процессуальном праве рассматриваются отдельные проблемные аспекты таких примирительных процедур, как переговоры и судебное примирение. Автором предлагаются законодательные и организационные изменения в целях популяризации названного института.

Ключевые слова: гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное право; институт примирения; примирительные процедуры; законодательные и организационные изменения.

Примирительные процедуры являются значимой отраслью гражданского процессуального и арбитражно-процессуального права. Они позволяют максимально эффективно и с минимальным участием суда разрешить возникший между сторонами спор, достигнув при этом наиболее взаимоприемлемого результата. В условиях большой загруженности судов, судебных процессов, занимающих продолжительные промежутки времени, возрастает необходимость расширения возможностей применения примирительных процедур. В связи с этим ниже будут рассмотрены отдельные проблемные аспекты таких примирительных процедур, как переговоры и судебное примирение.

Переговоры – это один из видов примирительных процедур, осуществляемый сторонами самостоятельно и на условиях, определяемых ими, а также нацеленный на урегулирование спора и примирение сторон. По своей сути переговоры представляют обсуждение сторон, осуществляемое ими без участия третьих лиц и направленное на принятие совместного решения, которое позволит урегулировать возникшие разногласия. В ходе переговоров стороны самостоятельно определяют круг вопросов, подлежащих обсуждению, время и место проведения перегово-

ров, процедуру, которой будут следовать в ходе их проведения. Среди всех примирительных процедур переговоры являются наименее регламентированными, соответственно, при их выборе стороны обладают наибольшей свободой действий в примирении и ограничиваются лишь установленными судом сроками. Примирение сторон проводится на условиях, согласованных сторонами, в связи с чем у них могут возникнуть определенные разногласия касательно самой процедуры переговоров и процесса ее проведения. Для решения данной проблемы следует разработать определенные методические рекомендации, на которые по желанию смогут опираться стороны. Указанная мысль также подтверждается Ерохиной Е.В., которая указывает, что переговоры являются исключительной частной инициативой лиц и если и нуждаются в правовом регулировании, то только в очень ограниченном объеме [1]. В них следует отразить примерную процедуру проведения переговоров, рекомендации по вынесению вопросов на обсуждение, советы по поведению сторон в ходе данной процедуры, утвердить примерную форму протокола переговоров. Данным рекомендациям следует носить исключительно диспозитивный характер и применяться только как ориентир для сторон, благодаря которому можно будет эффективно и быстро разрешить возникший спор.

Судебное примирение – это один из видов примирительных процедур, осуществляемых сторонами с участием судебного примирителя. Детально процедура судебного примирения урегулирована соответствующим Регламентом, закрепленным Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения». Данная процедура введена в АПК и ГПК в октябре 2019 года и является новым институтом примирительных процедур. По данным Верховного суда, в 2020 году с участием судебного примирителя мировым соглашением окончено 798 гражданских дел без учета иных результатов примирения с участием судебного примирителя.

Основными участниками примирения являются стороны и судебный примиритель. Стороны реализуют свои права при выборе судебного примирения и могут выбирать судебного примирителя; вносить предложения по порядку проведения судебного примирения; заявлять о необходимости участия в судебном примирении иных лиц; сообщать информацию, необходимую для урегулирования спора; задавать вопросы другой стороне и судебному примирителю и т. д. Помимо этого, в ходе судебного примирения стороны обязаны добросовестно пользоваться принадлежа-

щими им правами; соблюдать согласованный сторонами порядок проведения судебного примирения и т. д. [3, ст. 5]. Судебный примиритель организует подготовку и проведение судебного примирения, а именно: знакомится с материалами дела, предлагает сторонам предоставить дополнительные документы и информацию, согласовывает правила проведения судебного примирения, решает вопросы организационного характера (уточняет время и место встречи со сторонами, о чем извещает последних). Примирителем является судья в отставке, изъявивший желание выступать в качестве судебного примирителя и внесенный в список судебных примирителей, утвержденный Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Судебный примиритель независим и осуществляет свою деятельность самостоятельно. Он определяется по взаимному согласию сторон из списка судебных примирителей для конкретного субъекта РФ и утверждается определением суда, в котором дело находится на рассмотрении. Для примера можно взять Нижегородскую область, где в список примирителей для нашего региона входят пять судей в отставке, из них три человека – по специализации гражданское и административное судопроизводство и два человека – гражданское судопроизводство [2]. Средняя выслуга указанных лиц составляет 35 лет. Немаловажно отметить, что, рассматривая список судебных примирителей, напрашивается вывод об отсутствии интереса на данный период времени к данной деятельности среди судей в отставке. Так, в отдельных регионах список включает в себя 1-2 судебных примирителей и ни в одном из регионов не превышает 5 примирителей. Оплата деятельности судебного примирителя регламентирована Постановлением Правительства РФ от 14.04.2020 № 504 «Об утверждении Правил оплаты труда судей, пребывающих в отставке и осуществляющих функции судебных примирителей», а именно – оплата труда судебных примирителей осуществляется в виде вознаграждения в размере одной второй части должностного оклада судьи, рассматривающего дело, пропорционально числу дней участия судебного примирителя в процедуре судебного примирения. Необходимо отметить, что должностной оклад судьи является только небольшой частью ежемесячного вознаграждения судьи, в который также входят оклад за квалификационный класс, ежемесячное денежное поощрение, ежемесячная доплата за выслугу лет, ежемесячная доплата за ученую степень и звание. Исходя из вышеперечисленного, оплата труда судебного примирителя остается на низком уровне, несмотря на то, что в процессе судебного примирения примиритель, помимо разрешения спора, еще и оказывает

консультации сторонам относительно предмета спора. На основании вышеизложенного предлагается внести следующие изменения в пункт 2 указанного выше Постановления Правительства РФ и изложить его в следующей редакции: «Оплата труда судебных примирителей осуществляется в виде вознаграждения в размере одной второй части ежемесячного денежного вознаграждения судьи, работающего по соответствующей должности судьи, ушедшего в отставку, пропорционально числу дней участия судебного примирителя в процедуре судебного примирения». Указанные положения позволят производить более справедливую оплату труда примирителей и повысить интерес к обязанностям судебного примирителя у судей в отставке.

В связи с вышеперечисленным необходимо отметить, что переговоры являются достаточно перспективным и одновременно эффективным способом разрешения спора. Малая урегулированность процедуры делает их более доступными и привлекательными для сторон, что позволяет судить о возможных положительных перспективах их развития. Введение же рекомендаций по проведению переговоров сделает их более понятными для граждан. Судебное примирение, в свою очередь, наиболее перспективный, по мнению автора, вариант примирительных процедур. Детальное урегулирование спора и отсутствие на данном этапе применения пробелов в законодательстве делает его эффективным способом разрешения споров. Верховным судом в Регламенте проведения судебного примирения детально раскрыта сама процедура примирения, права и обязанности сторон, судебного примирителя, возможные исходы судебного примирения. Все вышеперечисленное свидетельствует о хороших перспективах развития указанного института в дальнейшем. Однако внимание данная деятельность среди судей в отставке не привлекла, в связи с чем для повышения интереса в даче судьями в отставке согласия для включения в список судебных примирителей предлагается повышение вознаграждения за труд примирителей путем изменения системы оплаты их труда.

Список источников

1. *Ерохина Е.В.* Переговоры как один из способов альтернативного разрешения гражданско-правовых споров // Legal Concept. 2014. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peregovory-kak-odin-iz-sposobov-alternativnogo-razresheniya-grazhdansko-pravovyh-sporov> (дата обращения: 11.07.2022).

2. Регламент проведения судебного примирения утв. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2020 г. № 1 «Об утверждении списка судебных примирителей», разд. Нижегородская область // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

Бедарева Е. А.,

магистрант ПФ РГУП,

г. Нижний Новгород

Научный руководитель:

Королев Б. И.,

кандидат исторических наук, доцент,

доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП,

г. Нижний Новгород

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОМОЩНИКА СУДЬИ АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РФ

Аннотация. Предметом данной работы является как исследование организации работы помощника судьи арбитражного суда, так и анализ правового статуса помощника судьи арбитражного суда; а также необходимость разработки наиболее прочной и широкой процессуально-правовой базы, которая регулирует деятельность помощников судей, тем самым обеспечивая более эффективную деятельность судов по отправлению правосудия.

Ключевые слова: судопроизводство; арбитражный суд; помощник судьи; арбитражный процесс; права и обязанности участника процесса; правовой статус; АПК.

Рассматривая статус помощника судьи арбитражного судопроизводства, стоит остановиться на понятии арбитражное судопроизводство, дать ему определение и раскрыть его сущность.

Итак, арбитражное судопроизводство закреплено в ст. 118 Конституции РФ, которое осуществляется в рамках судебной власти. К тому же «АПК РФ оперирует иным понятием – «судопроизводство в арбитражных судах», а в доктрине судопроизводство в арбитражных судах определяется как гражданское судопроизводство» [5, с. 6].

Ст. 1 АПК РФ [1] раскрывает порядок арбитражного судопроизводства, который ориентируется на Конституцию РФ, Федеральное конституционное законодательство «О судебной системе РФ», Арбитражный процессуальный кодекс и ФКЗ «Об арбитражных судах Российской Федерации».

Так, Большой юридический словарь дает следующее определение арбитражному процессу: «...установленная нормами арбитражного процессуального права форма деятельности арбитражных судов; предмет арбитражного процесса – экономические споры организаций, граждан предпринимателей и иные дела, отнесенные к компетенции арбитражного суда АПК РФ и другими федеральными законами. В РФ арбитражный процесс выделился в самостоятельный вид судопроизводства из гражданского процесса приблизительно в 1992 г.» [2, с. 24].

Таким образом, арбитражные суды являются одной из ветвей судебной власти и формой судебной защиты, специализирующиеся на гражданской юриспруденции. Ст. 1 АПК РФ возлагает на арбитражный суд дела, связанные с нарушением предпринимательской и экономической деятельности, путем разрешения экономических споров и иных вопросов в данной области.

Ст. 3 АПК РФ устанавливает, что судопроизводство в арбитражных судах в своей деятельности основывается на нормах федерального законодательства, применяемого процессе решения споров и рассмотрения дел.

Говоря о составе арбитражного процесса и лиц, принимающих в нем участие, стоит сказать, что глава 5 АПК РФ устанавливает полный перечень должностей и их вклад в арбитражное судопроизводство.

Так, согласно вышеуказанной главе в арбитражном судопроизводстве могут принимать участие следующие лица: стороны дела, заявители, истец и ответчик, третье лицо, Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, Уполномоченный по защите предпринимателей субъектов РФ, эксперт, специалист, свидетели (очевидцы), переводчики (при необходимости), помощник судьи и секретарь судебного заседания.

В рамках данной статьи нас интересует правовой статус непосредственно помощника судьи арбитражного судопроизводства.

Итак, ст. 58 АПК РФ устанавливает, что «Помощник судьи оказывает помощь судье в подготовке и организации судебного процесса, а также

в подготовке проектов судебных актов. Помощник судьи не вправе выполнять функции по осуществлению правосудия».

Должность помощника в арбитражном суде введена с целью реализации его полномочий.

Помощником судьи может стать лицо, имеющее лишь высшее юридическое образование по направлению подготовки «юриспруденция». При этом стаж и опыт работы не являются обязательными составляющими при назначении на должность помощника судьи. Помощник осуществляет свою работу именно под руководством судьи или же по согласованию с ним.

Должность помощника судьи является должностью в рамках гражданской службы и регулируется Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Настоящий нормативный акт в ст. 9 «Классификации должностей гражданской службы» под должностью помощника понимает «должности, учреждаемые для содействия лицам, замещающим государственные должности, руководителям государственных органов, руководителям территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и руководителям представительств государственных органов в реализации их полномочий и замещаемые на определенный срок, ограниченный сроком полномочий указанных лиц или руководителей [6, ст. 9].

Также Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ устанавливаются права помощника арбитражного судопроизводства в рамках исполнения им гражданской службы. В частности, статьи 13–20.2 закона определяют основные обязанности, ограничения, запреты, устанавливают требования к служебному поведению, механизм урегулирования конфликтов в рамках гражданской службы, представление сведений о доходах, расходах, имущественных приобретениях и владениях и размещение информации в открытых источниках сети Интернет.

В рамках ст. 58 АПК РФ помощник судьи по арбитражному судопроизводству «по поручению председательствующего ведет протокол судебного заседания, обеспечивает контроль за фиксированием хода судебного заседания техническими средствами, проверяет явку в суд лиц, которые должны участвовать в судебном заседании, совершает иные процессуальные действия в случаях и порядке, которые предусмотрены» законом [1, ст. 58].

Деятельность помощника судьи имеет свои различия в зависимости от профиля суда (гражданский, арбитражный, уголовный, администра-

тивный), но перечень приоритетных должностных обязанностей является схожим.

Помимо обязанностей, которые возложены на помощника судьи в рамках Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», он по поручению судьи:

- оказывает помощь в подготовке, организации судебного разбирательства и в подготовке судебных решений;
- ведет протокол судебного заседания;
- проверяет явку участников арбитражного процесса;
- анализирует судебную практику;
- готовит обобщение по спорным вопросам судебной практики и материалам докладов и выступлений.

Непосредственные функциональные обязанности и права помощника судьи арбитражного суда определяются также Положением о помощнике судьи арбитражного суда, Правилами поведения работников аппарата суда, Инструкцией по делопроизводству в арбитражных судах и Инструкцией по делопроизводству в определенном арбитражном суде.

Так, согласно п. 3.3 Приказа № 203 от 10.10.2016 «Об утверждении положения об аппарате арбитражного суда» «функции помощников председателя суда, помощников заместителей председателя суда, помощников судей арбитражных судов и секретарей судебных заседаний предусмотрены положениями процессуального законодательства Российской Федерации и устанавливаются должностными регламентами, утверждаемыми председателем суда» [3].

Также помощнику судьи по прямому поручению судьи может быть поручено осуществить процедуру обезличивания судебных актов, государственной тайны; внесения сведений в Единый федеральный справочно-информационный ресурс арбитражных судов Российской Федерации «Мой арбитр».

Платформа «Мой арбитр» создана исключительно для арбитражного судопроизводства. База дает возможность участникам арбитражного судопроизводства иметь доступ к такой информации, как календарь судебных заседаний арбитражных судов, сервис электронной подачи документов «Электронный страж»; можно осуществлять отслеживание дела, иметь доступ в личный кабинет, где есть калькулятор госпошлины и задолженности; образцы исковых заявлений, встречных исков, заявлений и т. д.

Стоит сказать, что функциональные обязанности помощников судей в зависимости от юрисдикции могут иметь свои отличительные особенности. Так, например, документооборот, осуществляемый помощником судьи арбитражного судопроизводства, регулируется Постановлением Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)», а система документооборота в апелляционных судах регулируется Приказом Судебного департамента при Верховном Суде России от 01 октября 2019 г. № 225 «Инструкция по судебному делопроизводству в апелляционных судах общей юрисдикции».

Также стоит учитывать, что специфика юрисдикции судопроизводства накладывает свои особенности на функциональные обязанности помощников судей. Арбитражное судопроизводство, как было ранее сказано, рассматривает дела по экономическим и предпринимательским вопросам, следовательно, вопросы, решаемые помощником судьи в части подготовки ответов, обращений, рассмотрения и анализа судебной и правовой практики, относится именно к экономическим, предпринимательским и смежным направлениям. В случае уголовной или гражданско-правовой юрисдикции вопросы по таким обязанностям, как анализ судебной практики, носят гражданский и уголовный аспекты. Также отличительным аспектом между действиями помощника судьи уголовного и арбитражного судопроизводства может служить такая функциональная обязанность, как проверка помощником уголовного судопроизводства наличия ходатайств осужденных и находящихся под стражей о желании присутствовать на судебном заседании, что арбитражный помощник судьи не осуществляет.

Помощник судьи арбитражного судопроизводства, как и иных судов, имеет доступ к большому объему информации, относящейся к судебным делам и разбирательствам, в том числе и к персональным данным участников процесса.

Кроме того, необходимо остановиться и на таком моменте, как правовая ответственность по рассмотрению правового статуса помощника судьи арбитражного судопроизводства.

В случае если помощником судьи нарушаются установленные требования о государственной тайне и ее неразглашении, он привлекается к ответственности согласно ст. 283 УК РФ «Разглашение государственной тайны».

В случае если помощник судьи не исполняет или ненадлежащим образом выполняет свои обязанности, когда его действия или бездействие приводит к нарушению норм законодательства, разглашает сведения, информацию о ходе судебного дела, сведений, относящихся к судебному процессу; не соблюдает ограничения и запреты, установленные законом; несвоевременно, некачественно исполняет свои профессиональные действия, не исполняет либо несвоевременно и некачественно исполняет приказы судьи и его поручения; предоставляет судье недостоверную или непроверенную информацию, все это приводит к применению норм ст. 15 Федерального закона о государственной гражданской службе и возлагает на помощника судьи дисциплинарную, административную, гражданско-правовую, а в ряде случаев и уголовную ответственность с отстранением от занимаемой должности и возможным запретом занимать государственные должности.

Подводя итог, стоит отметить, что правовой статус помощника судьи арбитражного судопроизводства мало отличим от правового статуса помощника судьи иных судебных юрисдикций, характерными аспектами может служить лишь сама специфика судебного процесса и сфера применения арбитражного судопроизводства, а также отдельные нормы арбитражного права, в рамках которого и действуют участники арбитражного процесса.

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 1 июля 2021 г. № 282-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2 изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2003. 703 с.
3. Приказ Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации № 203 от 10.10.2016 «Об утверждении положения об аппарате арбитражного суда» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2022).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 1 июля 2021 г. № 293-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Улизо Т.А. Виды гражданского и арбитражного судопроизводства: учеб. пособие. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2018. 132 с.
6. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изм. и доп. от 2 июля 2021 г. № 351-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

Ситник А. В.,
магистрант ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород

Научный руководитель:

Ярцев Р. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права ПФ РГУП,
судья Нижегородского областного суда,
г. Нижний Новгород

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье представлен анализ диспозиций ст. 111 и ст. 117 УПК РФ, который позволил автору выделить три структурных элемента, при наличии совокупности которых возможно «включение» механизма денежного взыскания: субъекты, в отношении которых может быть применено взыскание; порядок уголовного судопроизводства; ответственность.

Автор представляет дефиницию терминологии, касающейся субъектов, в отношении которых может быть применено денежное взыскание; определяет случаи, в которых может быть наложено денежное взыскание; устанавливает отличительные признаки основания применения такой меры, как денежное взыскание.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; иные меры процессуального принуждения; денежное взыскание; особенности применения.

УПК РФ не содержит легального понятия такой меры процессуального принуждения, как денежное взыскание. Вместе с тем закон указывает, что денежное взыскание применяется в отношении участника уголовного судопроизводства в том случае, если он не исполняет процессуальные обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, а также нарушает порядок в судебном заседании (ст. 117 УПК РФ).

По мнению Лебедева В.М., под денежным взысканием следует понимать меру уголовно-процессуального принуждения, имеющую целью обеспечение выполнения участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей, а также надлежащего поведения участников уголовного процесса и иных лиц во время судебного заседания [3].

Анализ диспозиций ст. 111 и ст. 117 УПК РФ позволяет обратить внимание на три важных элемента, при наличии совокупности которых возможно «включение» механизма денежного взыскания: субъекты,

в отношении которых может быть применено взыскание; порядок уголовного судопроизводства, ответственность.

1. Субъекты, на которые может быть возложено взыскание.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 111 УПК РФ применение меры процессуально-го принуждения в виде денежного взыскания распространяется только на потерпевшего, свидетеля, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика и (или) понятого. Ряд авторов полагает, что перечень лиц, в отношении которых возможно применить данную меру принуждения, носит исчерпывающий перечень [2].

Подобная точка зрения также превалирует в судебной практике. Как указано в обзоре судебной практики по уголовным делам Белгородского областного суда за июль 2014 г., ст. 111 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень участников уголовного судопроизводства, в отношении которых может быть применена мера процессуального принуждения, в том числе в виде денежного взыскания, в который защитник и обвинитель не входят [5].

Дословно это положение закреплено и в Письме Генпрокуратуры РФ от 30.03.2004 г. № 36-12-04 [6].

Вместе с тем указание в диспозиции ст. 117 УПК РФ на субъекты, в отношении которых может быть применено денежное взыскание через обозначение «участники уголовного судопроизводства», позволяет обратиться к понятиям, закрепленным в ст. 5 УПК РФ. Так, в соответствии с п. 45 данной статьи участники уголовного судопроизводства – это стороны. Более подробно понятие сторон закреплено в п. 46 (сторона защиты) и в п. 47 (сторона обвинения). Таким образом, понятие субъекта (-ов) приобретает более широкий характер.

К сожалению, не «облегчает» понимание статуса субъектов, в отношении которых может быть применено денежное взыскание, проведенное сравнение положений ст. 243 (Председательствующий), ст. 257 (Регламент судебного заседания), ст. 258 (Меры воздействия за нарушения в судебном заседании).

Представим дефиницию терминологии, касающейся субъектов, в отношении которых может быть применено денежное взыскание:

– все участники судебного заседания, любой участник судебного разбирательства (ст. 243 УПК);

– все участники судебного разбирательства; иные лица, присутствующие в зале судебного заседания (ст. 257 УПК);

– лица, присутствующие в зале судебного заседания, обвинитель, защитник, подсудимый (ст. 258 УПК РФ).

Укажем и то, что УПК РФ закрепляет случаи, когда у должностного лица возникает право применить денежное взыскание в отношении нарушителя:

– в случае невыполнения поручителем своих обязательств (ч. 4 ст. 103 УПК);

– в случае если присяжный заседатель не явился в суд без уважительной причины (ч. 3 ст. 333 УПК РФ).

Таким образом, определение правового предназначения денежного взыскания исключительно с опорой на понятие субъекта, на который может быть возложено взыскание, будет неполным.

2. Порядок уголовного судопроизводства.

Порядок уголовного судопроизводства, установленный УПК РФ, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 2 УПК РФ). Согласно п. 56 ст. 5 УПК РФ под уголовным судопроизводством понимается досудебное и судебное производство по уголовному делу. Законодательно закреплено, что досудебное производство осуществляется с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения по существу (п. 9 ст. 5 УПК РФ).

Отсутствие в УПК РФ понятия судебного производства компенсировано понятием «судебное заседание», которое, будучи закрепленным в п. 50 ст. 5 УПК РФ, означает процессуальную форму осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу. Если быть более точным и опираться на предложенную законодателем логику, то необходимо уточнить, что речь идет о судебных заседаниях судов первой, второй и надзорной инстанций, то есть о судебном разбирательстве (п. 51 ст. 5 УПК).

Положения п. 3 ч. 2 ст. 111 УПК РФ закрепляют, что денежное взыскание может быть применено в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом. На наш взгляд, такие случаи поименованы в ст. 177 УПК РФ, согласно которой денежное взыскание может быть наложено в случае:

– неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом;

– нарушения ими порядка в судебном заседании.

Важно уточнить, что понятие «процессуальные обязанности» применительно к каждому участнику уголовного судопроизводства раскрывается через указание на правила поведения, запреты и ответственность за несоблюдение соответствующих предписаний на конкретном этапе уголовного судопроизводства (досудебном или судебном).

Например, на досудебном этапе это проявляется в обязанности осуществления уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ), обязательности участия защитника (ст. 50 УПК РФ), обязательности рассмотрения ходатайств (ст. 159 УПК РФ), обязательности назначения экспертизы (ст. 196 УПК РФ) и т. п.

На судебном этапе уголовного судопроизводства процессуальные обязанности участников уголовного судопроизводства дополняются обязанностью соблюдать регламент судебного заседания, установленный ст. 257 УПК РФ, порядок в судебном заседании, выполнять распоряжения председательствующего и судебного пристава.

3. Ответственность.

Наличие двух первых элементов (субъекты, в отношении которых может быть применено взыскание; порядок уголовного судопроизводства) не позволит «включить» механизм денежного взыскания, поскольку ни в отдельности, ни в своей совокупности они (элементы) не позволяют разграничить наличие или отсутствие оснований ответственности вообще, вида ответственности в частности. Другими словами, юридическая конструкция УПК РФ такова, что правила определения ответственности изложены в разных нормах права, которые между собой не соподчинены, более того, находятся в противоречии.

Первое противоречие заключается в том, что законодательно обозначенные в ст. 111 УПК основания применения иных мер процессуального принуждения, в том числе денежного взыскания, сведены до уровня целей (обеспечения порядка уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора) или обозначены как случаи, предусмотренные настоящим Кодексом.

Вместе с тем отличительным признаком установления наличия или отсутствия основания применения такой меры, как денежное взыскание, является наличие факта нарушения – неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей или порядка в судебном заседании (это касается и привода), а не наличие основания полагать, что это нарушение может быть допущено в дальнейшем. Неслучай-

но основания наложения денежного взыскания определяются через факты неисполнения, нарушения (ст. 117 УПК).

Второе противоречие заключается в том, что правила, регулирующие условия, порядок и основания наложения денежного взыскания, содержат пробелы, которые невозможно устранить исходя из буквального толкования закона.

Прежде укажем на условия, исключающие в ходе всего уголовного судопроизводства наложение денежного взыскания в отношении подозреваемого или обвиняемого (ч. 1 ст. 111 УПК) и позволяющие применять эту меру к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и понятому. Однако и в этом дозволении есть одно существенное условие – в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом.

Совокупный анализ ч. 2 ст. 111 и 117 УПК РФ позволяет прийти к выводу, что применение данной меры принуждения может осуществляться исключительно в тех случаях, которые непосредственного установлены уголовно-процессуальным законом, то есть когда данная мера прямо предусмотрена *соответствующей статьей* в виде санкции за невыполнение процессуальных обязанностей участниками уголовного судопроизводства. Данную точку зрения также подтверждает Верховный Суд РФ [4].

Если исходить из буквального толкования указанного условия, то на возможность наложения денежного взыскания должно быть указано в законе применительно к конкретному нарушению. Например: в случае невыполнения поручителем своих обязательств (ч. 4 ст. 103 УПК); в случае если присяжный заседатель не явился в суд без уважительной причины (ч. 3 ст. 333 УПК РФ). В иных случаях, в отсутствие указания на конкретное нарушение, применение этой меры к субъектам, поименованным в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, невозможно.

Положения ч. 1 ст. 258 УПК РФ закрепляют возможность наложения денежного взыскания только в порядке, установленном ст.ст. 117 и 118 УПК РФ. Следовательно, такие размытые (неопределенные в УПК РФ) формулировки участников уголовного судопроизводства на судебном этапе, как «все участники судебного заседания, любой участник судебного разбирательства» (ст. 243 УПК); «все участники судебного разбирательства; иные лица, присутствующие в зале судебного заседания» (ст. 257 УПК); «лица, присутствующие в зале судебного заседания, обвинитель, защитник, подсудимый» (ст. 258 УПК РФ), не устанавливают доз-

воления их применять безотносительно к конкретно определенному статусу участника.

Таким образом, положения ч.1 и ч. 2 ст. 118 УПК РФ безотносительно к конкретно установленному нарушению любого из участников уголовного судопроизводства являются неприменимыми в ходе уголовного судопроизводства.

Иное приводит к расширительному толкованию оснований применения денежного взыскания. Как верно указывает Рыжаков А.П., отказ лица добровольно открыть помещение (иной объект) вполне допустимо расценивать как факт неисполнения участником уголовного судопроизводства его процессуальной обязанности [8].

Несмотря на нашу принципиальную позицию относительно несовершенства правил наложения денежного взыскания, обратимся к порядку наложения денежного взыскания, согласно которому при неисполнении лицом возложенной на него процессуальной обязанности следователь вправе подвергнуть правонарушителя денежному взысканию. Решение о наличии нарушения в действиях или бездействии лица и применении меры принуждения в виде денежного взыскания выносится судом. При этом следователь или иное должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу, составляет протокол о нарушении, который направляется в районный суд.

Суд первой инстанции обязан принять во внимание наличие уважительных причин, в силу которых лицо не смогло выполнить свою процессуальную обязанность, поскольку по смыслу закона денежное взыскание накладывается при наличии вины участника уголовного судопроизводства, который должен знать о своей обязанности и умышленно ее не выполнить [1].

Здесь необходимо обратить внимание на определенную схожесть состава административного правонарушения по ст. 17.7 КоАП РФ с рассматриваемой мерой принуждения. В соответствии со ст. 17.7 КоАП РФ умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, влечет наложение административного штрафа на граждан.

В настоящее время сложилась практика, когда сотрудники органов предварительного расследования используют данную административную норму в качестве меры ответственности участников процесса за неиспол-

нение возложенных на них процессуальных обязанностей. Постановлением мирового судьи судебного участка № 3 Бежицкого судебного района г. Брянска от 11.12.2015 г. З. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 1000 рублей.

Тем не менее, привлекая З. к административной ответственности по статье 17.7 КоАП РФ, мировой судья не дал надлежащей оценки тому обстоятельству, что процессуальное положение следователя, проводящего расследование уголовного дела, и обвиняемого урегулированы нормами УПК РФ и относятся к уголовному судопроизводству. Таким образом, в данном случае надлежало руководствоваться положениями ст. 117 и 118 УПК РФ [7].

Наличие выявленных проблем предполагает, в первую очередь, разрешение вопроса относительно перечня случаев и участников, в отношении которых возможно применить данную меру процессуального принуждения. Необходимо законодательно установить размер денежного взыскания во всех случаях его применения. По общему правилу можно взыскать до 2 500 рублей, однако в случае, предусмотренном ч. 3 ст. 105 УПК РФ, данная сумма увеличивается до 10 000 рублей, а при наличии условий, указанных в ч. 3 ст. 333 УПК РФ, размер денежного взыскания не указан вовсе.

Заметим, что в соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ одним из оснований ареста имущества выступает необходимость в обеспечении наложения ареста на имущество в целях взыскания штрафа и других имущественных взысканий. Между тем понятие имущественного взыскания значительно шире и предполагает прежде всего применение финансовых ограничений, поэтому будет неверным утверждать, что арест имущества может применяться также в целях обеспечения меры принуждения, предусмотренной ст. 117 УПК РФ.

Третье противоречие. Сравнительный анализ диспозиции ч. 1 ст. 118 УПК РФ, устанавливающей возможность наложения денежного взыскания «при нарушении порядка в судебном заседании, *неподчинении распоряжениям председательствующего* или судебного пристава», и диспозиции ч. 2 ст. 118 УПК РФ, предоставляющей возможность председателствующему по делу отложить слушание уголовного дела только «*при неподчинении обвинителя или защитника распоряжениям председательствующего*», позволяет прийти к выводу, что при нарушении порядка

в судебном заседании, неподчинении распоряжениям судебного пристава на обвинителя и защитника может быть наложено денежное взыскание.

Буквальное толкование ч. 3 ст. 258 УПК РФ (при наличии нашего убеждения о невозможности наложения денежного взыскания и в этом случае) позволяет констатировать отсутствие правовых ситуаций, при которых подсудимый может быть подвергнут денежному взысканию.

В этой же связи, несмотря на отсутствие внятности правовых конструкций в применении денежного взыскания, дополнительно отметим, что включение в ч. 3 ст. 258 УПК РФ возможности удаления потерпевшего из зала судебного заседания до окончания прений сторон было бы более разумным, нежели возможность наложения на него денежного взыскания.

Несовершенство законодательства в части наложения денежного взыскания проявляется буквально во всем, но мы ограничимся последним замечанием, в котором укажем на потенциал иной меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания. Например, в ряду мер воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, наложение денежного взыскания следует только после таких, как «предупреждение о недопустимости такого поведения» (нарушение порядка в судебном заседании, неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава), удаления из зала судебного заседания. Кроме того, согласно ч. 4 ст. 29 УПК РФ суд вправе вынести частное определение, в котором обращает внимание на выявленные факты нарушений закона, в том числе со стороны обвинителя и защитника.

Список источников

1. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.04.2018 г. по делу № 10-7641/2018. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.05.2022).

2. *Есина А.С., Макеева Н.В., Борбат А.В.* Деятельность следователя по применению меры принуждения в виде денежного взыскания к участникам уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2021 г. № 3. С. 21–25.

3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Водерникова О.Н., Ворожцов С.А., Давыдов В.А. [и др.]; отв. ред. Лебедев В.М.; рук. авт. кол. Давыдов В.А. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2014. 1054 с.

4. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2010 г. // БВС РФ. 2011. № 1.

5. Обзор судебной практики по уголовным делам за июль 2014 г. (подготовлен Белгородским областным судом). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.05.2022).

6. Письмо Генпрокуратуры РФ от 30.03.2004 г. № 36-12-04. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.05.2022).

7. Постановление Брянского областного суда от 06.04.2016 г. № 4А-72/2016. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.05.2022).

8. *Рыжиков А.П.* Основания и порядок производства обыска. Комментарий к ст. 182 УПК РФ. [Электронный ресурс]: Подготовлен для системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.05.2022).

Смирнова Т. А.,

магистрант ПФ РГУП,

г. Нижний Новгород

Научный руководитель:

Иванова Л. Н.,

кандидат психологических наук, доцент,

заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ РГУП,

г. Нижний Новгород

СУДЕБНАЯ МЕДИАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: «СВОИХ НЕ БРОСАЕМ» КАК ПРИНЦИП РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Внедрение альтернативной процедуры разрешения споров – процедуры медиации – рассматривается автором с позиции самостоятельного научного направления, опирающегося на концепцию по защите прав и законных интересов конфликтующих сторон. С целью изучения мнения граждан о перспективах развития процедуры медиации автором проведен опрос респондентов различного возраста, представлены соответствующие выводы.

Ключевые слова: судопроизводство; альтернативные процедуры; судебная медиация; оптимизация.

В современной России актуальна потребность в быстрых и доступных инструментах разрешения споров, которые будут способствовать росту доверия граждан к негосударственным органам урегулирования

споров, а также вниманию судебных органов к внесудебным процедурам, обеспечивающим защиту интересов всех сторон спора, что, в свою очередь, должно повысить качество и экономическую эффективность правосудия за счет оптимизации судебной нагрузки, а также снизить конфликтность в обществе, поощрить конструктивную инициативу и конкуренцию потенциальных участников спорных правоотношений.

Традиционно разрешение спора между сторонами связывалось с участием государственного органа. В современных условиях внешних санкций и разрушения привычной защищенности прав россиян все больше внимания направлено на сочетание подходов с позиции интересов и с позиции права, что помогает найти новую идеологию разрешения споров при сохранении традиционного первенства государственных судебных органов. Одним из таких подходов является внедрение альтернативной процедуры разрешения споров – процедуры медиации, которая в соответствии с законом проводится как до передачи спора на рассмотрение суда, так в ходе судебного разбирательства и на этапе исполнения судебного решения. Альтернативные процедуры разрешения споров как самостоятельное научное направление опираются на концепцию по защите прав и законных интересов конфликтующих сторон. Судебная медиация позволяет качественно иначе увидеть перспективы разрешения конфликтной ситуации, главной из которых является не только сам результат в виде разрешенного спора, но и субъекты спора, приобретшие качественно новый опыт взаимодействия с посредником (медиатором на профессиональной основе или медиатором-судьей в отставке) и навыки снижения межличностной эмоциональной и деловой конфликтности в различных сферах как личной, так и профессиональной деятельности.

Кроме того, благодаря судебной медиации открывается большой научный и практический потенциал деятельности судов в случае значимого снижения судебной нагрузки, лежащей на судебных и иных государственных органах.

Следует отметить, что первой альтернативной процедурой разрешения спора в России стала процедура медиации. Термин «медиация» в буквальном смысле в переводе с латинского языка означает «посредничать». Медиация – это технология решения конфликта с участием нейтральной третьей стороны, которая организует переговоры конфликтующих сторон и помогает им самим найти взаимовыгодное решение спора. Важнейшими принципами медиации являются: нейтральность медиатора, выполняющего функции посредника; равноправие всех сторон,

участвующих в конфликте; конфиденциальность; сотрудничество, неформальный, внесудебный формат общения сторон; добровольность участия в процедуре медиации [6, ст. 3].

Внедрение в правовую практику альтернативных процедур разрешения споров преследовало цель снизить судебную нагрузку. Однако за 12-летний период после принятия закона о медиации число медиативных соглашений остается крайне невысоким. Процедура медиации требует достаточно высокого уровня правовой культуры и мотивации самостоятельного разрешения споров конфликтующими сторонами. Поэтому, несмотря на продолжительность существования законодательства о процедуре медиации в России, ее применение остается редким явлением. Так, в 2021 году судами было рассмотрено 22,2 млн гражданских дел, из которых только 724 прекращено ввиду урегулирования спора путем проведения процедуры медиации [5]. Эффективность самой процедуры примирения достаточно высока – более чем в 75 % случаев процедура медиации завершается достижением договоренностей между сторонами спора и заключением медиативного соглашения. Более чем в 85 % случаев договоренности медиативное соглашение исполняется сторонами добровольно [3]. Очевидно, что процедура судебной медиации нуждается в новом осмыслении и перезагрузке.

Стороны редко самостоятельно принимают решение об обращении к процедуре медиации. Как правило, они заключают соглашение о применении медиации только после разъяснения судьей. Среди причин недостаточного внимания к примирительным процедурам: их новизна, высокая степень конфликтности отношений участников спора, отсутствие навыков по ведению переговоров. Порядок проведения процедуры медиации и ее правовые последствия разъясняется судами посредством наружного размещения соответствующей информации на стендах и сайтах судов и судебных участков мировых судей; в определениях о подготовке дела к слушанию и в ходе рассмотрения дела¹.

С целью изучения мнения граждан о перспективах развития процедуры медиации был проведен опрос 25 респондентов различного возраста. Опрошенные разделяют мнение о целесообразности внедрения в конфликты предпринимателей и власти альтернативных методов разрешения споров, в том числе с участием посредника – процедуры медиации. При-

---

¹ Справка Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения процедуры медиации» за 2012 год, утверждена Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 июня 2012 года.

сутствие посредника на переговорах власти и бизнеса способно, по мнению 56 % респондентов, привести к снижению коррупционных действий (см. диаграмму 1).

По мнению респондентов, медиатор может выступать в роли посредника либо на профессиональной, либо на непрофессиональной основе и должен соответствовать ряду профессиональных требований, в частности:

1) быть компетентным – посредник должен быть хорошо осведомлен о процедуре медиации, тем более, если он осуществляет эту деятельность на профессиональной основе. Это подразумевает непрерывное обновление знаний и практики медиации;

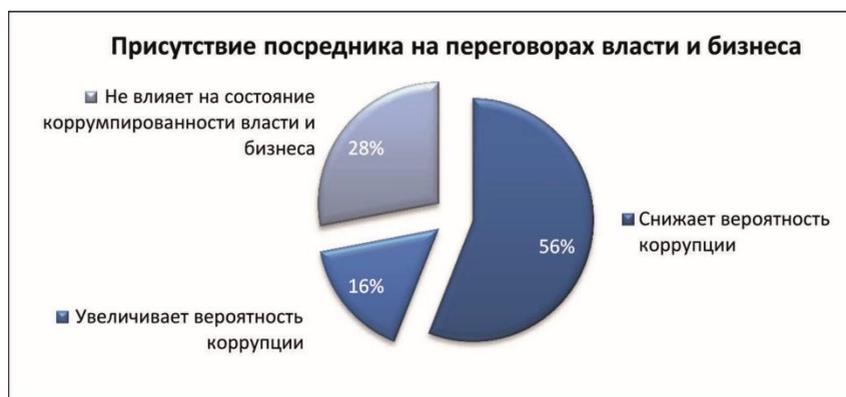

Диаграмма 1. Вероятность коррупции при участии посредника на переговорах (мнение респондентов, в %)

2) быть независимым – быть вне личных или деловых отношений с конфликтующими сторонами, а также уметь сохранить нравственный смысл посредничества, не превращая его в бизнес;

3) быть психологически подготовленным – медиатор должен задавать тон сотрудничества и вежливости, ему необходимо завоевать доверие и уважение сторон. Медиатор должен обладать необходимыми качествами для создания новых психологических установок у участников конфликта, чтобы достичь конечной цели переговоров. Важную роль для успешного посредничества играют наблюдательность, коммуникабельность, уважение и самоконтроль медиатора.

Развитию практики посредничества в досудебном урегулировании конфликтов, по мнению респондентов, будет способствовать обязательность досудебного урегулирования споров по ряду категорий дел и предварительных информационных встреч сторон спора с медиатором. 28 % респондентов отметили, что стороны, прибегшие к досудебной медиации, даже при недостижении в споре досудебного соглашения и последующем обращении в суд, должны быть поощрены путем возмещения части госпошлины (см. диаграмму 2).

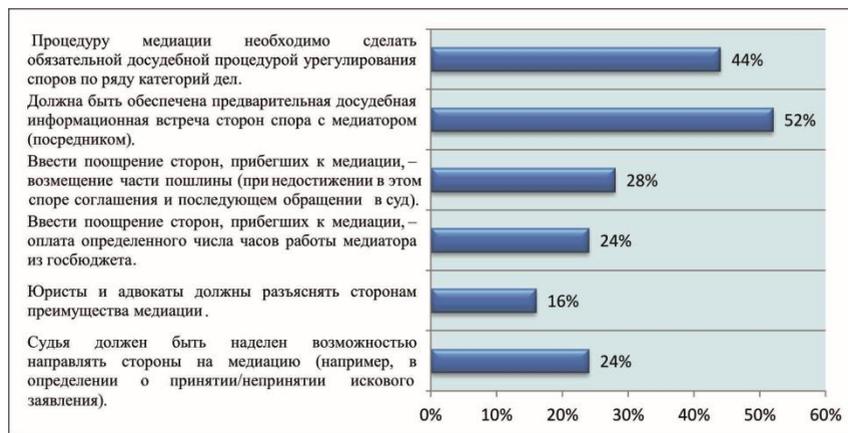

Диаграмма 2. Меры стимулирования интереса граждан к процедуре медиации (мнение респондентов, в %)

Отметим, что и терминология медиации, и технология ее проведения [1, с. 14–15], а также базовые нормы отечественного законодательства¹ явились результатом заимствования и адаптации европейско-американской идеологии и практики.

В современной России остро стоит проблема создания своего национального законодательства и практики формирования системы альтернативных механизмов разрешения споров. В предыдущие годы исследователи настойчиво и некритично рекомендовали использовать опыт европейских стран по созданию в России так называемого бесконфликтно-

¹ См.: Рекомендация № Rec (2002) 10 Комитета министров СЕ о медиации в гражданских делах (принята 18 сентября 2002г.); Типовой закон Комиссии ООН по праву международной торговли о международной коммерческой согласительной процедуре (UNCITRAL) (Принят резолюцией 57/18 Генеральной Ассамблеи от 19 ноября 2002г.).

го общества как основы противодействия коррупции [2]. В частности отмечалось, что в Германии судебную медиацию проводит судья, обученный этой процедуре. Во Франции примирение осуществляет либо судья, обученный медиации, либо судебный примиритель, также предварительную попытку примирения и саму процедуру может провести так называемый судебный примиритель-доброволец. Вероятно, не бесконфликтность общества должна стать ориентиром развития судебной медиации, а защита национального суверенитета России, сохранение того единства страны и правовой защищенности граждан, которые обеспечат ее развитие.

Таким образом, созданная более 10 лет назад законодательная основа судебной медиации как примирительной процедуры позволяет решать многие актуальные для современной России задачи. Медиативные процедуры защищены от коррупции в связи с отсутствием контролирующего ее проведение органа государственной власти, также полной добровольности сторон и посредника в ее инициировании и прекращении. Медиативные правоотношения – это не вынесение властного решения и не защита интересов и восстановление нарушенного права одной стороны спора, а примирение участников на взаимной добровольной основе.

Медиация, дополняя судебный порядок разрешения споров, выступает современной эффективной технологией примирения сторон, формируя культуру деловых отношений и правовую, патриотическую воспитанность граждан, которые учатся достигать свои цели, участвуя в построении сильного независимого государства, действующего в своих национальных интересах. В каком бы трудном и безвыходном положении ни оказался гражданин России, он всегда может быть уверен, что принцип российского государства «своих не бросаем» – это также принцип российской судебной власти, нацеленной на снижение судебной нагрузки и всестороннюю поддержку права сторон на самостоятельное и ответственное урегулирование своего спора.

Список источников

1. *Бесемер Х.* Медиация. Посредничество в конфликтах. Калуга : Духовное познание, 2004. 176 с.

2. *Гайдаенко Шер Н.И.* Формирование системы альтернативных механизмов разрешения споров: бесконфликтное общество как основа противодействия коррупции: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.Г. Семилютина. М. : ИЗиСП : ИНФРА-М, 2016. 175 с.

3. Гражданам о медиации // Официальный сайт Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный институт медиации». URL: <http://fedim.ru/institut/grazhdanam-o-mediacii> (дата обращения: 03.06.2021).

4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 03.06.2021).

5. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Российская газета. 2010. № 168. 30 июля.

Урняева А. С.,

*студентка 3 курса ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Научный руководитель:

Гладышев Ю. А.,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РАЙОННЫХ СУДАХ

Аннотация. Статья раскрывает проблематику глобальной реформы, связанной с расширением применения суда присяжных заседателей. Подчеркивается негативное последствие, основанное на реальных фактах из судебной деятельности, когда районные суды не могли сформировать коллегия присяжных заседателей с первой попытки. Анализируется необходимость проведения предложенной В.М. Лебедевым реформы по распространению данного института в районных судах на большинство уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям, что определяет актуальность и важность рассматриваемой проблемы. Подробно и тщательно анализируются причины такого негативного явления и на этой основе даются обоснованные предложения, как можно разрешить проблему.

Ключевые слова: суд; присяжные заседатели; коллегия присяжных заседателей; рассмотрение дела с присяжными заседателями в районных судах.

Несколько лет назад в Российской Федерации произошла глобальная реформа, связанная с расширением применения суда присяжных заседателей. Появился новый Федеральный закон «О внесении изменений

в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с расширением применения института присяжных заседателей», по которому коллегии стали формировать районные суды и рассматривать с их участием дела [19]. В 2020 году наметилась и все еще актуальна в 2021 году тенденция распространения в районных судах данного института на большинство уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям, на что указал сам Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев. Реформа приведет к значительному увеличению процедур формирования коллегий присяжных. И тогда встает логичный вопрос: «Смогут ли районные суды эффективно формировать коллегии в условиях данной реформы?». Это определяет важность и актуальность рассматриваемой нами темы.

Практика показала, что существуют значительные проблемы, из-за которых районному суду достаточно сложно сформировать законную коллегии присяжных заседателей и, несмотря на некоторые попытки их минимизировать, они не решены до сих пор полностью. В чем же данные проблемы проявляются? Ведь сейчас число присяжных заседателей в районных судах ограничено достаточно небольшим количеством: 6 основными и 2 запасными участниками. Это должно было упростить формирование коллегии присяжных даже в самых малочисленных районах. Однако практика говорит об обратном. Так, например, Ворошиловскому районному суду удалось сформировать коллегии присяжных заседателей только по результатам четвертого отбора [16].

Одним из препятствий в формировании данного правового института районным судом является низкая явка граждан в присяжные заседатели [13], которая свойственна не только им, но даже областным и республиканским судам [9, с. 60]. О данной проблеме в районных инстанциях свидетельствует статистика г. Перми в 2019 году. В среднем явка граждан по приглашениям в пермские районные суды составляет 13,7 %, что является достаточно низким показателем. Также, например, Верещагинскому районному суду вообще не удалось сформировать коллегии присяжных с первой попытки тоже из-за низкой явки граждан [10].

Всё это напрямую указывает на то, что районному суду действительно сложно формировать коллегии. Граждане постоянно ссылаются на занятость, здоровье, нежелание брать на себя ответственность за судьбу человека или просто опасаются за свою жизнь. Это серьезно препятствует полноценному формированию коллегии присяжных, приводит к удлинению срока рассмотрения уголовного дела. Чаще всего это связано с недостаточно высокой правовой культурой граждан РФ, которые

не заинтересованы в реализации своего конституционного права на отправление правосудия и воспринимают участие в суде присяжных как необязательную рутину, тем более что никакой ответственности за данный отказ в Российской Федерации не предусмотрен.

Более того, недостаточно реализована защита присяжного заседателя от произвола работодателя. Чаще всего это явно проявляется в малом и среднем бизнесе. Конечно, в КоАП есть статья 17.5, которая налагает штраф за воспрепятствование явке в суд присяжного заседателя, но он очень маленький, всего от 500 до 1000 рублей [5], что не мешает работодателям продолжать не пускать своих работников выполнять функции присяжных заседателей под страхом потери работы или других негативных санкций.

Неоднократно звучат мнения, что юридическая ответственность за уклонение от исполнения своего гражданского долга могла бы улучшить ситуацию с низкой явкой кандидатов в присяжные заседатели [4, с. 11]. Однако мы считаем, что нельзя человека заставить решать судьбу подсудимого и вершить правосудие против своей воли. Иначе это чревато вынесением некачественных приговоров.

Другим фактором, усложняющим процесс формирования коллегии присяжных, является большое число чрезвычайных требований к кандидату в присяжные заседатели, установленные Федеральным законом «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ» [18]. Детальное рассмотрение закона позволяет увидеть, что существует не менее 8 ограничений, при которых гражданин выбывает из коллегии. Однако если подробно проанализировать судебную практику, то можно убедиться, что их куда больше, чем указано в законе.

Так, гражданин не может быть присяжным, если его родственники имеют непогашенную судимость, привлекались к уголовной ответственности [8], работают в правоохранительных органах [2], если человек проживает рядом с потерпевшим, подсудимым, работает или знаком со знающими их [1], был потерпевшим по другому уголовному делу [6]. Также в коллегию присяжных заседателей не может попасть гражданин, знающий кого-либо из участников со стороны обвинения или защиты или какую-либо информацию о рассматриваемом уголовном деле из СМИ [7]. В довершение всего гражданин не может быть присяжным заседателем дважды в течение календарного года [17].

Мы видим, что критерии, по которым стороны судебного процесса могут выдвинуть мотивированный отвод, намного шире установленных

законом. Причем за сторонами сохраняется еще право выдвижения немотивированного отвода, который дает возможность стороне обвинения и защиты убрать с судебной скамьи любого присяжного заседателя без объяснения на то причины [6]. И теперь, если внимательно рассмотреть весь объем требований, критериев к кандидатам в присяжные заседатели, можно прийти к серьезному выводу, что сформировать коллегию районному суду достаточно сложно.

Где районному суду можно найти таких присяжных заседателей, которые не проживали бы вместе, ничего не знали о совершенном преступлении, не были знакомы с участниками стороны защиты и обвинения, их знакомыми? Особенно если это города, районы с небольшим населением. А такие муниципальные образования в Российской Федерации есть. Например, на 1 января 2021 года в Токаревском районе Тамбовской области года проживало 14 739 человек, в Бондарском районе – 10 081 человек, а в Умётском районе – 9 808 человек [20].

Все вышеперечисленные требования приводят к частому недобору присяжных заседателей в коллегии и его постоянному реформированию, что удлиняет время рассмотрения судом дела, а это, в свою очередь, противоречит принципу о разумных сроках судебного разбирательства. Особенно усложняет проблему формирования коллегии существование такого правового явления, как сокрытие кандидатами в присяжные заседатели, попавших в итоге в коллегию, важной о них информации. И если данное утаивание информации повлекло бы изменение судебного приговора и привело к потере права сторон защиты и обвинения на немотивированный или мотивированный отвод, то это может стать основанием отмены данного судебного приговора [11], а в итоге заставит районный суд повторно провести тяжелую работу по отбору кандидатов в новую переизбранную коллегию присяжных заседателей, что будет, в свою очередь, вновь проблематично в свете вышеперечисленных проблем.

Следующей проблемой в формировании коллегии районным судом становится то, что в списках кандидатов, которые составляет высший исполнительный орган субъекта и отдает его суду, часто встречаются ошибки и неточности [15, с. 281]. Бывают включены умершие, выбывшие с прошлого места жительства, а также те, кто по закону не могут быть присяжными заседателями [14]. Это добавляет еще большую нагрузку на судебную систему в отсеивании, дополнительные сложности в формировании коллегии присяжных заседателей, а также является одной из причин недобора участников в коллегию.

Таким образом, мы видим существование серьезных проблем в формировании коллегии присяжных в районных судах Российской Федерации, которые будут еще более усугублены появлением новой реформы, предложенной Председателем Верховного Суда РФ о расширении подсудности дел. Это увеличит количество рассматриваемых дел судом с коллегией присяжных заседателей и наложит повышенную нагрузку на него по их формированию, так как возрастет количество ходатайств по этому поводу.

К тому же возникает неблагоприятная ситуация в отношении заключенных, находящихся в следственных изоляторах. Если районный суд не может с первой попытки сформировать коллегию присяжных заседателей, то время нахождения данных лиц в СИЗО растягивается, заключенный вынужден ждать, пока не сформируется законная коллегия присяжных. Именно из-за данного факта районные суды не могут вынести решение в более короткие сроки. Это подчеркивает серьезность данной проблемы и необходимость её разрешения.

По представленной выше информации и примерам становится понятно, что пока даже в современных правовых условиях, когда перечень подсудности дел с участием суда присяжных ограничен только 7 основаниями на ходатайство рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, все равно возникают трудности и даже недоборы присяжных заседателей, а это удлиняет время рассмотрения дела судом, что напрямую противоречит принципу о разумных сроках судебного разбирательства.

Это говорит о преждевременности данной реформы.

Но из-за действительной важности данного преобразования, так как оно способствовало бы повышению гарантий защиты прав и свобод граждан, гуманизации и демократизации судебного процесса, его состоятельности, а также привело бы к повышению уровня доверия граждан к правосудию, от него нельзя отказываться. Его нужно либо постепенно проводить, соотнося с мерами разрешения указанных выше проблем, либо сначала разрешить их, а потом проводить реформу.

Так, одной из мер по разрешению сложившихся проблем является повышение популярности и престижности института присяжных заседателей среди гражданского населения, как это было в советское время с народными заседателями. Необходимо объяснять людям важность данного участия для отправления правосудия.

Следующая мера, которую также необходимо реализовать, – это повышение штрафа более чем в 10 раз или даже установление уголовной ответственности за злостное воспрепятствование работодателя, которое мешает работникам участвовать в отправлении правосудия. Их действия, по сути, нарушают конституционное право граждан, препятствуют выполнению их долга, и такой небольшой штраф не соразмерен их противозаконным действиям. Это позволит снизить количество случаев, когда люди отказываются участвовать присяжными заседателями из-за работы.

Также полагаем, что для районного суда стоит снизить возрастной ценз для кандидатов в присяжные заседатели до 21 года. Это позволило бы увеличить, не препятствуя принятию беспристрастного верного вердикта, явку граждан в присяжные заседатели путем расширения диапазона возможных кандидатов, так как 21 год – это сознательный возраст, с этого возраста можно стать депутатом Государственной Думы РФ, поэтому, по нашему мнению, нет каких-либо явных препятствующих оснований, по которым нельзя было бы снизить возраст.

Считаем, что председательствующему судье при формировании коллегии присяжных заседателей необходимо более взвешенно подходить к удовлетворению мотивированных отводов и не удовлетворять их во всех случаях, объективно оценивая каждое, выяснять, повлияет ли обстоятельство, указанное в мотивированном отводе, на объективность кандидатов.

Так, возьмем как показательный пример приговор Верховного Суда Республики Марий Эл от 20 июля 2021 года: дело рассматривалось с участием присяжных заседателей в отношении Д. Там из вызванных 55, явилось только 47 кандидатов. На 19 из них сторона защиты заявила мотивированные отводы, а прокурор – 11 (всего 30). Председательствующий удовлетворил 11 мотивированных отводов у каждой стороны, а в 8 отказал. Апелляционная инстанция [3] посчитала, что председательствующий обоснованно отказал стороне защиты в отводе двух кандидатов, что общаются с сотрудниками подразделения УФСИН и ФСБ, так как данные лица пояснили, что эти обстоятельства не сформировали у них предвзятое отношение ни к стороне защиты, ни к стороне обвинения, не влияют на их объективность и беспристрастность по делу.

И действительно, указанные не причастные к самой личности факты не могут объективно и доказано влиять на выбор решения присяжного о виновности или невиновности лица, если вина преступника реально

подтверждена и есть на то доказательства, и наоборот. Апелляционная инстанция посчитала и обоснованным отказ стороне защиты и в удовлетворении ходатайства об отводе кандидата С. по мотиву наличия у нее малолетнего ребенка в возрасте, близком к возрасту основного свидетеля обвинения, поскольку указанное обстоятельство не препятствует её участию в качестве присяжного заседателя, не влияет на её объективность и беспристрастность, о чем она сама заявила суду [12].

Судьи должны также объективно рассматривать такое основание мотивированного отвода, как знание информации о рассматриваемом деле из СМИ, потому что сейчас из-за активного распространения информационных технологий очень сложно реализовать на практике это основание, особенно это актуально для малочисленных районов, где дело получило общественный резонанс.

Список источников

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 10.09.2015 по делу № 20-АПУ15-20сп [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.06.2022).
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.09.2018 № 56-АПУ18-13сп [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.06.2022).
3. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 01.11.2021 по уголовному делу №55-797/2021 // Официальный сайт Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции. URL: <https://4ap.sudrf.ru/>(дата обращения: 18.06.2022).
4. *Бессмертная А.И.* Проблемы института присяжных заседателей // Организационное, процессуальное и криминалистическое обеспечение уголовного производства: материалы VI Междунар. науч. конф. студентов и магистрантов (г. Симферополь, 15 декабря 2017 г.). Симферополь : Изд-во ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 10–11.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
6. *Насонов С.А.* Формирование коллегии присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2846.
7. Определение Верховного Суда РФ от 21.06.2005 № 19-о05-32СП // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.08.2003 года № 15-003 «Нарушение требований закона о порядке формирования коллегии присяжных заседателей, а также невыполнение норм ст.ст. 258 и 340 УПК РФ повлекло отмену оправдательного приговора»// Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 8.

9. Палиева О.Н., Васильяди А.Е. Проблемные вопросы формирования коллегии присяжных заседателей // *Economics Law State*. 2019. № 2 (4). С. 58–62.

10. Пермский краевой суд: [сайт]. URL: http://obsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=736 (дата обращения: 01.09.2021).

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 «О применении судами норм УПК РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // *Российская газета*. 2005. № 272.

12. Приговор Верховного Суда Республики Марий Эл от 20.07.2021 по делу №2-3/2021 [Электронный ресурс]. URL: http://vs.mari.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases#id=3_09823df7c78cd76f31e6a5b8967d7ea3&shard=r12&from=p&tr=%7B%22dateValue%22:%2220.07.2021%22%7D

13. Старикова Е.А. Некоторые проблемы формирования коллегии присяжных при рассмотрении уголовных дел в районных (городских) судах // *Научный электронный журнал Меридиан*. 2020. № 17 (51). С. 78–80.

14. Тарасов В.Н. Тенденции развития института присяжных в России // *Судья*. 2016. № 5. С. 15–19.

15. Торговченков В.И., Жуков А.М. Проблемные вопросы реформирования института присяжных заседателей // *Пробелы в российском законодательстве*. 2016. № 6. С. 278–281.

16. Тужикова О.Г. Процессуальные пробелы на этапе формирования коллегии присяжных заседателей в районных судах Российской Федерации // *Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия*. 2019. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://nauchforum.ru/conf/social/xxviii/52372> (дата обращения: 03.09.2021).

17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // *Ведомости Федерального Собрания РФ*. 2002. № 1. Ст. 1.

18. Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2004. № 34. Ст. 3528.

19. Федеральный закон от 29.12.2017 № 467-ФЗ «О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // *Собрание законодательства РФ*. 2018. № 1. Ст. 51.

20. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики*. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1> (дата обращения: 05.09.2021).

Федюнин А. С.,
магистрант ПФ РГУП,
секретарь судебного заседания Нижегородского областного суда,
г. Нижний Новгород

Научный руководитель:
Свешников Г. А.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процессуального права ПФ РГУП,
судья Нижегородского областного суда,
г. Нижний Новгород

СЛОЖНОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Административное дело представляет собой юридическую процессуальную категорию, некую отправную точку процедурного процесса, начало административно-процессуальной деятельности, итогом которой должен стать юридический результат. Именно административное дело как совокупность административно-процессуальных действий и регулирующих их административно-процессуальных норм обеспечивает равную защиту прав, законных интересов и обязанностей сторон, достижение законного и справедливого юридического результата.

Ключевые слова: административное судопроизводство; правоприменение; судебная защита; императивная норма; контроль; доказательственный процесс.

В силу общего правила, изложенного в ч. 1 ст. 1 КАС РФ, в порядке административного судопроизводства в судах общей юрисдикции подлежат рассмотрению дела, возникающие из административных и иных публичных отношений и связанные с судебным контролем за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий.

К административным делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику [4, с. 26–35].

Сложности правоприменения по обжалованию действий должностных лиц органов контроля и надзора в судебном порядке возникают

по различным обстоятельствам. Например, по субъекту, к которому предъявляется административное исковое заявление. Граждане не могут разобраться, кто должен быть указан в качестве административного ответчика не только по факту реорганизации публичного органа контроля (надзора), но и в вопросах ответственности должностных лиц территориальных органов. Анализ показал, что зачастую административный иск подается сразу вышестоящему органу публичной администрации.

Поскольку у судов возникают трудности с определением надлежащего административного ответчика, то возникают ситуации, когда вместо разбирательства административного дела по существу административный процесс перерастает в жалобное производство в вышестоящие судебные инстанции с аргументом незаконности действий суда в отказе к принятию административного иска либо оставлении его без движения. Представляется, что законодатель мог бы внести дополнения в текст КАС РФ, предусмотрев право суда в случае затруднения административного истца самостоятельно определять надлежащего административного ответчика. Это полностью будет соответствовать цели административно-правового регулирования – достижению баланса публичных и частных интересов [2, с. 21].

Сложности правоприменения по обжалованию действий должностных лиц органов контроля и надзора в судебном порядке возникают также и по предмету публичного спора.

Так, частью 5 ст. 1 КАС РФ установлено, что действие КАС РФ не распространяется на производство по делам об административных правонарушениях, так как данная категория дел рассматривается в соответствии с КоАП РФ.

Вместе с тем постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [5] содержит разъяснение, согласно которому действия (бездействие) должностных лиц, связанные с применением мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (например, связанные с задержанием транспортного средства или его возвратом после устранения причины задержания), которые не могут оказать влияние на вывод о виновности либо невиновности лица, в отношении которого ведется производство по делу, но повлекшие

нарушение прав и свобод участников производства по делу, могут быть обжалованы ими в порядке, предусмотренном КАС РФ.

Однако даже официальное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ не способствует единообразию правоприменительной практики судей общей юрисдикции, поскольку опрос судей на курсах повышения квалификации показывает, что большинство судей отказываются в принятии заявлений об обжаловании действий (бездействия) должностных лиц, связанных с применением мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (например, связанных с задержанием транспортного средства или его возвратом после устранения причины задержания).

Отказ в принятии аргументируют императивной нормой – наличие ч. 5 ст. 1 КАС РФ, согласно которой КАС РФ не распространяется на производство по делам об административных правонарушениях. В итоге право на обжалование действий должностных лиц органов контроля за общественной безопасностью на дороге утрачивается.

Сложности правоприменения по обжалованию действий должностных лиц органов контроля и надзора в судебном порядке возникают и по причине отказа судом в принятии к своему производству по мотиву неиспользования предварительного обжалования действий должностных лиц органов контроля и надзора в досудебном порядке, что явно свидетельствует о незаконности данного процессуального действия, так как право выбора остается за административным истцом, а не за судом.

Процедура обжалования действий должностных лиц органов контроля и надзора вполне может возникнуть на любом этапе контрольно-надзорной деятельности. Например, в случае нарушения требований, отраженных в тексте закона, относительно наличия конкретного юридического лица или индивидуального предпринимателя в перечне ежегодного плана проведения плановых проверок.

Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» регулирует общественные отношения в области организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля и защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля [3].

Итак, плановые проверки проводятся на основании разрабатываемых органами государственного контроля (надзора), органами муниципального контроля в соответствии с их полномочиями ежегодных планов. Утвержденный руководителем органа государственного контроля (надзора) или органа муниципального контроля ежегодный план проведения плановых проверок доводится до сведения заинтересованных лиц посредством его размещения на официальном сайте органа государственного контроля (надзора) или органа муниципального контроля в сети Интернет либо иным доступным способом. О проведении плановой проверки юридическое лицо, индивидуальный предприниматель уведомляются органом государственного контроля (надзора), органом муниципального контроля не позднее чем в течение трех рабочих дней до начала ее проведения посредством направления копии распоряжения или приказа руководителя, заместителя руководителя органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля о начале проведения плановой проверки заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении или иным доступным способом. Действует это правило об уведомлении проверяемых лиц любым доступным способом с возможностью контроля получения корреспонденции [6].

Доказать заинтересованным лицам, что их надлежаще уведомили о плановой проверке, в некоторых случаях достаточно затруднительно. Орган государственного контроля (надзора) или орган муниципального контроля представляет в суд сводный реестр почтовых отправлений, из которого следует только один факт, что извещение отправлено, а вот вопрос с доставкой корреспонденции остается открытым.

Таким образом, можно резюмировать, что достаточно много проблем и сложностей по обжалованию решений, действий (бездействия) органов местного самоуправления в судебном порядке возникает и в доказательственном процессе.

Уровень судебной защиты граждан является одним из важнейших показателей демократичности государства, так как изначально суду предназначено быть оппонентом исполнительной, а иногда и законодательной власти, в определенной мере уравновешивая их влияние на общество в целом. Однако действительность свидетельствует о том, что право на судебную защиту в публичных спорах для многих остается «непозволительной роскошью» [1, с. 34].

Государство, признав за индивидом личность, приняло на себя обязанность защиты притязаний гражданина, обращенных к государству

в лице его органов, и в той же мере, в какой государство признает за гражданином известную сферу свободного действия, оно ограничивает само себя. Взаимность прав и обязанностей предполагает равнозначность или соразмерность участников правоотношений. Установление единообразной правоприменительной практики в сфере обжалования действий должностных лиц органов контроля и надзора в судебном порядке является фактором, способным повлиять на стабильность и сбалансированность отношений общества и государства [7, с. 164].

Список источников

1. *Кацунникова Н.Г.* Актуальные проблемы совершенствования Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 32–34.

2. *Лебедева (Скачкова) А.Е.* Обжалование решений по делам об административных правонарушениях и обжалование решений, действий (бездействия) государственных и муниципальных органов власти, органов местного самоуправления в порядке административного судопроизводства // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020. № 6. С.21–23.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 11.05.2022).

4. *Стариков Ю.Н.* Административная юстиция : теория, история, перспективы. М. : НОРМА, 2001. 292 с.

5. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [Электронный ресурс]. URL: [//https://internet.garant.ru/](https://internet.garant.ru/) (дата обращения: 11.05.2022).

Федорова Т.В. Судебный порядок разрешения административных дел по обжалованию действий должностных лиц органов контроля и надзора: сложности правоприменения и доказывания // Гражданин и право. 2020. № 12.

7. *Чумакова К.А.* Актуальные проблемы административного судопроизводства в судах общей юрисдикции // Молодой ученый. 2021. № 44 (386). С. 162–164.

Шубин Н. В.,

*магистрант ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Научный руководитель:

Аникин А. С.,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫМИ ПРАВАМИ КАК ДЕСТРУКТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КОРПОРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Злоупотребление корпоративными правами с каждым годом получает все большее распространение в отечественной корпоративной практике, что представляет существенную угрозу для стабильности деятельности корпоративных организаций и российской экономики в целом. Статья посвящена проблематике определения сущности злоупотребления корпоративными правами через призму его реализации.

Ключевые слова: корпоративные правоотношения; злоупотребление правом; злоупотребление корпоративными правами; фидуциарные обязанности; дестабилизация корпорации; корпоративный шантаж; корпоративный захват организации.

Злоупотребление корпоративными правами участниками корпоративных правоотношений является особой разновидностью общего института злоупотребления правом, обладающей своими специфическими чертами, позволяющими обособить ее в качестве относительно автономного правового явления, детерминированного сущностью корпоративных правоотношений, выступающих в качестве главного условия и среды их реализации. Согласно статистическим данным, полученным аналитической компанией «Делойт Форензик», с 2016 года арбитражными судами РФ было рассмотрено около 345 120 дел, в которых проводилась квалификация действий участников споров в качестве злоупотребления правом, при этом число злоупотреблений корпоративными правами (по сравнению с 2010–2016 годами) увеличилось на 52,2 % [11, с. 1–5]. Приведенные статистические данные непосредственно свидетельствуют о широком распространении исследуемого негативного правового явления в отечественном корпоративном секторе.

Несмотря на актуальность и значимость изучения проблемы правовой природы злоупотребления корпоративными правами, в отечествен-

ной правовой доктрине только небольшой ряд авторов проводил комплексные исследования по данному вопросу.

В частности, И.А. Тимаева под злоупотреблением корпоративными правами понимает особый вид правового поведения субъектов корпоративных правоотношений, не соответствующий назначению предоставленных корпоративных прав [12, с. 6]. Д.А. Токарев полагает, что корпоративное злоупотребление правом представляет собой особую форму реализации права, не соответствующую принципам добросовестности и разумности и направленную на создание неблагоприятных последствий для корпорации (ее участников) [13, с. 21]. По мнению Е.В. Чернокальцевой, злоупотребление правом в корпоративных правоотношениях состоит в реализации субъективных корпоративных прав в противоречии с принципом добросовестности и их назначением с целью причинения вреда корпорации либо принуждения к совершению ею определенных действий [14, с. 14]. Г.Л. Адамович и Д.В. Гололобов полагают, что злоупотребление корпоративными правами нарушает равенство участников корпорации и основные принципы корпоративного управления [1, с. 75]. А.А. Кузнецов под корпоративным злоупотреблением правом понимает реализацию корпоративных прав без желания правомерного достижения собственного интереса [3, с. 8–9]. Я.А. Смирнова не выделяет авторскую дефиницию данного правового явления и ограничивается исключительно его рассмотрением в контексте общего злоупотребления правом [10, с. 9–10].

Исходя из результатов анализа научных позиций в ретроспективе, можно сделать вывод, что правовая доктрина по указанной проблематике находится в состоянии стагнации, что обусловлено недостаточной глубиной проведенных научных исследований, сводящихся исключительно к перечислению двух специфических черт данного вида злоупотреблений: 1) его реализация в корпоративном сегменте; 2) использование корпоративных прав.

На наш взгляд, такой подход является неверным, так как он не отражает реальные специфические признаки злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях и сводится к простому перечислению основных черт общего злоупотребления правом. Для решения данной проблемы представляется необходимым выделить и рассмотреть следующие качественно новые особенные признаки изучаемого правового явления.

Ввиду закрытости и кулуарности корпоративных правоотношений злоупотребление корпоративными правами носит латентный характер, что обуславливает сложность выявления и пресечения данного неправомерного поведения в силу его «мимикрии» под простую защиту прав и интересов недобросовестного участника с использованием конструкции «Multi-Layered» (предусматривающей возможность прикрытия иного неправомерного поведения), о чем органы управления корпорации и ее участники узнают уже на более поздних этапах такой абберантной реализации корпоративных прав.

Одним из главных детерминантов злоупотребления корпоративными правами является корпоративный конфликт между участниками в связи с возникшими разногласиями относительно организационно-управленческих вопросов деятельности корпорации либо столкновением общекорпоративных и частных интересов. Зачастую именно вышеуказанный конфликт влечет за собой последующее злоупотребление корпоративными правами для достижения различных эгоистичных целей: смены руководства или приобретения корпоративного контроля; исключения нежелательного участника из состава корпорации; вынесения судебного решения по ранее возникшему корпоративному спору в свою пользу; лоббирование определенных корпоративных действий; получение необоснованных преференций и т. д. При этом стоит отметить, что нередко корпоративный конфликт может создаваться искусственно недобросовестным участником посредством злоупотребления корпоративными правами.

Для наглядной иллюстрации можно привести дело, в котором директор акционерного общества, зная о наличии оснований для снятия его с должности, находясь в сговоре с другими участниками общества, совместно инициировал подачу отдельных исковых заявлений по обжалованию корпоративных решений с целью создания искусственного корпоративного конфликта, отводящего внимание от вопроса досрочного снятия полномочий директора. Суд квалифицировал действия таких участников в качестве злоупотребления корпоративными правами [6, с. 5–10].

В основе корпоративных злоупотреблений лежит корпоративное право, используемое недобросовестным участником в качестве инструмента, способа достижения поставленной цели. Иными словами, злоупотребление корпоративным правом допускается исключительно лицом, имеющим право на участие (членство) в корпорации, однако стоит согласиться с мнением В.А. Лаптева, что исключением из данного правила

является злоупотребление правом на получение действительной стоимости акции (доли) бывшим участником корпорации, который, с одной стороны, утратил статус членства, но с другой – ретроспективно реализует данное право на момент сохранения такого статуса [4, с. 127–136].

В настоящее время в судебной практике данный вид злоупотреблений корпоративными правами является одним из наиболее распространенных. Например, Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа признаны злоупотреблением корпоративным правом действия бывшего участника общества с ограниченной ответственностью, направленные на обход правовых последствий прощения долга в виде выплаты действительной стоимости доли посредством признания соответствующего соглашения недействительным по основанию неполучения согласия супруга по распоряжению общим имуществом [7, с. 7–9].

Корпоративное злоупотребление правом, будучи негативным правовым явлением, влечет причинение существенного вреда правам и законным интересам корпорации и ее участников. Основным способом причинения такого вреда является приостановление либо прекращение деятельности всей корпоративной организации в целом, что, в свою очередь, свидетельствует о дестабилизирующем характере злоупотребления корпоративным правом и нарушении им фидуциарных корпоративных обязанностей, закрепленных в части 4 статьи 65.2 ГК РФ, а именно – обязанности не совершать действий (бездействия), причиняющих вред или создающих препятствия для осуществления деятельности корпорации. При этом нельзя согласиться с мнением Я.А. Смирновой, полагающей, что институт фидуциарных обязательств и запрет на злоупотребление корпоративными правами являются гетерогенными явлениями, подлежащими применению к разным ситуациям [10, с. 11–12]. На наш взгляд, указанные институты являются взаимосвязанными и направленными на предупреждение и пресечение недобросовестного поведения в корпоративных правоотношениях, о чем также свидетельствует закрепление законодателем в статье 65.2 ГК РФ управомочивающе-обязывающей модели.

В качестве наглядных примеров дестабилизирующего характера злоупотребления корпоративными правами можно привести нашумевшие судебные дела АО «Щелково Агрохим» и холдинга Natura Siberica [8, с. 4–7]. В частности, АО «Щелково Агрохим» столкнулось с корпоративным шантажом со стороны одного из участников, который выкупил блокирующий пакет акций по существенно заниженной стоимости у другого члена корпорации и предъявил соответствующее требование об их выку-

пе в размере, превышающем на 7 500 % от их действительной стоимости, под угрозой создания препятствий в деятельности корпорации и обхода права преимущественной покупки акций с последующей их продажей третьим лицам, являющимся конкурентами корпорации. Все действия шантажиста заключались в оспаривании корпоративных решений, блокировании действий по созданию филиалов и представительств корпорации, аккумулировании информации, составляющей коммерческую тайну, и т. д. На данный момент корпоративный конфликт все еще продолжается, создавая препятствия для осуществления деятельности корпорации [2, с. 3–4].

В отличие от АО «Щелково Агрохим», холдинг Natura Siberica столкнулся с другой формой злоупотребления корпоративными правами – корпоративным захватом бизнеса. В связи с возникшим корпоративным конфликтом между участниками корпорации относительно формирования руководящего состава компании, нотариусом в рамках наследственного дела был назначен доверительный управляющий по управлению доли бывшего директора корпоративной организации с одновременным переходом к нему соответствующих корпоративных прав. Сразу же после назначения управляющим был предпринят ряд соответствующих действий, направленных на корпоративный захват организации: одновременный созыв внеочередных собраний по вопросу избрания единоличного исполнительного органа во всех организациях, входящих в холдинг; создание условий для невозможности присутствия участников на общих собраниях посредством их извещения непосредственно перед собранием; предъявление кандидатур на должность единоличного исполнительного органа, состоящих в аффилированных связях с недобросовестным лицом, и последующее их избрание на такую должность; экономически необоснованное увольнение работников предприятия, а также был ограничен доступ участников корпорации в помещения организации [5, с. 7–10]. В результате злоупотребления доверительным управляющим корпоративными правами деятельность корпорации была приостановлена, в связи с чем она понесла большие убытки и в настоящее время не может обеспечить выплату заработной платы рабочим в полном объеме. Арбитражным судом Новосибирской области действия доверительного управляющего были квалифицированы в качестве злоупотребления правом [9, с. 5–7].

Для справедливости также необходимо указать на возможность причинения вреда правам и интересам третьих лиц посредством злоупотреб-

ления корпоративными правами. Как правило, недобросовестные участники корпоративной организации стремятся исключить возможность взыскания на имущество либо прекратить обязательства перед контрагентами и кредиторами корпорации. Исходя из анализа судебной практики, основными схемами злоупотреблений корпоративными правами являются: 1) принятие корпоративных решений о передаче имущества аффилированным лицам; 2) признание сделок корпорации недействительными; 3) принятие корпоративных решений о реорганизации или ликвидации корпорации для несоразмерного распределения имущества и т. д.

Таким образом, исходя из результатов проведенного исследования, можно сделать вывод, что злоупотребление корпоративными правами прочно закрепилось в юридической практике и продолжает активно оказывать негативное влияние на «здоровое» развитие корпоративных правоотношений, представляя угрозу не только для самих корпоративных организаций, но и для корпоративного сектора в целом, являющегося «кровеносной системой» отечественной рыночной экономики. В связи с этим возникает необходимость дальнейшего проведения исследований, направленных на более глубокое познание всей сущности данного правового явления, не сводящееся к простому техническому перечислению ранее изученных черт общего злоупотребления правом.

Список источников

1. *Бойко Т.С.* Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании: монография. М. : Статут, 2019. 275 с.
2. Кому выгодно дезорганизация работы «Щелково Агрохим»? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ng.ru/economics/2021> (дата обращения: 25.05.2022).
3. *Кузнецов А.А.* Злоупотребление правом в правоотношениях между акционером и акционерным обществом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград : ВГУ, 2012. 23 с.
4. *Лантес В.А.* Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М. : Проспект, 2019. 235 с.
5. Наследники Трубникова оспорили контроль над Natura Siberica [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/234970/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 25.05.2022).
6. Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС18-5166 от 14.11.2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2022).
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа № А65-28644/2018 от 01.07.2019 // Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 25.05.2022).

8. Решение Арбитражного суда Московской области № А41-5136/21 от 11.06.2021 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2022).

9. Решение Арбитражного суда Новосибирской области №А45-11723/2021 от 19.07.2021 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2022).

10. *Смирнова Я.А.* Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2020. 25 с.

11. Статистика корпоративного мошенничества в России за 2019–2020 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/finance/articles/2021/corporate-fraud-survey-results.html> (дата обращения: 25.05.2022).

12. *Тимаева И.А.* Злоупотребление правом в корпоративных правоотношениях: вопросы квалификации, способы гражданско-правовой защиты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань : КГУ, 2007. 30 с.

13. *Токарев Д.А.* Злоупотребление правом в хозяйственных обществах: условия возникновения и способы защиты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград : Волгоградская академия гос. службы, 2010. 31 с.

14. *Чернокальцева Е.В.* Злоупотребление правом акционерами: понятие и формы»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб : СПбГУ, 2011. 27 с.

Ярцева А. Р.,

*магистрант ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Научный руководитель:

Аменицкая Н. А.,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовно-процессуального права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

ПРИЕМЛЕМОСТЬ КАССАЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ КАК КРИТЕРИЙ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ

Аннотация. В качестве одной из мер по обеспечению доступности граждан к правосудию является создания внятного процессуального механизма обжалования судебных решений, вступивших в законную силу, в основе которого заложены требования уголовно-процессуального законодательства к участникам уголовного судопроизводства. В частности, это касается предписаний, предъявляемых к форме и содержанию кассационной жалобы (представления). От того, насколько понятны правила

и условия обращения в кассационную инстанцию, зависит уровень доступности правосудия.

Автором проведено изучение данных о соблюдении судами, входящими в Первый кассационный округ, при направлении уголовных дел в суд кассационной инстанции требований ст. 401.7 УПК РФ и представлен анализ оснований, по которым уголовные дела считаются неприемлемыми к рассмотрению.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство; участники уголовного судопроизводства; кассационные суды общей юрисдикции; приемлемость кассационных жалоб (представления) в процедуре «сплошной» и «выборочной» кассации.

Согласно ст. 46 Конституции РФ доступность правосудия означает, что любому лицу (вне зависимости от гражданства), полагающему, что его интересы подлежат судебной защите, государство должно обеспечить доступ к правосудию. Доступность правосудия рассматривается и в ключе реализации права на судопроизводство в разумный срок [2].

С 1 октября 2019 г. уголовное судопроизводство в суде кассационной инстанции регламентировано положениями гл. 47.1 УПК РФ с учетом разъяснений, данных в Постановлении Пленума ВС РФ № 19 от 25.06.2019 г. «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

Указанные процессуальные нормы были введены одновременно с реформированием системы судов, осуществляющих рассмотрение уголовных дел в апелляционном и кассационном порядке и, несмотря на то, что после их введения в действие прошло уже более года, представляют определенную сложность в их правоприменении.

Появление двух порядков кассационного производства. Порядок «выборочной кассации» – ранее существовавший порядок, включающий две стадии:

– судья кассационной инстанции без проведения судебного заседания предварительно изучает кассационную жалобу и (при необходимости) истребованные им материалы уголовного дела и принимает процессуальное решение о передаче жалобы для рассмотрения по существу в суд кассационной инстанции либо об отказе в такой передаче;

– при условии принятия судьей кассационной инстанции процессуального решения о передаче жалобы для рассмотрения по существу в суд кассационной инстанции, суд кассационной инстанции рассматривает кассационную жалобу по существу с вынесением соответствующего судебного акта.

Порядок «сплошной кассации» – абсолютно новый для нашего судопроизводства порядок. Из кассационного судопроизводства исключается предварительный этап изучения жалобы и материалов дела судьей кассационной инстанции на предмет наличия либо отсутствия оснований для передачи жалобы для рассмотрения по существу в суд кассационной инстанции.

Жалоба вместе с уголовным делом автоматически поступает в суд кассационной инстанции и в любом случае должна быть рассмотрена им по существу с вынесением соответствующего судебного акта.

В свою очередь, применение одного или другого порядка зависит от того, судебный акт какого суда обжалуется, какой вид данного судебного акта, в каком порядке он был принят.

Следует отметить, что любые судебные акты, вынесенные по уголовному делу в ходе досудебного производства, могут пересматриваться судом кассационной инстанции только до передачи уголовного дела на рассмотрение суда первой инстанции.

Исключение из этого правила представляют постановления суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, применения запрета определенных действий, предусмотренных п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ (запрет на выход в определенные периоды времени из жилища), или о продлении срока действия этих мер либо о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы, которые могут обжаловаться и после передачи уголовного дела на рассмотрение суда первой инстанции.

В случае если кассационная жалоба подлежит рассмотрению в порядке «выборочной кассации», она вместе со всеми приложениями подается непосредственно в суд кассационной инстанции, уполномоченный рассматривать жалобу.

Если кассационная жалоба подлежит рассмотрению в порядке «сплошной» кассации, то она подается в суд первой инстанции независимо от того, судебные акты какого суда обжалуются.

Независимо от порядка, в котором подлежит рассмотрению кассационная жалоба, законодатель установил общие требования к ее содержанию и прилагаемым к ней документам (ст. 401.4 УПК РФ).

В качестве одной из мер по обеспечению доступности граждан к правосудию является создание внятного процессуального механизма обжалования судебных решений, вступивших в законную силу, в основе которого заложены требования уголовно-процессуального законодатель-

ства к участникам уголовного судопроизводства. В частности, это касается предписаний, предъявляемых к форме и содержанию кассационной жалобы (представления). От того, насколько понятны правила и условия обращения в кассационную инстанцию, зависит уровень доступности правосудия.

Производство по кассационной жалобе (представления) до назначения судебного заседания суда кассационной инстанции по ним зависит от того, в каком порядке («сплошной» или «выборочной» кассации) она рассматривается.

Как указано выше, жалобы (представления) подаются в суд первой инстанции независимо от того, судебные акты каких судов обжалуются. При этом они адресуются в соответствующий суд кассационной инстанции, уполномоченный их рассматривать.

Вопросам соблюдения требований ст. 401.7 УПК РФ уделяется большое внимание, поскольку от грамотного, профессионального подхода судов первой инстанции к проверке приемлемости не только кассационной жалобы (представления), но и готовности уголовного дела или судебных материалов в кассационный суд общей юрисдикции зависит соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

В этой связи нами проведено изучение данных о соблюдении судами, входящими в Первый кассационный округ, при направлении уголовных дел в суд кассационной инстанции требований ст. 401.7 УПК РФ. При этом мы опирались на положения уголовно-процессуального закона и Инструкцию по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденную приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 г. № 36.

Изучение данных, представленных на уровне Первого кассационного суда общей юрисдикции в порядке сплошной кассации, предусмотренном ч. 2 ст. 401.3, ст.ст. 401.7, 401.8 УПК РФ, из судов кассационного округа позволяет констатировать следующие результаты [1].

Анализ судебной практики показывает, что в целом судами требования ст. 401.7 УПК РФ при направлении уголовных дел в суд кассационной инстанции исполняются.

Вместе с тем в анализируемом периоде судьями Первого кассационного суда общей юрисдикции было возвращено в порядке ст. 401.7 УПК РФ 557 уголовных дел, или 15 % от числа поступивших. По сравнению с аналогичным периодом 2020 г. качество подготовки дел для направления в суд кассационной инстанции в 2021 г. ухудшилось (во втором по-

лугодии 2020 г. из 1737 поступивших уголовных дел было возвращено 222 уголовных дела, или 13 % от числа поступивших). Для сравнения: в первом полугодии 2021 г. было возвращено в порядке ст. 401.7 УПК РФ 347 уголовных дел, или 13,4 % от числа поступивших.

При этом основными причинами возвращения уголовных дел послужили очевидные ошибки, такие как:

- неверное наименование суда, в который подается жалоба (указываются Саратовский областной суд, Саратовский кассационный суд, Саратовский комиссионный суд, президиумы областных судов и т. д.);
- неизвещение участников процесса о принесении кассационной жалобы (представления);
- отсутствие расписок от осужденных, находящихся под стражей;
- недостатки при составлении ордера адвоката.

Обозначим проблемные вопросы судебной практики, исходя из анализа нарушений положений ст. 401.4 УПК РФ, в которых закрепляются требования к форме, содержанию кассационных жалобы или представления и наличию необходимых приложений.

1. Кассационные жалоба, представление должны отвечать требованиям, предусмотренным ст. 401.4 УПК РФ. Вместе с тем нами были выявлены следующие основания для признания уголовных дел и судебных материалов неприемлемыми к рассмотрению в порядке «сплошной кассации»:

- неверное указание наименования суда, в который подавалась кассационная жалоба;
- обжалование двух судебных решений, не связанных единым производством;
- отсутствие в кассационной жалобе подписи осужденного;
- отсутствие в кассационной жалобе конкретной просьбы лица относительно вынесенных в отношении него судебных решений;
- неуведомление прокурора о поступлении кассационной жалобы;
- истечение срока действия электронной подписи адвоката;
- отсутствие в представленном ордере адвоката информации, позволяющей установить полномочия адвоката на участие в судебном заседании суда кассационной инстанции;
- отсутствие усиленной квалифицированной подписи адвоката в поданной жалобе в виде электронного образа документа;
- невозвращение судом первой инстанции осужденному возражения для устранения недостатков при наличии в нем (возражении) элементов

кассационной жалобы, в которой осужденный оспаривал законность вышеуказанных судебных решений;

– невыяснение судом первой инстанции вопроса, нуждаются ли осужденные в услугах защитника.

2. Кассационные жалоба, представление подлежат возвращению без рассмотрения, в случае если поданы лицом, не имеющим права на обращение в суд кассационной инстанции.

Вместе с тем нами были выявлены следующие основания для признания уголовных дел и судебных материалов неприемлемыми к рассмотрению в порядке «сплошной кассации»:

– установление обстоятельства о том, что заявитель не отнесен к кругу лиц, обладающих правом на обращение с жалобой в суд кассационной инстанции;

– неуказание в тексте кассационной жалобы, каким образом права и интересы заявителя как лица, не являющегося участником уголовного судопроизводства, затрагиваются обжалуемыми судебными решениями;

– отсутствие в ордере адвоката сведений, подтверждающих его полномочия на подачу кассационной жалобы;

– неуведомление потерпевшего о поступлении кассационной жалобы;

– уведомление о поступлении кассационной жалобы представителя потерпевшего, полномочия которого истекли на момент подачи кассационных жалоб;

– указание в приложенном к кассационной жалобе ордере адвоката на такое основание его выдачи, как назначение в соответствии со ст. 51 УПК РФ;

– отсутствие в материалах уголовного дела ордера адвоката;

– направление кассационной жалобы от имени осужденного, содержащегося под стражей, а также его защитника с того же адреса, что и жалоба потерпевшего;

– направление в суд кассационной жалобы осужденного, содержащегося под стражей, без сопроводительного письма исправительного учреждения, в котором последний отбывает наказание;

– существенное отличие подписи осужденного в кассационной жалобе от его подписи в содержащихся в материалах дела документах;

– наличие в кассационной жалобе адвоката суждений относительно несогласия с судебными решениями, в том числе и в отношении осужденного, с которым у адвоката отсутствует соглашение на представление интересов.

3. Судья суда первой инстанции извещает о поступивших в кассационных жалобе, представлении лиц, интересы которых затрагиваются такими жалобой или представлением, с разъяснением права подачи на эти жалобу или представление возражений в письменном виде с указанием срока их подачи и направляет им копии жалобы, представления, а также возражений на них. Возражения, поступившие на жалобу, представление, приобщаются к материалам уголовного дела.

Вместе с тем нами были выявлены следующие основания для признания уголовных дел и судебных материалов неприемлемыми к рассмотрению в порядке «сплошной кассации»:

- отсутствие в материалах дела сведений о направлении кассационных жалоб и возражений прокурора потерпевшему;
- формирование уголовного дела ненадлежащим образом в части ненаправления кассационной жалобы заинтересованным лицам;
- неприобщение (неподшивка) кассационной жалобы и приложений к ней документов к материалам дела;
- отсутствие описи материалов уголовного дела;
- отсутствие в материалах дела сведений об извещении заинтересованных лиц о принесении кассационной жалобы;
- отсутствие в материалах дела сведений о разъяснении заинтересованным лицам права подачи возражений на кассационную жалобу в письменном виде;
- отсутствие в материалах дела сведений о направлении заинтересованным лицам копии кассационной жалобы, а также предоставлении срока для подачи возражений.

4. Судья суда первой инстанции разрешает ходатайства лиц, указанных в п. 2 ст. 401.7 УПК РФ, связанные с их участием в судебном заседании суда кассационной инстанции и ознакомлением с материалами уголовного дела.

Вместе с тем нами были выявлены следующие основания для признания уголовных дел и судебных материалов неприемлемыми к рассмотрению в порядке «сплошной кассации»:

- отсутствие в материалах уголовного дела расписки осужденного о его желании (нежелании) участвовать в судебном заседании суда кассационной инстанции, воспользоваться услугами защитника при рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции;
- неизвещение о поступлении кассационной жалобы прокурора области;

– отсутствие в материалах уголовного дела сведений о разрешении ходатайства осужденного об ознакомлении с материалами уголовного дела.

Кроме того, нами были выявлены следующие основания для признания уголовных дел и судебных материалов неприемлемыми к рассмотрению в порядке «сплошной кассации»:

– отсутствие перевода на язык, которым владеет осужденный, апелляционного постановления, кассационной жалобы защитника, возражения прокурора, а также расписки о желании (нежелании) осужденного участвовать в судебном заседании и об участии защитника;

– пропуск заявителем предусмотренного ст. 401.6 УПК РФ годичного срока обжалования судебных решений по основаниям, ухудшающим положение осужденного;

– невозвращение осужденному возражения на кассационную жалобу потерпевшего для устранения недостатков, свидетельствующих о том, что в возражениях фактически оспаривается законность судебных решений.

Проведенное обобщение позволяет представить более общую классификацию нарушений, допускаемых в вопросах приемлемости кассационных жалобы, представления, и подготовленности уголовного дела к рассмотрению в порядке «сплошной кассации». На наш взгляд, в основе такой классификации видятся нарушения, допущенные конкретным субъектом уголовно-процессуальных отношений при обращении с кассационной жалобой, представлением и направлением уголовного дела в суд кассационной инстанции.

Нарушения, допускаемые сторонами, заинтересованными лицами, при подаче кассационных жалобы, представления. Они выражаются, во-первых, в несоблюдении предусмотренных УПК РФ оформительских требований. Причиной таких нарушений является невнимательность, небрежность участников уголовного судопроизводства, которые проявляются, например, в неправильном указании адресата (суда), которому направляется апелляционная жалоба, представление; в отсутствии подписи заявителей.

Во-вторых, в несоблюдении предусмотренных УПК РФ содержательных требований. Причиной таких нарушений является ненадлежащее изучение уголовного дела, незнание конструктивных элементов кассационных жалобы, представления и возражений, подаваемых на них. Последние проявляются, например, в неуказании в тексте кассационной жалобы, каким образом права и интересы заявителя как лица, не являю-

щегося участником уголовного судопроизводства, затрагиваются обжалуемыми судебными решениями; в наличии элементов кассационной жалобы в возражении.

Нарушения, допускаемые судами первой инстанции при направлении уголовного дела в кассационный суд общей юрисдикции, во-первых, связаны с поверхностной проверкой наличия нарушений, допускаемых сторонами, заинтересованными лицами, при подаче кассационных жалобы, представления.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что допускаемые судьями районных (городских) судов и мировыми судьями нарушения требований уголовно-процессуального закона не являются следствием каких-либо системных нарушений либо объективных причин, а обусловлены субъективным фактором, связанным с невнимательным изучением поступающих кассационных жалоб и приложенных к ним документов, незнанием содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 УПК РФ, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» разъяснений и отсутствием должного контроля со стороны председателей судов за полнотой исполнения возложенных на судей первой инстанции полномочий при направлении уголовных дел с кассационными жалобами, представлениями в Первый кассационный суд общей юрисдикции.

Список источников

1. Справка о результатах изучения соблюдения требований ст. 401.7 УПК РФ судами, входящими в юрисдикцию Первого кассационного суда общей юрисдикции, при направлении уголовных дел в суд кассационной инстанции во 2-ом полугодии 2021 г. // Архив Первого кассационного суда общей юрисдикции. 2021.

2. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 19.12.2016, с изм. от 13.01.2022) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ **(к X Всероссийскому съезду судей)**

*Сборник материалов
Всероссийской межведомственной научно-практической конференции*

В двух частях

Часть II

Под редакцией В.И. Поправко, Ю.В. Журавлёвой, Р.В. Ярцева

Научное издание

Корректор: Н.Г. Петрова
Компьютерная верстка: А.А. Руин
Обложка: А.А. Руин

Подписано к печати 08.08.2022 г. Формат 70 × 90 1/16.
Усл. печ. л. 19,37. Тираж 120 экз. Заказ № 18

Отпечатано в ООО «Издательство «Автор»
ИНН 5259049690 ОГРН 1065259035632
603140, г. Нижний Новгород, пр-т Ленина, 15/1

